

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

40 ЛЕТ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

коллективная монография

МОСКВА
ИВ РАН
2020

ББК 63.3(5) (5Ирн)

С 65

Ответственные редакторы

к. филолог. н. М. С. Каменева

к. и. н. И. Е. Федорова

Рецензенты

д.и.н. В. Я. Белокреницкий, к.э.н. Н. Г. Масумова

Утверждено к печати

Редакционно-издательским советом

Института востоковедения РАН

С 65 **40 лет Исламской Республике Иран: (Коллективная монография)/**

Отв. ред. М. С. Каменева, И. Е. Федорова; Ин-т востоковедения
РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 358 с.

ISBN 978-5-89282-991-5

DOI: 10.31696/ 9785892829915

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография является результатом проведенной сектором Ирана совместно с Посольством ИРИ в РФ международной конференции с одноименным названием и содержит материалы, посвященные как внешнеполитическим, так и внутренним проблемам Исламской Республики Иран за сорокалетний период ее существования. Рассматриваются процессы, происходящие внутри страны, характерные для таких областей, как экономика, политика, культура. Показаны как общие, так и частные тенденции, существующие в этих сферах. Значительное место занимают взаимоотношения ИРИ с внешним миром – политика Ирана в регионе, в частности в Сирии, отношения с США, влияние иранской революции на исламские движения на Ближнем и Среднем Востоке. Особую ценность придает работе раздел, написанный иранскими исследователями, отражающий точку зрения иранских ученых на процессы, происходившие в стране на протяжении 40 лет становления и развития исламской республики.

Работа может быть интересна не только иранистам, но и всем тем, кто интересуется проблемами региона и мира в целом. Она представляет не только научный интерес, но и может быть использована в образовательном процессе в качестве учебного пособия для студентов восточных специальностей.

ISBN 978-5-89282-991-5

ББК 63.3(5) (5Ирн)

© Коллектив авторов, 2020

© ФГБУН ИВРАН, 2020

Содержание

О МОНОГРАФИИ	4
Вместо предисловия. ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ	7
Глава I. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	19
Социально-экономическое развитие – достижения и проблемы	19
Эволюция инвестиционной политики	40
Глава II. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ	62
Особенности развития политического процесса	62
Становление и развитие вооруженных сил	84
Ядерная программа: история и современное состояние	99
Глава III. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА. СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ	129
Основные тенденции культурной политики	129
Программа реализации принципов исламской иранской культуры	153
Дискурс «исламская республика» в персидских политических текстах.....	169
Глава IV. КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	184
Основные форматы и особенности иранской дипломатии	184
Влияние революции 1979 г. на внешнюю политику	202
Исламская революция в Иране и исламское движение на Ближнем и Среднем Востоке	223
Сирийский кризис под углом иранских национальных интересов	230
Современные тенденции в отношениях Израиля и Ирана.....	245
Глава V. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИРИ ГЛАЗАМИ ИРАНСКИХ УЧЕНЫХ	275
Религиозная демократия: достижения и проблемы	275
Проблема социальной справедливости в современном Иране.....	284
Стратегия внешней политики в регионе Ближнего и Среднего Востока.....	299
Причины противостояния Ирана и Соединенных Штатов Америки	306
Отношения России и ИРИ: оценки французских исследователей.....	315
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	351
ОБ АВТОРАХ	355
SUMMARY	357

О МОНОГРАФИИ

Коллективная монография «40 лет Исламской Республики Иран» посвящена рассмотрению основных тенденций развития страны во внутренней и внешней политике, экономике, социальной и культурной сферах. Она подготовлена российскими и иранскими учеными, принявшими участие в одноименной конференции, которая состоялась в Институте востоковедения РАН в апреле 2019 г. и подвела итоги развития Ирана за 40 лет.

Авторы постарались охарактеризовать место Ирана в цивилизационном пространстве Евразии и определить критерии такого понятия, как «исламская республика» в иранском варианте – этого уникального государственного образования.

Тщательно проанализировано развитие экономической политики ИРИ и ее влияние на социально-экономическую ситуацию в стране за годы исламского правления. Акцент сделан на соотношении внутренних и внешних факторов развития, особенно на санкционной политике в отношении Ирана.

Рассмотрение внутренней ситуации приобретает особое значение в свете проблем, которые стоят перед Ираном в наши дни: это и усиление протестных выступлений в связи с кризисом в экономике, и предстоящие президентские выборы в 2021 г.

В ряде разделов монографии содержится анализ ядерной проблемы Исламской Республики Иран, начиная с ее зарождения и до сегодняшнего дня. Прослеживается развитие иранского ядерного потенциала, определяется его состояние накануне принятия Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), в том числе с точки зрения возможности создания ядерного оружия, а также анализируется сложный процесс переговоров по этой проблематике.

Уделяется большое внимание значению СВПД и борьбе международного сообщества за его сохранение в противостоянии с политической администрации президента США Д. Трампа, направленной на разрушение ядерной сделки.

Подробное освещение получила тематика, связанная с эволюцией вооруженных сил ИРИ, которые постоянно совершенствовались и модернизировались.

Анализ культурного развития ИРИ за 40 лет правления исламского режима и культурной политики руководства страны позволил прийти к выводу о значительной роли культуры в решении как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических проблем, стоящих перед Ираном. В этом контексте важно обращение к роли персидского языка как важного фактора современной культурной политики.

Значительное место в монографии занимают вопросы места ИРИ в системе международных отношений в целом и в регионе Ближнего и Среднего Востока в частности, а также анализ форм и методов дипломатии. В центре внимания авторов находится непростая ситуация, сложившаяся вокруг Сирии, и отношения ИРИ со странами, влияющими на ситуацию в этой стране, в частности с Израилем.

Участие иранских ученых в монографии позволило показать различные подходы к анализируемым проблемам. Анализ точек зрения на ключевые вопросы развития современного Ирана, дискутируемые в научном сообществе страны, дает возможность представить картину состояния его научной мысли. Подходы иранских исследователей не полностью совпадают с оценками российских авторов. Их позиция в значительной степени отражает взгляды руководства ИРИ. По этой причине материалы, подготовленные иранскими учеными, выделены в отдельную главу.

Монография состоит из пяти глав, в написании которых приняли участие российские и иранские ученые. Предисловие – З. А. Арабаджян, глава I – Н. М. Мамедова («Социально-экономическое развитие – достижения и проблемы»), А. Н. Обухова («Эволюция инвестиционной политики»), глава II – Е. В. Дунаева («Особенности развития политического процесса»), В. И. Сажин («Становление и развитие вооруженных сил»; «Ядерная программа: история и современное состояние»), глава III – М.С. Каменева («Основные тенденции культурной политики»), А. И. Полищук («Программа реализации принципов исламской иранской культуры»), Е. Л. Гладкова («Дискурс “исламская республика”

в персидских политических текстах»), глава IV – В. И. Юртаев («Основные форматы и особенности иранской дипломатии»; работа выполнена в рамках гранта РФФИ «Место Индии и Ирана в новом региональном порядке в Евразии № 18–014–00027/18»), И. Е. Федорова («Влияние революции 1979 г. на внешнюю политику»), С. Б. Дружиловский («Исламская революция в Иране и исламское движение на Ближнем и Среднем Востоке»), В. В. Евсеев («Сирийский кризис под углом иранских национальных интересов»), Т. А. Карасова («Современные тенденции в отношениях Израиля и Ирана»), глава V – А. Мохагег («Стратегия внешней политики в регионе Ближнего и Среднего Востока»), Х. Бехештипур («Причины противостояния Ирана и Соединенных Штатов Америки»), С. С. Хагигат («Религиозная демократия: достижения и проблемы»), С. А. Мирмусави («Проблема социальной справедливости в современном Иране»), Ю. Талатчиан (Ю. А. Зотова) («Отношения России и ИРИ: оценки французских исследователей»).

Монография предназначена для ученых, преподавателей и студентов, изучающих вопросы развития стран Ближнего и Среднего Востока, международных отношений в целом и в регионе Западной Азии, а также широкого круга читателей.

Вместо предисловия

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В последние годы, особенно после начала взаимодействия российских и иранских вооруженных сил в Сирии, общераспространенным мнением стало представление о том, что Россия и Иран являются не просто партнерами, а стратегическими союзниками. У такого мнения имеются некоторые основания. Менее распространенной точкой зрения является позиция, согласно которой текущее сближение является временным, ситуативным, основанном на том, что по ряду вопросов интересы обеих стран совпадают. Такому временному сближению способствует и то, что Россия и Иран оказались в одном списке государств, которых США причисляют к странам-изгоям и вводят против них многочисленные санкции. Каждая из этих полярных оценок основывается на такой категории, как интересы, на том, совпадают ли они на краткосрочную или на долгосрочную перспективу.

Однако интересы – вещь очень подвижная, склонная к изменениям, зависящая от множества переменных. Вот почему для ответа на данный вопрос и шире – для понимания места Ирана на просторах Евразии – целесообразно проанализировать ситуацию, используя не только интересы, но и нечто, являющееся более стабильным, не подверженным быстрым переменам, скачкам. Здесь имеются в виду ценности, которые коренятся в истории, традиции, вере каждого народа и не зависят от конъюнктурных колебаний. Иначе говоря, ценности определяются цивилизационной принадлежностью народа той или иной страны или, наоборот, цивилизационная принадлежность страны определяется ценностями, которых придерживается ее народ. Но в любом случае

между этими двумя категориями (ценности и цивилизационная принадлежность) имеется определенная корреляция.

Представляется целесообразным поставить вопрос о том, что такое Иран на просторах Евразии, каково его место в цивилизационном плане. Иначе говоря, к какой цивилизации¹ он принадлежит. Следует отметить, что в Евразии существует три цивилизации, составленные из больших групп стран: североатлантическая, арабо-мусульманская и евразийская. Особняком стоит Индия, которую мы рассматриваем как отдельную цивилизационную структуру.

Поставленный вопрос не праздный, ибо от того, сумеем ли мы правильно ответить на него, зависит и подход к выстраиванию отношений между Россией и Ираном. Здесь имеются в виду не те тактические моменты, которыми с разной степенью успешности занимался и занимается МИД нашей страны, а стратегические подходы к выстраиванию двусторонних и многосторонних отношений. Более того, крайне важен вопрос о том, можно ли успешно и на долгосрочной основе вовлекать Иран в различные политические и экономические международные блоки и группы стран, в которых участвует и Россия.

Отвечая на этот вопрос, следует помнить, что Иран – это древняя страна, внесшая большой вклад в сокровищницу мировой культуры. Достаточно сказать, что первая

¹ Вопрос о том, что такое цивилизация, крайне сложен и многослоен. Им занимались Н. Я. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер, Ф. Энгельс и др. философы, социологи и историки. В конце XX – начале XXI в. развернулась дискуссия о «столкновении» (С. Хантингтон) и «диалоге» (Х. Роухани) цивилизаций. Для целей настоящей работы в качестве рабочего понятия мы принимаем определение, данное А. Г. Дугиным в его статье ««Цивилизация» как идеологический концепт», в которой автор отмечает, что понятие ««цивилизация» в оперативном и актуальном политологическом анализе применяется ..., чтобы обозначить широкие и устойчивые географические и культурные зоны, объединенные приблизительно общими духовными, ценностными, стилистическими, психологическими установками и историческим опытом». URL: <http://philosophy.spbu.ru/library/7682/7689> (дата обращения: 28.01.2020).

хартия прав человека была явлена миру именно Ираном. Курош Великий пожаловал ее народам своей державы после присоединения Вавилонского царства. В ней гарантировалась защита собственности и жизни подданных, уважение к обычаям и традициям народов его империи, свобода вероисповедания, причем ни одной из религий не давалось преимуществ. И об этом должны помнить все нынешние правозащитники, когда клянутся в верности идее защиты прав человека.

Примечательно, что греки никогда не относили персов к числу варваров и в цивилизационном плане не отделяли себя от них. Иное дело римляне, которые причисляли к варварам всех и лишь греков ставили выше других, но ниже себя, хотя и позаимствовали у них богов и почти всю мифологию.

Разумеется, Иран никак нельзя отнести к странам евроатлантической цивилизации, прообразом которой была Римская империя. Его хочется «положить на полочку», где написано: арабо-мусульманская цивилизация. Однако так ли это? Принять такое суждение только на основании того, что государственной религией Ирана является ислам, представляется решением весьма поспешным. Ведь кроме религии, хотя это и очень важный фактор, у Ирана с арабскими странами мало общего. Да и его религия несколько отличается от веры подавляющего большинства арабов. Причем некоторые из наиболее рьяных суннитов не считают мусульманами иранцев на основании того, что они шииты.

Более того, один из выдающихся иранских мыслителей середины XIX в. Джалал эд-Дин Мирза, последний сын Фатхали-шаха, в своем произведении «Намее Хосрован» («История царей»)² относил арабское завоевание Сасанидского Ирана к одной из двух величайших трагедий персидского народа.

² Jala led-Din Mirza. Name-ye Khosrovan: Dastan-e padshahan-e Pars be zaban-e farsi ke sudmand-e mardoman be vizhe kudakan ast. 3 jeld. Tehran, 1862–1872.

После нашествия арабов народы Ирана в течение примерно ста лет постепенно переходили из зороастризма в ислам. Разумеется, это был тот ислам, который сейчас именуется исламом суннитского толка, поскольку первоначально другого и не было. Однако уже в конце первого века хиджры ислам разделился на суннизм, шиизм и хариджизм (в переводе с арабского «шй'а» означает «секта» или «группировка»).

Правда, Иран еще много веков продолжал оставаться преимущественно суннитской страной. В начале XVI в. он был завоеван тюркским племенем кызылбашей во главе с шахом Исмаилом, основавшим династию Сефевидов, которые уже были шиитами. С этого времени начался процесс добровольно-принудительного массового перехода населения в веру господствующего племени. Поскольку в Иране не было подготовленных шиитских не только богословов, но и просто мулл, то преемник Исмаила шах Тахмасп приглашал богословов из других шиитских стран: Ирака, Сирии и Ливана. В частности, из ливанского городка Джебель Амеля в Иран приехал видный шиитский проповедник шейх Абдель Али Кяраки³. Роль этого богослова в распространении шиизма в Иране была столь велика, что шах Тахмасп отказался от титула наиб аль-имам (наместник имама), который он унаследовал от шаха Исмаила, в его пользу.

Постепенно шиизм прижился и вошел в плоть и кровь иранского народа. Однако это сразу же сделало Иран политическим центром альтернативного религиозного течения в исламе, что имело для него очень важные геополитические последствия, поскольку другие земли с частично шиитским и даже преимущественно шиитским населением своей государственности не имели. Во многом такая ситуация определила многовековое противостояние Османской империи и Ирана, а на современном этапе – Саудовской Аравии

³ См.: лекция профессора Бахрама Чубине URL: https://www.youtube.com/watch?v=ChPJcn0JO_g&feature=youtu.be (дата обращения: 20.01.2019).

и Ирана. Таким образом, он не вполне вписывается в рамки арабо-мусульманской цивилизации.

Ситуация с тем, что Иран превратился в альтернативный центр в исламском мире, предельно схожа с положением нашей страны, которая по воле князя Владимира, приняв христианство, стала частью западной цивилизации. Однако приняв его в православном – византийском варианте, сразу же вывела себя из нее, превратившись именно в альтернативный Запад. Как и в Иране, на Руси не было своих священников, и они в течение долгого времени приезжали из Византии. Несколько сот лет пост главы Русской православной церкви занимали только греческие священники. Как и Иран, Россия не является страной, в которой расположены древнейшие святыни ее веры. А геополитические проблемы нашей страны также во многом связаны с религиозной и отталкивающейся от нее ментально-ценностной традицией.

Поэтому не стоит спешить причислять Иран к арабо-мусульманской цивилизации, а более внимательно приглядеться к цивилизации евразийской. Она поликонфессиональна, в нее входят представители трех мировых религий – христианства, ислама и буддизма – и в этом состоит ее существенное превосходство над двумя другими цивилизациями, существующими на материке Евразия. В составе этой цивилизационной группы страна с любой верой не будет чужой. Вероятно, можно предположить, что цивилизационно Иран все-таки ближе к евразийской цивилизации.

И здесь мы должны обратиться к другому событию, которое Джалал эд-Дин Мирза называл второй (после арабского завоевания) величайшей трагедией, обрушившейся на Иран, а именно нашествию монголов.

Все земли и народы, в свое время завоеванные монголами, входили в империю Чингизидов в качестве частей одного из улусов. Собственно Монголия была улусом великого хана, Китай – Их Юан-улусом, в котором правила

монгольская династия Юань, русские княжества – улусом Джучи, государства Средней Азии – улусом Чагатай, а Иран был особым, пятым, улусом, который специально для себя создал Хулагу-хан, или государством Хулагуидов, просуществовавшим с 1256 по 1353 г.

Все народы, входившие в империю Чингизидов, в своих религиозных и правовых установках превыше всего ставили такое понятие, как справедливость.

Вот выдержки из Ясы-хана, касающиеся вопросов справедливости:

«– Первым является следующее: любите друг друга; во-вторых, не совершайте прелюбодеяние; не крадите; не лжесвидетельствуйте; не предавайте кого-либо. Уважайте стариков и бедных.

– Он (Чингизхан) запретил им (монголам) есть что-либо в присутствии другого, не приглашая его разделить пищу; он запретил любому человеку есть больше, чем его товарищи.

– Он (Чингиз-хан) приказал уважать все религии и не выказывать предпочтения какой-либо из них»⁴.

«– Существует равенство. Каждый человек работает столько же, сколько другой; нет различия. Никакого внимания не уделяется богатству или значимости.

– У умершего человека, не имеющего наследника, ничего не изымается в пользу хана, но его имущество должно быть отдано человеку, ухаживавшему за ним»⁵.

Тема справедливости является одной из центральных и в исламе. Ниже приводятся только две суры из Корана, в которых об этом говорится:

«О вы, кто верует! Свидетельствуя перед Богом,
Должны блюсти вы строго справедливость,
Будь против вас направлена она
Иль против ваших матерей, отцов иль братьев,

⁴ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь – Москва, 1997. С. 109.

⁵ Там же. С. 112–113.

Против богатого иль бедняка —
Господь к обоим ближе всех
(И может защитить обоих).
Не предавайтесь вы страстям,
Чтобы не стать несправедливым.
Но если вы душой кривите
Иль уклоняетесь от правосудья,
То сведущ Бог, что вы творите»⁶.
«О, вы, которые веруют! Свидетельствуя перед Богом,
Должны блюсти вы строго справедливость.
Пусть ваша неприязнь к (некоторым) людям
Ко злу не побуждает вас,
Не отклоняет от решений справедливых.
Блюдайте (строго) справедливость,
Ведь это ближе к благочестию стоит.
Страшиться гнева вашего Владыки!
Он сведущ в том, что делаете вы»⁷.

Таких примеров можно было бы привести много. Что касается христианства, то здесь все ясно. Тексты Нового Завета однозначно ставят справедливость во главу угла. Другие понятия, ставшие ключевыми в настоящее время – свобода и закон, – носят в нем подчиненный характер. Понятие «свобода» употребляется прежде всего как противоположность рабству, а закон – только как Закон Моисея. Но там дается и его критика, указывается, что он несовершенен. Так, апостол Павел в Послании к Евреям говорит: «Ибо закон ничего не довел до совершенства ...»⁸

⁶ Священный Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Прохоровой. Тегеран, 1997.4:135. С. 119.

⁷ Там же. 5:8. С. 127.

⁸ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Нью-Йорк – Женева – Лондон [б.г.]. Новый Завет, 7:19. С. 267.

Между тем разделение христианства на православие и католицизм привело к тому, что у западных христиан закон и его соблюдение стали главным принципом жизни. При этом неважно, каков именно закон, плох он или хорош, справедлив или нет. Так, в Англии по закону о бродяжничестве, наиболее жестокие варианты которого были утверждены в 1536 и 1547 гг., казнили сотни тысяч крестьян, согнанных ленд-лордами с земли в процессе огораживаний. Эти люди были виноваты лишь в том, что шли в города в поисках работы и куска хлеба. Все было по закону, но не по справедливости.

Однако в ментальности русского народа, да и многих народов евразийской цивилизации, система ценностей и принципов жизни иная. Опыт русской истории показывает, что она строится на пяти принципах:

- власть выше собственности;
- служение выше владения;
- справедливость выше закона;
- общее выше частного;
- моральное выше материального⁹.

У народов западной цивилизации все наоборот. Это не означает, что одни плохие, а другие хорошие, просто они разные. Вопрос состоит в том, насколько иранский менталитет соответствует данным принципам.

Принцип «власть выше собственности» означает, что не деньги дают власть, а власть дает богатство, т.е. тот, кто при власти обогащается благодаря этой близости. Для Ирана это, безусловно, так. Со времен древнейшей иранской истории до сегодняшнего дня мы имеем множество примеров, как нищие безвестные люди, попав во властные структуры, поближе к трону, сказочно обогащались. И наоборот, очень

⁹ Данные принципы в указанном виде сформулированы А. П. Девятовым. – См.: Девятов А. П. Вспоминая святую Русь. Суверенитет культуры: время правды и время справедливости // Перемены. URL: <https://www.peremeny.ru/books/osminog/9175> (дата обращения: 21.12.2019).

богатые царедворцы, оказавшись в опале, лишались всего своего богатства.

Производным от этого является и второй принцип, поскольку для обычного человека служить в государственных структурах в Иране было всегда не только почетно, но и выгодно, за хорошую службу он не только мог получить вознаграждение, но и титул¹⁰, высокую должность, теплое доходное место. В той или иной форме, но в Иране большинство людей должны служить.

При выборе между законом и справедливостью иранец выберет справедливость, хотя, разумеется, в ее понимании у людей могут быть различные представления. Не случайно шах Хосров I из династии Сасанидов за свою мудрость и справедливость получил прозвище Ануширване Адель (Ануширван Справедливый); первый гражданский суд, созданный в ходе конституционной революции, был назван Адиле, а одна из первых иранских марксистских групп называлась Эдалят (справедливость). Более того, даже в ходе антиправительственных выступлений в декабре 2017 г. главной причиной недовольства было чувство несправедливости, накопившееся в обществе.

¹⁰ В Иране издревле существовала система пышных титулов, которыми наделялись придворные вельможи и иные знатные люди. Хотя при удачном стечении жизненных обстоятельств любой иранец мог ухитриться получить тот или иной титул. Титулы были очень разнообразными и по структуре своей двусложными. Первое слово означало, как правило, сферу деятельности, в которой отличился награждаемый человек. Например, Сейф – меч или Этемад – доверие, или Наиб – заместитель и т.д. Вторая часть могла быть самой различной и также отражать профессиональные достоинства. Например, Малек ош-Шоара – король поэтов или Малек оль-Мохандесин – король инженеров. Однако для придворной бюрократии и чиновничества второй компонент титула был жестко ранжирован и разбит на четыре типа, которые перечисляются от менее почетного к более почетному: Салтане (правительства), Мольт (царство), Мамалек (царств или империи) и Доуле (государства). Например, Этемадоль-Мольт – доверие царства было лучше, чем Этемад ос-Салтане, но хуже, чем Этемадоль-Мамалек. Но наиболее почетным было носить титул, оканчивавшийся на од-Доуле. Вскоре после воцарения в 1925 г. династии Пехлеви все титулы были отменены.

Хотя в Иране, как и в России, в повседневной жизни на уровне отдельного человека действует принцип «своя рубашка ближе к телу», в критические для страны моменты иранское общество неоднократно демонстрировало способности к объединению. Так было и в период революции 1905–1911 гг., в период борьбы за национализацию нефтяной промышленности и в период революции 1978–1979 гг., и ирано-иракской войны.

Представляется, что ключевой особенностью сознания является превалирование справедливости над законом. И это проявляется в перипетиях экономического развития Ирана в XX – начале XXI в. Все попытки властей стимулировать развитие частного предпринимательства имели и имеют крайне ограниченный результат. Во всяком случае, частнокапиталистический сектор не может стать локомотивом экономического развития страны, и она идет по пути развития государственного капитализма. Это происходит, несмотря на то что в Иране сформировались крупные частные компании не только в сфере торговли, но, например, и в строительном бизнесе. Имеются сверхбогатые люди, владеющие частными самолетами, а в государственных органах находится целый ряд заявлений с просьбой разрешить приобретение частного авиалайнера – бизнес-джета.

Всякая попытка государства насаждать частный сектор заканчивается весьма специфически. Происходит сращение, симбиоз, частных и государственных компаний, которые начинают функционировать при доминировании государственного сектора. В связи с такой ситуацией в Иране не без доли иронии, но вполне серьезно, стали говорить о дополнении двух традиционных секторов экономики доуляти (государственного сектора) и хосуси (частного сектора) третьим – хосуляти (частногосударственным).

Такая ситуация очень похожа на то, что происходило в России между 1861 и 1917 гг. и после 1991 г., да и во многих

странах евразийской цивилизации. Причина этого, на наш взгляд, состоит в том, что в сознании народов этого региона, несмотря на вполне понятное желание каждого отдельно взятого человека вести богатую и беспечную жизнь, капитализм не совмещается с представлениями о справедливости.

Приведенные факторы свидетельствуют в пользу того, что Иран определенно тяготеет именно к евразийской цивилизации. Однако это не означает, что приводящие моменты, внешний фактор, различия в интересах и исторический опыт не будут препятствовать процессу евразийской интеграции Ирана.

Особенно важно то, что неизбежно центром кристаллизации евразийского пространства является Россия, с которой на протяжении последних двухсот лет у Ирана были очень непростые отношения. Две русско-персидские войны, по результатам которых земли, считавшиеся в Иране своими исконными (Дагестан, Азербайджан, Восточная Армения), перешли к России, неравноправные договоры, всевозможные концессионные соглашения, ввод советских войск в 1941 г. и пр. И всех этих реальных и мнимых обид никто там не забыл.

Другим фактором, препятствующим евразийской интеграции, являются великодержавные в масштабах Ближнего и Среднего Востока амбиции Ирана, стремление ограничить влияние других стран в данном регионе. И в этом плане не произошло принципиальных изменений в политике руководства Исламской Республики Иран по сравнению с монархическим периодом.

Следующая причина, которая может затормозить и даже приостановить «дрейф» Ирана к евразийской группе, это внутриполитическая ситуация. Очевидно, что страна вступает в очередной период политической дестабилизации как под воздействием причин внутреннего генезиса, так и под влиянием внешних факторов. В случае либерального реванша

новая власть, а иная при нынешнем мироустройстве установиться и не сможет, начнет перестройку социального гено-типа и традиционной ценностной базы иранского народа. Дело это безнадежное, что подтверждается в том числе и опытом России, но на какое-то время вектор движения страны может измениться.

С учетом всего изложенного следует полагать, что иранский народ в основном находится в русле ценностных доминант и соответствует культурным кодам, присущим народам евразийской цивилизации. Однако это не детерминирует автоматически его встраивание в евразийские структуры в политическом и экономическом плане. Очень многое будет зависеть как от процессов, происходящих в самой стране, так и в мире, а также от действий России как объединительного центра евразийского интеграционного проекта, которые должны сочетать настойчивость и такт, железную логику и деликатность, последовательность и экспромт.

Вероятно, ознакомившись с материалами настоящего исследования, читатель сам сможет сделать вывод о том, какая из двух тенденций окажется преобладающей.

Литература

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Нью-Йорк, Женева, Лондон, [б.г.].

Священный Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Прохоровой. Тегеран, 1997.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь – Москва, 1997.

Browne E. The Persian Revolution of 1905–1909. Cambridge, 1910.

Adamiyat F. Ideolozhi-ye nehzat-e mashrutiyat-e Iran. Tehran, 1975.

Jalal ed-Din Mirza. Name-ye Khosrovan: Dastan-e padshahan-e Pars be zaban-e farsi kesudmand-e mardoman be vizhe kudakan ast. 3 jeld. Tehran, 1862–1872.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Социально-экономическое развитие – достижения и проблемы

В экономической истории Ирана 60–70-е гг. явились периодом ускорения модернизации, проходившей в рамках реформ «белой революции», финансовой основой которой стали доходы от экспорта нефти. Среднегодовой темп прироста ВВП (в постоянных ценах) за 1960–1966 гг. составлял 6,7%, а в 1967–1977 гг. – уже 10,8%. Появились новые современные отрасли, развитие которых базировалось в основном на использовании иностранного капитала и импорта передовых технологий. В результате рост промышленности превышал общие темпы роста национальной экономики и составлял в 1960–1966 гг. 11,1%, а в 1967–1977 гг. – 12,8%. Доля промышленности с 1970-х гг. стала устойчиво расти в общем объеме ВВП¹. Однако экономическая модернизация затронула главным образом государственный сектор и тот узкий круг предпринимателей, который был тесно связан с государственным сектором, шахским двором и иностранным капиталом. Именно эти предприниматели фактически перекрыли возможности развития для широких слоев населения. Ускоренное внедрение западных форм бизнеса вызвало столь же ускоренное «вымывание» традиционных форм, которые обеспечивали основную долю занятости городского иранского населения².

¹ Мамедова Н. М. Экономика Ирана. М., 2018. С. 73.

² Мамедова Н. М. Опыт социально-экономических реформ Ирана в условиях исламского правления // Ближний Восток в поисках политического будущего. М., 2019. С. 458.

Многое было сделано в социальной области: приняты вполне передовые по европейским меркам законы о труде, социальном обеспечении, даже об участии рабочих в прибылях, об обязательном не только начальном, но и среднем образовании. В результате аграрных реформ была ликвидирована издольная аренда, а крестьяне, которые использовали землю на условиях аренды, получили ее в собственность. В деревни были направлены различные корпуса из призывников, которые занимались просвещением, борьбой с неграмотностью, здравоохранением, распространением современных методов ведения сельского хозяйства и т.п.

Но иранский тип модернизации не включал в себя элементы политической либерализации, и в результате сложилась жесткая централизованная модель, в которой решающие позиции занимал шахский двор, близкие к нему предприниматели и иностранные компании. Эта централизованная экономическая система Ирана, как это ни парадоксально, начала давать сбои при высокой динамике роста, в условиях получения высоких доходов из-за роста цен на нефть. Экономика оказалась не готова к такому росту, и любое его замедление могло привести к социальному взрыву. Так и произошло. За последние два года до Исламской революции темпы роста ВВП снизились до 1%, а за 1978/79 г. опустились на 13%. Чрезвычайно уязвимой для экономики и, как оказалось, для политического режима оказалась крайняя зависимость экономики от нефтяной отрасли. С этой точки зрения интересным может быть сопоставление отраслевой структуры промышленности накануне революции и в настоящее время (табл. 1).

Как показывают данные таблицы, даже по сравнению с 2016/17 г., когда рост ВВП был достигнут главным образом за счет роста добычи и экспорта нефти, в шахский период нефтяная промышленность занимала почти монопольные позиции в промышленных отраслях. Рост удельного веса обрабатывающей и горнодобывающей отраслей

в промышленных отраслях был обусловлен ростом обрабатывающей промышленности. Особое внимание обращает на себя резкое увеличение в период исламской республики удельного веса отрасли, связанной с энергетикой, обеспечением экономики и населения газом и водой. Бóльшая часть населения до революции не имела даже доступа к электроэнергии и питьевой воде, электричеством пользовалось только 43% всех домохозяйств, а водой – только 33%.

Таблица 1

Структура промышленных отраслей, %

Отрасль	1975/76 г.	2014/15 г.	2016/17 г.	2017/18 г.
Нефть	68,1	34,8	49,1	48,1
Промышленность	19,9	32,6	26,8	27,3
Строительство	10,3	16,7	9,8	9,6
Вода, энергетика, газоснабжение	1,7	15,9	14,3	15,0

Рассчитано по: Сальнаме-йе амари-йе кешвар 1377 (1998/99 г.). Тегеран, 1994. S. 602 (в ценах 1982/83 г.); The Central Bank of IRI. Economic Trends, № 92, 1397, Q 1 (2018/19 г.). P. 3.

Увеличившиеся доходы от нефти не только не смогли снизить уровень расслоения иранского общества, но и повысили его. Индекс Джини в 1975/76 г. превышал 0,4. Хотя, безусловно, в целом уровень жизни населения вырос. Из всех социальных слоев общества в результате «белой революции» больше всех «пострадало» духовенство, лишившееся вакуфных земель, роли в правовой системе и в образовании. В значительной мере ущемленными оказались мелкие предприниматели в промышленности и в торговле. Антишахское движение возглавило духовенство, у которого появился харизматичный лидер – имам Хомейни.

Макроэкономическая характеристика экономики ИРИ

После революции главной задачей новой власти стало создание такой экономики, которая могла бы менее зависеть от экспорта нефти и для более справедливого распределения

национального дохода. Конечно, не все удалось. Периодами рос индекс Джини, но на 2015/16 г.– 2017/18 г. он оценивается в 0,37, т.е. ниже, чем в 1975/76 г.

Несмотря на периоды спада экономики, даже кризиса из-за санкционного давления, уровень жизни населения страны неуклонно возрастал. Отражением этого стала повышательная динамика ВВП на душу населения по паритетам покупательной способности (в долл. США, в ценах 2011 г.)³:

1980 г. – 6413

1990 г. – 7375

2000 г. – 10 530

2010 г. – 17 767

2018 г. – 21 050.

В 2018 г. Иран занял по этому показателю 69-е место в мире, превысив средний по миру показатель (17,9 тыс. долл.) на 17,5% и вошел в группу стран с доходом на душу населения выше среднемирового⁴. Доля бедного населения, живущего на 1,9 долл./день, в 2018 г. составила всего 0,3%, т.е. снизилась по сравнению с 1990 г. в 18,7 раза⁵.

Уровень жизни определяется не только денежными доходами, но и степенью обеспеченности различными социальными благами. В настоящее время иранское население имеет доступ к базовым услугам: на 100% к электроэнергии (вместо 43% в шахский период)⁶ и на 100% к питьевой воде (вместо 33%). Газифицированы все города, а к концу 2019 г. и 100% всех домов в сельской местности. За двадцать лет, с 1996/97 г. по 2016/17 г. потребление электричества только в жилищном фонде увеличилось

³ GDP per capita (current US\$) – Iran, Islamic Rep., Japan // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=IR-JP> (дата обращения: 14.01.2020).

⁴ World Economic Situation and Prospects 2020. UNCTAD, 2020. P. 168.

⁵ World Development Indicators. Country: Iran, Islamic Rep.

⁶ Water, Electricity and Economic Development of Iran. URL: <https://financialtribune.com/articles/energy/102033/water-electricity-and-economic-development-of-iran> (дата обращения: 10.01.2020).

с 24 млн квт/ч до 78,4 квт/ч, т.е. в 3,3 раза, а газа (в домах) – с 42,5 млн куб. м до 98,2 млн куб. м, т.е. в 2,3 раза⁷. Увеличился охват населения организациями здравоохранения, просвещения. Продолжительность жизни возросла только с 1990 г. по 2018 г. с 64 до 76 лет, дети практически полностью охвачены школьным образованием. Если в 1999/2000 г. число студентов в университетах и других вузах составляло 638,9 тыс. (кроме того, в Свободном университете обучалось 669,2 тыс.)⁸, то в 2017 г. в вузах страны обучалось более 4 млн человек.

За 40 лет Исламская Республика Иран смогла обеспечить своему населению более справедливое распределение национального дохода и повысить жизненный уровень населения, тем не менее динамика положительных сдвигов уступала другим странам региона. Рейтинги Ирана – «doing business» (по степени благоприятности для ведения бизнеса), «index of economic freedom» (по индексу экономической свободы), по степени глобальной конкурентоспособности («The Global Competitiveness Index»), по индексу человеческого развития («Human Development index») – подтверждают это (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинги Ирана по индексам социально-экономического развития

Наименование индекса	Место
Ease of doing business ranking 2019 г.	128
Index of economic freedom 2019	155
The Global CompetitivenessIndex 2019	99
Human Development index 2019	65

Источники: Doing buseness 2019. https://doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB2019-report_web-version.pdf; 2019 Index of economic freedom. https://www.heritage.org/index/pdf/2019/book/index_2019.pdf; The Global Competitiveness Report 2019, World Economic Forum. (<http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2019/>); 2019 Human Development Index Ranking. <http://hdr.undp.org/en/content/2019-human-development-index-ranking>.

⁷ Central Bank of IRI. Annual Review 1379 (2000/01). P. 42; Annual Review 1396 (2017/18). P. 55–56.

⁸ Salname-ye amari-ye keshvar 1377. S. 649–651.

Наиболее высокий рейтинг у Ирана отражает не уровень экономического развития и условий для предпринимательской деятельности, а уровень жизни населения, связанный с объемом подушевого ВВП, с уровнем образования и продолжительности жизни.

Динамика общего ВВП ИРИ в течение сорока лет со дня основания республики характеризовалась то ростом, то спадом. Периоды устойчивого подъема экономики были, как видно из таблицы 3, более длительными, но периоды спада не только болезненно отражались на положении населения, но и сопровождалась изменениями в политической жизни, в отношениях Ирана с мировым сообществом. Наиболее нестабильной была динамика экономического развития после 2010 г.

Таблица 3

Темпы роста ВВП Ирана в 1980–2019 гг., %

Годы	% к предыдущему году
Среднегодовой темп за 1980-е гг.	-0,5
Среднегодовой темп за 1990-е гг.	1,7
Среднегодовой темп за 2000–2010 гг.	4,7
2011	3,1
2012	-7,7
2013*	-0,3
2014*	3,2
2015*	-1,6
2016	12,5
2017	3,7
2018	- 4,8
2019**	-8,7

* В 2013 г. цены на нефть начали повышаться, что приостановило падение ВВП Ирана, но уже в 2015 г. они упали более чем в два раза (до 41,8 долл. за баррель).

** оценка.

Источники: International Monetary Fund. World Economic Outlook: Global Manufacturing downturn, Rising Trade Barriers. October 2019. P. 152; World Bank Group. Global Economic Prospects. Slow Growth, Policy Challenges. January 2020. P. 302.

В октябре 2019 г. МВФ пересмотрел свои апрельские прогнозы на 2019 г. в сторону ухудшения экономического роста в Иране. Вместо падения ВВП в 2019 г. на -6% прогнозировалось уже до -9,5%, а на 2020 г. – до нулевого уровня⁹. Всемирный банк в январе 2020 г. дал более «благоприятный» для Ирана прогноз на 2019 г., считая, что падение ВВП составит -8,7%¹⁰.

Внутренние факторы экономического развития

Все проблемы на пути создания экономики ИРИ можно разделить на две большие группы факторов – внутренние и внешние.

К внутренним факторам мы можем отнести трудности формирования новой экономической модели развития. За 40 лет на разных этапах она была разной, хотя основные ее цели и черты были выработаны после революции и закреплены в Конституции, принятой в декабре 1979 г. Но режим оказался способен вносить в нее значительные коррективы, и в целом социально-экономическая модель отвечает запросам общества и мировым тенденциям и при этом не противоречит нормам ислама. Предпринимались попытки включить в общее правовое поле хозяйствования такие исламские формы экономики, как исламские фонды (*боньяды*), исламские банки, страхование (*такафул*), исламские облигации (*сукук*) и даже вакфы. Конечно, этот процесс не прямолинеен, он происходит в условиях внутривнутриполитической борьбы, когда к власти приходят разные представители религиозной и светской элиты, но трансформация идет то с откатами, то с прорывами.

⁹ International Monetary Fund. World Economic Outlook: Global Manufacturing downturn, Rising Trade Barriers. October 2019. P. 152.

¹⁰ World Bank Group. Global Economic Prospects. Slow Growth, Policy Challenges. January 2020. P. 302.

К внутренним факторам, которые длительное время оказывали тормозящее действие на эффективность экономического развития, следует отнести огосударствление собственности, которое было проведено в первый год революции, отказ от использования иностранного капитала. Если передача в руки государства нефтяной отрасли имела в целом положительный эффект, сделав Иран полноправным хозяином своих энергетических ресурсов, то национализация банков, промышленных предприятий и компаний, работавших в сфере услуг, несомненно сыгравшая положительную роль во время ирано-иракской войны, в мирное время стала тормозить экономическое развитие, препятствовать активизации национального предпринимательства и притоку в страну иностранных инвестиций. Государственное вмешательство в экономику достигло наивысшего уровня в 1980-е гг. Доля государства в ВВП в 1980/81 г. составляла 78%, в 1986/87 г. – более 62%. Госсектор обеспечивал в этот период более четверти доходов городских семей, более 31% всех занятых в стране, включая сельское население¹¹.

Каждое из правительств стало постепенно вносить изменения в ту модель, которая была сформирована при жизни имама Хомейни и которая помогла молодой республике выстоять во время восьмилетней войны. Необходимость все большей поддержки частного сектора нашла свое воплощение уже в Первом пятилетнем плане социально-экономического развития, который стал правовой основой первых шагов по приватизации, по организации в стране свободных экономических зон, по привлечению в страну иностранного капитала. Уже в начале 2000-х гг. стали возникать частные банки, в 2002 г. правительство М. Хатами инициировало принятие закона о привлечении и защите иностранных инвестиций, а в первом десятилетии 2000-х гг. правительство с согласия рахбара Али Хаменеи начало реализацию

¹¹ Мамедова Н. М. Экономика Ирана. С. 108.

программы широкой приватизации. В эту программу включены не только промышленные и инфраструктурные компании, но также банки и страховые компании. Если к концу 80-х гг. доля государства в ВВП превышала 60%, то уже в 2017/18 г., т.е. спустя тридцать лет эволюции экономической модели, она не превышала 15%. Особенно велика стала в настоящее время роль частного сектора в потребительской части ВВП (80%), т.е. не только в экономической, но и социальной жизни. В первом квартале 1397 г., т.е. в апреле-июне 2018 г., доля частного сектора в потребительской части ВВП возросла до 82,6%¹².

Одной из важнейших проблем экономического развития Ирана является огромная зависимость экономики от уровня добычи и экспорта нефти. Конечно, эта проблема определяется не только и даже не столько внутренними, сколько внешними факторами. Особенно велика роль последних в экспорте нефти. Несмотря на то что исламский режим ставил своей целью ослабить зависимость иранской экономики от экспорта сырой нефти (впрочем, такую же цель ставил и шахский режим), эта проблема осталась. Но она постепенно решалась, главным образом, за счет увеличения мощности нефтеперерабатывающих заводов, а также создания нефтехимической промышленности, продукция которой заняла в настоящее время главенствующее место в ненефтяном экспорте.

Если в 1976/77 г. за счет продажи сырой нефти Иран обеспечивал 86,4% всех поступлений текущего платежного баланса (и 76% всех государственных расходов), то в 2017/18 г. эта доля нефти в экспорте сократилась до 67,1%, а в 2015/16 г. практически сравнялась с ненефтяным экспортом, составив 50,6%. Но даже при такой понижающей тенденции зависимость доходной части текущего платежного баланса страны

¹² Рассчитано по: Central Bank of IRI. Economic Trends 1397(2018/19), № 3. Р. 5.

от экспорта сырой нефти остается весьма высокой. После выхода США из СВПД страны-импортеры иранской нефти в преддверии санкций увеличили закупки нефти в мае–июне 2018/19 г., и доходы от ее экспорта поднялись в I квартале 2018/19 г. до 71,5%, т.е. почти до уровня шахского периода¹³.

Влияние внешних факторов на социально-экономическое развитие ИРИ

В первые послереволюционные годы главным фактором развития явилась 8-летняя война с Ираком, последствия которой Иран сумел преодолеть уже к середине 90-х гг. В результате после окончания войны Ирану удалось обеспечить достаточно равномерные темпы роста ВВП, без сколько-нибудь заметных скачков вверх и вниз. К 2005 г. начался даже опережающий соседнюю Турцию рост ВВП на душу населения.

Вторая группа внешних факторов – это применение санкционного давления на Иран. Впервые с такого рода внешним экономическим давлением Иран столкнулся еще в 50-е гг. в виде экономической блокады Великобритании в ответ на национализацию нефтяной промышленности. Британское правительство ввело эмбарго не только на экспорт иранской нефти, но и на другие важные экспортные товары, такие как сахар и сталь, вернуло на родину всех своих специалистов, работавших в ИННК, блокировало доступ Ирана к счетам, расположенным в британских банках.

После захвата американских дипломатов в ноябре 1979 г. санкции были введены США. Были заморожены все иранские авуары и золотые запасы в американских банках. Гражданам и компаниям США было объявлено о полном запрете вести бизнес в Иране. Под влиянием тяжелых последствий

¹³ Рассчитано по: Central Bank of IRI. Economic Trends 1397 (2018/19), № 3. Р. 13.

этих мер для экономики страны, да еще в условиях ведения войны с Ираком, Иран в 1981 г. освободил американских заложников. США разморозили иранские активы на сумму 10 млрд долл., которые в значительной мере пошли на выплату по американским искам и на возвращение долгов различным иностранным банкам¹⁴.

Затем санкции периодически применялись отдельными странами в ответ на разного рода действия Ирана. Но главным инициатором введения антииранских санкций являлись США. В 1987 г. они полностью запретили товарообмен с Ираном. В 1996 г. Конгресс США утвердил новый закон о санкциях против Ирана (Iran Sanctions Act – ISA), по которому санкциям подвергалась любая компания, инвестировавшая более 20 млн долл. в энергетический сектор Ирана.

Наиболее тяжелыми для Ирана стали санкции в ответ на развитие им ядерных технологий. К односторонним санкциям с 2007 г. прибавился и с каждым годом ужесточался режим международных санкций.

Эта проблема оказывала двоякое действие на экономику. С одной стороны, осложнения с мировым рынком объективно способствовали выживанию и развитию производств, ориентированных на использование внутренних ресурсов. В связи с этим была разработана концепция «экономики сопротивления», которую рахбар в 2014 г. назвал ответом на экономическую войну против Ирана. Он выделил в ней десять основных принципов, и это заявление религиозного и государственного лидера с правовой точки зрения может рассматриваться как фетва, обязательная для исполнения¹⁵. Показательно, что в этом заявлении он признал неудачи в проведении приватизации, в решении продовольственной проблемы. Он также обратил внимание на необходимость сокращения зависимости иранской экономики от нефтяных

¹⁴ Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004. С. 478.

¹⁵ См. подробнее: Мамедова Н. М. Экономика Ирана. С. 145–146.

доходов, а также продолжения борьбы с коррупцией, т.е. признал их роль в экономической жизни. Таким образом, санкционное давление как внешний фактор развития оказывал влияние и на внутренние факторы развития.

С другой стороны, изоляция Ирана от мирового рынка, особенно финансовая, привела к кризису в экономике, что грозило не только потерей влияния в регионе, но и взрывом недовольства в самой стране.

В этих условиях руководство страны пошло на свертывание ядерной программы и подписание СВПД. Сразу же начался рост ВВП, превысивший в 2016/17 г. 12%. Конечно, этот беспрецедентный рост произошел главным образом за счет нефтяной отрасли, которая дала прирост в 61,6%, что еще раз свидетельствует о том, что она является наиболее уязвимым местом в случае санкций.

Это и показали новые санкции США против Ирана. Первые санкции новой администрации Д. Трампа осенью 2018 г. затронули более 700 физических лиц, различных компаний, в том числе иранские банки. В том же году был введен запрет на продажу Ирану наличных долларов, золота и других драгоценных металлов, на сделки в иранских риалах и т.п. Затем последовало введение санкций на закупки иранской нефти. Санкционные списки ежемесячно дополнялись. Например, 10 января 2020 г. были введены новые санкции против металлургических компаний Ирана, хотя ранее уже вводились санкции против металлургической отрасли Ирана. Судя по перечню конкретных компаний, подвергнутых январским санкциям, в их число попали компании по прямому восстановлению железа, т.е. производящих сталь высокого качества, востребованные мировым рынком¹⁶. В годовщину захвата в 1979 г. посольства США в Тегеране 4 ноября 2019 г. США ввели санкции против девяти граждан Ирана, в том числе против сына Али Хаменеи.

¹⁶ Минфин США конкретизировал новые санкции против Ирана. URL: <https://www.interfax.ru/world/690783> (дата обращения: 10.01.2020).

Но наиболее болезненными для Ирана являются санкции на закупки иранской нефти. В результате экспорт иранской нефти радикально сократился. Если на протяжении ряда лет добыча нефти в Иране превышала 3,5 млн барр/день и экспорт в среднем составлял 2,5–2,7 млн барр/день, то к ноябрю 2019 г., по данным ОПЕК, добыча уменьшилась до 2,1 млн барр/день¹⁷. Если учесть, что мощности отечественных НПЗ оцениваются в 1,2–1,5 млн барр/день, то возможности экспорта нефти сократились более чем вдвое.

Когда в конце 2018 г. США дали разрешение на полгода восьми странам на временное избежание санкций, и то в определенных количествах, сохранялись надежды на то, что дальнейшее ужесточение санкционного режима будет приостановлено. Однако срок разрешения на импорт закончился в мае 2019 г. Д. Трамп заявил о том, что срок не будет продлен. В ответ Иран заявил о том, что он постепенно будет сокращать свои обязательства по СВПД. В последние несколько месяцев 2019 г., как сообщало иранское радио, Иран обогащал уран более высокого качества и накапливал запасы, которые могут обеспечить достаточное количество сырья для ядерного оружия¹⁸. Поэтому нельзя исключать того, что это может инициировать в Совете Безопасности ООН восстановление международных санкций против Ирана. В результате вводимых США санкций под угрозой оказался СВПД и многие компании Европы и Азии, заинтересованные и в сохранении СВПД как средства предотвратить возобновление Ираном ядерной программы, и в экономических связях с Ираном.

Германия, Великобритания и Франция разработали специальный торгово-финансовый механизм INSTEX. Иран

¹⁷ OPEC Monthly Oil Market Report. December 2019. P. 58.

¹⁸ Europeans Will Not Seek Sanctions If Iran Slows Down Nuclear Activity – WSJ. URL: <https://en.radiofarda.com/a/europeans-will-not-seek-sanctions-if-iran-slows-down-nuclear-activity—wsj/30394634.html> (дата обращения: 23.01.2020).

присоединился к нему, хотя лидер страны и назвал его «горькой шуткой». 29 ноября 2019 г. к этой платежной системе присоединились Финляндия, Бельгия, Дания, Нидерланды, Норвегия и Швеция. Однако принципы работы этого финансового механизма до сих пор четко не определены, и он фактически бездействует. Отражением этого стала напряженность в обеспечении населения лекарствами, хотя INSTEX в качестве своих первоочередных задач ставил как раз поставки в Иран медикаментов и других гуманитарных товаров.

К внешним факторам, воздействующим на экономическую ситуацию в стране, можно отнести и отношение иранского руководства к присоединению к ФАТФ (*Financial Action Task Force on Money Laundering-FATF*, т.е. «Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег»). Нельзя исключать того, что если бы Иран присоединился к этой международной организации, которая тесно взаимодействует с ООН, МВФ и Всемирным банком, то и деятельность INSTEX могла быть более успешной. Но несмотря на меры, предпринимаемые Х. Роухани по присоединению Ирана к ФАТФ, меджлис пока не дал на это своего согласия.

Экономическая политика в условиях жестких санкций (2018–2020 гг.)

Основные направления экономического курса правительства Х. Роухани нашли свое отражение в Шестом пятилетнем плане развития (2016–2021). В период выработки плана и особенно после снятия в январе 2016 г. режима санкций правительство Ирана делало ставку на развитие всесторонних связей с зарубежными странами, на приток иностранных инвестиций. Ставились главным образом цели стратегического характера. В расчете на приток ПИИ большое внимание было уделено ускорению развития, развитию наукоемких отраслей, освоению новых технологий в фармацевтике,

в космической отрасли, а также в нефтехимии, производстве сжиженного газа, которые Иран предполагал развивать прежде всего как экспортные отрасли. Однако новый санкционный режим, который начали формировать в отношении Ирана США, внес кардинальные изменения в экономическую политику Ирана. Так как экономическая ситуация в стране менялась очень быстро, то и экономическая политика стала носить тактический характер – реакцией на тот или иной пакет новых американских санкций.

Главной же целью социально-экономической политики после 2018 г. стало поддержание достигнутого уровня жизни, использование всех внутренних ресурсов, возможностей отечественного бизнеса в удовлетворении потребительского и производственного спроса, в использовании трудовой рабочей силы.

Наиболее заметным проявлением основных направлений социально-экономической политики стала разработка бюджетного плана на 2020/21 г., к которому, как указывалось выше, страна пришла в условиях падения ВВП.

Перед правительством, меджлисом и другими высшими органами власти стояла и продолжает стоять задача выполнения социальных обязательств перед населением при резком сокращении государственных доходов из-за санкций на закупки иранской нефти, металлов, выходе западных компаний из крупных промышленных и инфраструктурных проектов.

Научно-исследовательский центр при иранском парламенте в своем отчете, опубликованном 25 декабря 2019 г., назвал представленный правительством меджлису проект бюджета «сбалансированным только на бумаге», поскольку «правительство составило бюджет на основе экспорта одного млн баррелей нефти в день, а в настоящее время экспорт

нефти в стране составляет около 300 тыс. барр/день»¹⁹. При таком резком сокращении поступлений от экспорта нефти правительство не отказывается от выполнения многих заявленных ранее программ. Внесены изменения в жилищную программу, и она реализуется. Не отменена и система субсидирования цен на некоторые товары, хотя размеры субсидий сокращаются. Хотя в последние годы государство постепенно сокращало компенсационные выплаты за счет внедрения адресной поддержки бедных слоев населения («йаране»), тем не менее доля затрат на субсидирование в общей сумме бюджетных расходов достаточно велика и в 2017/18 гг. превышала 8,0%²⁰. Несмотря на протесты населения, как это было в ноябре 2018 г. в ответ на повышение цен на бензин, программа постепенного сокращения субсидий, начатая до прихода Х. Роухани, будет продолжена.

Чтобы уменьшить бюджетный дефицит, который фактически можно оценить в 50%, в новом бюджете предполагается увеличение продажи государственных облигаций почти до 9 млрд долл. Эти облигации относятся к категории «сукук», т.е. так называемых исламских ценных бумаг, обеспеченных реальными активами государственных компаний. Бюджетный план предполагает выпуск облигаций «сукук» муниципалитетами. Они могут продать облигации почти на 360 млн долл. на расширение городского транспорта²¹. Для пополнения доходной части бюджета правительство планирует реформировать налоговую систему, а также продолжить реализацию программы приватизации.

¹⁹ Next Year's Budget Balanced Only on Paper, Iran Parliamentary Think-Tank Says. URL: <https://en.radiofarda.com/a/next-year-s-budget-balanced-only-on-paper-iran-parliamentary-think-tank-says/30344493.html> (дата обращения: 03.01.2020).

²⁰ Рассчитано по: Iran Statistical Yearbook 1395. P. 796.

²¹ Iran's 2020–21 Budget Bill Allows Municipalities to Issue Sukuk Bonds Worth \$357m. URL: <https://financialtribune.com/articles/people/101578/irans-2020-21-budget-bill-allows-municipalities-to-issue-sukuk-bonds-worth> (дата обращения: 6.01.2020).

В этих условиях предполагается ускорить проведение приватизации, в том числе за счет компаний исламских фондов и объектов, принадлежавших КСИР. Приватизация представляется оправданным и достаточно эффективным направлением экономической политики, несмотря на то что ее проведение иногда сопровождается всплесками недовольства работников предприятий, включенных в приватизационную программу. Большой резонанс вызвала забастовка работников крупной компании «Azarab Industries» из-за продажи одного из заводов в Араке новому владельцу Калехбани, который, по их мнению, «не компетентен в трудовых вопросах и не заботится о своевременной выплате рабочим заработной платы»²².

Одним из актуальных направлений экономической политики является необходимость изменений налоговой системы. Из-за нефтяных доходов уровень налогового обложения в Иране долгое время был невысоким. 30 декабря 2019 г. в иранской газете «Financial Tribune» была опубликована статья Пайама Халедиана «Уклонение от уплаты налогов подрывает экономическое равенство». Апеллируя к исламскому принципу справедливости («адалят»), он, как это неоднократно делал президент Х. Роухани, обращает внимание на то, что из-за налоговых льгот Иран называют «раем налогоплательщиков». Он напомнил, что, по признанию в октябре 2019 г. главы Национальной налоговой администрации Ирана Омида Али Парса, 40% экономики не платит налог, а, по словам Элияс Хазрати, главы экономической комиссии меджлиса, 85% всех налогов «поступают лишь от 3% налогоплательщиков»²³.

²² Iran's riot police attack, arrest protesting Azar Ab workers. URL: <https://iran-hrm.com/index.php/2019/10/22/irans-riot-police-attack-arrest-protesting-azarab-workers/> (дата обращения: 22.10.2019).

²³ Payam Khaledian. Tax Evasion Undermining Economic Equality. URL: <https://financialtribune.com/articles/business-and-markets/101473/tax-evasion-undermining-economic-equality> (дата обращения: 30.12.2019).

Прежде всего речь идет о таких крупных владельцах собственности, как различные исламские организации. Но необходимо отметить, что еще в 2019 г. меджлис принял беспрецедентное решение об уплате налогов крупнейшим вакфом страны «Астане Годс Раззави» и исламскими фондами. Конечно, были соблюдены и исламские правовые нормы. Налоговые поступления от вакфа «Астане Годс» должны использоваться для развития сельских школ и депрессивных районов, т.е. на благотворительные цели.

В этой связи нельзя не отметить, что усиление налогового давления на исламские фонды и вакфы, с одной стороны, может увеличить бюджетные доходы, но, с другой стороны, сократить расходы на социальные расходы самих религиозных фондов. А эти расходы на помощь больным, бедным, на образование составляют значительную часть в бюджете как сельского, так особенно и городского населения.

Таблица 4

Доля социальных выплат, полученных от религиозных фондов, в доходах сельских и городских семей, %

Годы	Сельское население, всего	Городское население, всего
2001/02	22,3	38,2
2011/12	45,4	55,2
2012/13	46,4	55,6
2013/14	43,3	53,3
2014/15	39,7	51,4
2015/16	38,9	50,3
2016/17	38,1	49,7

Рассчитано по: Iran Statistical Yearbook 1395. P. 855–858.

Большую благотворительную деятельность ведет фонд имама Хомейни. В 2016–2017 гг. в стране действовало 1169 отделений этого фонда, который оказал помощь 3 млн семей,

в том числе более 1,6 млн – старикам, 0,3 млн – сиротам, 0,85 млн – опекунам сирот²⁴.

Фонд шахидов помогает семьям, пострадавшим во время революции и в ирано-иракской войне. Только в 2016/17 г. им была оказана помощь почти 400 тыс. семьям. Он оказывает также помощь молодоженам и т.п.²⁵

Фонд обездоленных в последние годы около 7% своей прибыли тратит на проекты, направленные на сокращение бедности. В 2016/17 г. на эти проекты им было выделено около 40% прибыли или 110 млн долл.²⁶

Социальная поддержка в виде медицинской помощи, обеспечения жильем, денежных пособий оказывается через Штаб исполнения указов имама (Сетад-е эджрайе-йе фарман-е хазрат-е Имам), который был создан по инициативе Хомейни незадолго до его смерти. Через благотворительный фонд «Барекат» он оказывает помощь для лечения бесплодных пар в сельских районах, через благотворительный фонд «Шафа» – для лечения нарушений слуха²⁷. На средства «Астане Годс Разави» ведется образовательная деятельность, расширяется сеть спортивных площадок, осуществляется помощь в здравоохранении, благоустройстве городов.

Так как приток прямых иностранных инвестиций уменьшился²⁸, для привлечения иностранных инвестиций Иран в настоящее время усилил внимание к свободным экономическим зонам. Высший Совет свободных зон предпринимает

²⁴ Iran Statistical Yearbook 1395. P. 629.

²⁵ Ibid. P. 635–637.

²⁶ Mostazafan Foundation Puts Last Year's Revenues at \$6.6b. URL: <https://financialtribune.com/articles/economy-domestic-economy/77642/mostazafan-foundation-puts-last-year-s-revenues-at-66b>(дата обращения: 20.12.2019).

²⁷ State handouts for 2,000 cochlear implants allocated. URL: <https://www.tehrantimes.com/tag/Setad+Ejraiye+Farmane+Hazrate+Emam> (дата обращения: 12.12.2019).

²⁸ См. раздел «Эволюция инвестиционной политики» в данной монографии.

меры для открытия Международной биржи на о. Киш, который является свободной экономической зоной. Предполагается, что эта биржа может стать пятым фондовым рынком Ирана, кроме Тегеранской фондовой биржи, иранской биржи Фара (внебиржевого рынка Ирана), Иранской товарной биржи и Иранской энергетической биржи.

На помощь нуждающимся сеидам (потомкам пророка) идет и часть добровольно уплачиваемого населением религиозного налога в виде хумса главным образом через фонд имама Хомейни («Эмдаде имам»).

Несмотря на значимость социальной поддержки населения через религиозные организации, тенденция включения их в общее экономическое поле, начатая еще М. Хатами, вероятно, сохранится независимо от уровня санкционного давления на Иран и состояния экономики.

Предполагается увеличить ставки налогов на более богатых. Вносятся изменения и в размеры НДС. Так, в январе меджлис поддержал решение правительства об уменьшении размеров НДС на предприятия туристического сектора. Значительно расширен список товаров, освобожденных от уплаты НДС. В этот список вошли услуги, связанные с лечением заболеваний, а также такие товары, как пестициды и удобрения, молочные продукты, яйца, мука и хлеб, мясо и мясные продукты, рис, газетная бумага, ковры ручной работы, ремесленные изделия местного производства, фармацевтические препараты и др.²⁹, радиолокационное и дистанционное измерительное оборудование, военное, разведывательное и защитное снаряжение.

Несмотря на то что США не только не продлили разрешение на ограниченный импорт иранской нефти несколькими

²⁹ Iran: VAT Exemption for Mid-Level Lodging Properties. URL: <https://financialtribune.com/articles/travel/102039/iran-vat-exemption-for-mid-level-lodging-properties> (дата обращения: 05.02.2020). Закон о НДС вступил в силу в 2009 г., продлевается ежегодно. В 2020 г. ставка составляет 9%.

стабилизировался на уровне 2,1–2,3 млн барр/день, что обеспечивает Ирану возможность экспорта нефти до 1 млн барр/сутки. Достигнута определенная стабилизация в экономике.

При всех вариантах судьбы СВПД и развития отношений с США резких изменений в социально-экономической политике ИРИ ожидать не следует, выбранный ею вариант «осторожной либерализации», ориентации на экономическое сотрудничество практически со всеми странами (кроме Израиля) отвечает интересам страны и не противоречит мировым экономическим тенденциям современного развития.

* * *

Таким образом, несмотря на перипетии внутренней политики и сорок лет очень сложных отношений с мировым рынком, Ирану удалось сохранить свой экономический потенциал. Иран – крупная экономика Ближнего и Среднего Востока, ориентированная на модернизацию и диверсификацию своей промышленности. При наличии огромных энергетических запасов Ирану не удалось полностью избавиться от их влияния на экономику, но уровень этого влияния заметно снизился. Достигнутый за сорок лет уровень развития сельского хозяйства, промышленности, экономической и социальной инфраструктуры, финансовых институтов помогли, несмотря на войну и санкционное давление, сохранить целостность государства, повысить его роль в мировой политике.

Эволюция инвестиционной политики

Решение проблемы выхода Исламской Республики Иран на мировые рынки капитала могло бы существенно ускорить экономическое развитие страны, испытывающей на протяжении своей сорокалетней истории нехватку инвестиций в основной капитал, необходимых для модернизации национальной экономики.

Принципы развития экономики Ирана в соответствии с исламскими критериями были утверждены вступившей в силу 3 декабря 1979 г. Конституцией ИРИ, утвердившей форму правления «велят-е факих», определившей три сектора экономического устройства (государственный, кооперативный и частный), узаконившей национализацию и сферу государственной собственности – национализированные предприятия, и бывшие госсобственностью до Исламской революции. Главным нормативным актом, регулирующим порядок привлечения иностранных инвестиций и вывода из страны заработанной на иностранном капитале прибыли, стал принятый двадцать три года спустя после образования ИРИ в 2002 г. правительством пятого президента ИРИ (03.08.1997–02.08.2005) Мохаммада Хатами закон «О содействии и защите иностранных инвестиций» (“Foreign Investment Promotion and Protection Act – FIPPA”), призванный либерализовать инвестиционный режим в стране. Основные положения закона гарантируют иностранным инвестициям права, льготы и защиту, равнозначные внутренним инвестициям, и определяют критерии допуска иностранных инвестиций в страну – содействие развитию экономики страны, повышению уровня технологий и улучшению качества продукции, создание новых рабочих мест, выход иранских компаний на международный рынок. Утверждает участие иностранных инвестиций в инвестиционном проекте

Комиссия по иностранным инвестициям в составе заместителя министра экономики и финансов Ирана по вопросам инвестиций, заместителя главы организации по управлению и планированию при администрации президента Ирана, заместителя председателя ЦБ ИРИ и соответствующих заместителей министров. Законодательная база по защите прав инвесторов в Иране постоянно дорабатывается, хотя, в частности, право собственности на природные ресурсы иностранцами до сих пор не признается. Вступившие в силу в 2013 г. поправки к закону отменили верхнюю планку ограничения в 49% на размер владения иностранным инвестором в совместном предприятии (СП), утвердили создание коммерческих предприятий со 100%-ной долей участия иностранного капитала, аннулировали необходимость разрешения Комиссии по иностранным инвестициям Министерства экономики на регистрацию СП, сняли ограничения на инвестирование иностранными государственными компаниями. В рамках ответственной за обеспечение процесса привлечения иностранных инвестиций государственной Организации инвестиционной, экономической и технической помощи Ирана (Organization for Investment Economic and Technical Assistance of Iran – OIETAI) был организован Центр по оказанию услуг в области иностранных инвестиций для ускорения получения лицензий, облегчения прохождения формальных бюрократических процедур.

Правительство следующего президента ИРИ Махмуда Ахмадинежада (03.08.2005–03.08.2013) предприняло комплекс мер по дальнейшей либерализации экономики и реализации исламского принципа социальной справедливости. С середины нулевых Иран делал ставку на развитие внутреннего рынка, поддерживая крупномасштабные инвестиционные инфраструктурные проекты (строительство алюминиевого и нефтехимического заводов, газопровода в Пакистан, запуск трубопровода в Турцию). Для

активизации инвестиционных процессов в стране в 2006 г. М. Ахмадинежад объявил о запуске программы «акции справедливости», ставившей своей целью проведение приватизации государственных предприятий на справедливых началах путём продажи пакетов акций. Именные акции государственных компаний (номинальной стоимостью 550 долл. каждая) выпускались Фондом справедливости, в адрес которого передавалось от 20 до 30% акций приватизируемых предприятий; они распределялись среди нескольких категорий граждан (первоначально приватизационная программа предполагала задействовать 24–25 млн участников при распределении до 4 акций на семью). Зачастую в Фонд справедливости передавались пакеты малоэффективных и убыточных государственных предприятий, не начислявших дивиденды держателям «акций справедливости». Первыми приватизированными по программе активами стали предприятия чёрной и цветной металлургии Мобареке (25% капитала было предложено в качестве «акций справедливости», 55% акций выпущено в свободное обращение на ТФБ), Иралко (30% капитала – в форме «акций справедливости»). Приватизация продолжилась в 2009 г. выходом на Тегеранскую фондовую биржу ряда иранских банков: ключевые иранские банки «Меллят», «Таджарат», «Садерат» провели первичную эмиссию акций (ИРО), разместив по 5–6% акционерного капитала³⁰. Исходя из первых результатов приватизации в 2007 г. крупнейший американский инвестиционный банк Голдман Сакс (Goldman Sachs) включил Иран в список «следующих 11» наиболее перспективных развивающихся рынков³¹.

Начиная с 2010–2012 гг. инвестиционная политика правительства М. Ахмадинежада все более ориентировалась

³⁰ Мамедова Н. М. Основные направления социально-экономической политики правительства Махмуда Ахмадинежада // Иран при М. Ахмадинежаде. М., 2013. С. 45.

³¹ The N-11: More Than an Acronym. Global Economics Paper No 153, 28.03.2007 // Goldman Sachs. P. 2.

на отечественных инвесторов. М. Ахмадинежад попытался провести через меджлис предложение о выпуске акций, выплаты дивидендов на которые предполагали участие в доходах нефтяной отрасли, контролируемой государством, но парламент продолжал самостоятельно определять инвестиционные проекты, финансируемые за счет нефтяных доходов. Отчасти для реализации подобных проектов в 2010 г. был создан управляемый правительством ИРИ Фонд национального развития, куда предполагалось направлять 50% неиспользованных средств Стабилизационного нефтяного фонда и 20% от разницы между планируемых нефтяных поступлений в бюджет и фактической ценой на нефть. В декабре 2010 г. стоимость нефти Brent достигла 91,45 долл./барр, увеличившись на 23%³² с начала года, однако на фоне повышательной тенденции нефтяных цен значительные государственные средства направлялись на поддержку социальных программ, нежели на экономически неэффективные программы: строительство дешевого жилья для сдачи в долгосрочную аренду малоимущим (программа «Мехр»).

Важным этапом инвестиционной политики администрации М. Ахмадинежада стала разработка «Закона о целевом субсидировании», одобренного меджлисом в 2010 г., с одновременным введением в Иране налога на добавочную стоимость (НДС) в качестве основного налога (после провала первой попытки в 2008 г.). Для реализации поэтапной отмены субсидий в течение пяти лет из средств, поступавших от уплаты НДС, был создан специальный фонд для оказания помощи 19 млн получателям через денежные трансферты³³. Правительство реформировало систему косвенных субсидий на основные продукты питания, на нефтепродукты, на воду,

³² Europe Brent Spot Price FOB, December 2009 – December 2010 // U. S. Energy Information Administration.

³³ Мамедова Н. М. Основные направления социально-экономической политики правительства Махмуда Ахмадинежада. С. 48.

электричество, что привело к некоторому повышению эффективности бюджетных расходов и к увеличению экономической активности. Объем косвенных субсидий составлял приблизительно 77,2 млрд долл. (27% от ВВП) за 2007–2008 гг., и в результате реформ субсидии были заменены программой прямых денежных дотаций в адрес иранских семей; одновременно с этим внутренние цены на топливо выросли, способствуя тем самым сокращению дефицита Организации адресных субсидий (Targeted Subsidies Organisation – TSO), который все еще остается существенным (около 3,4% от ВВП в 2016 г., 4,2% в 2014 г.)³⁴.

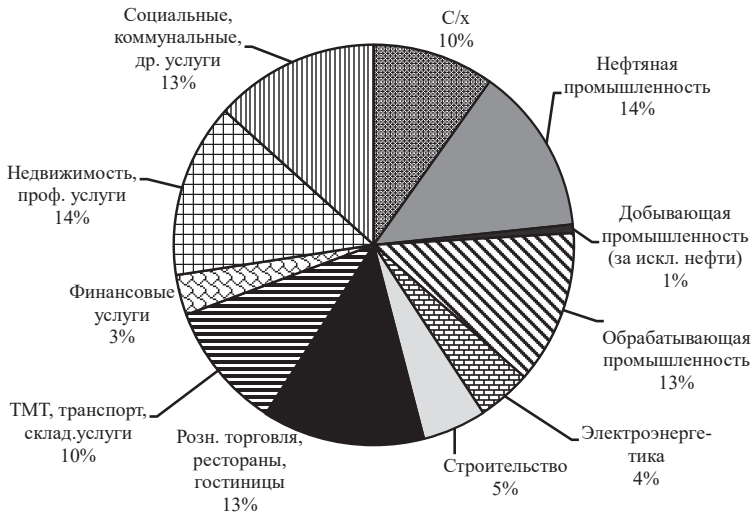
Распределение иностранных инвестиций по экономическим секторам во многом определяется исторической специализацией Ирана в мировой экономике: большие запасы природных ресурсов делают отрасль добывающей промышленности, инвестиции в которую достигли в 2012 г. 2/3 объема инвестиций в ИРИ, наиболее привлекательной для зарубежных инвесторов (см. рис. 1). После введения первых санкций Совета Безопасности ООН к 2009 г. страны Европы и Азиатского региона сравнялись по объему накопленных инвестиций в Иране, увеличилась доля иностранных инвестиций, приходящихся на Африку, также за счёт доли Европы. Усиление санкционного режима привело к постепенному выводу инвестиций западных стран из Ирана; после ухода из страны Total, Eni, Statoil, европейского автопрома ключевыми иностранными партнерами и инвесторами для Ирана стали азиатские компании, главным образом китайские. Введённые международные санкции, отключение от SWIFT заставили Иран ввести заградительные пошлины на сотни позиций ввозимых товаров в 2012 г., перейти на расчеты в евро с долларов США, запретить экспорт десятков наименований отечественной продукции. В результате к 2018 г. доля европейских стран в торговом обороте Ирана сократилась до 16,3%

³⁴ The Crisis in Iran: What Now? By Anthony H. Cordesman, 11.01.2018. P. 10.

на фоне роста доли Китая (до 19,5%) и ОАЭ (до 16,8%)³⁵. К тому же начали ослабевать технологические связи с внешним миром, что привело к неизбежному технологическому отставанию страны.

Рисунок 1

Структура ВВП ИРИ, 2017–2018 гг.: умеренная зависимость от нефти

Составлено и рассчитано по: ЦБ ИРИ. Годовой отчет за 2017–2018 гг.

После реального сокращения на 7,7% в 2012 г. ВВП ИРИ продолжил демонстрировать отрицательную динамику в 2013 г. (реальное падение составило 0,3%), иранский риал девальвировал в 3,5 раза³⁶. Для возвращения иностранных инвесторов в Иран правительству (и другим институтам власти, например парламенту) необходимо было разработать экономические программы развития, а экономике страны – пройти через болезненные реформы. В связи с этим администрация

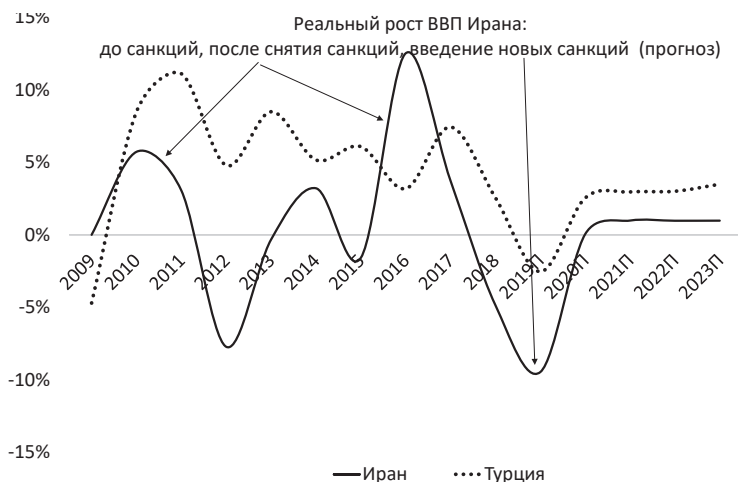
³⁵ Trade picture. EU-Iran: Trade in goods, 2016–2018 // European Commission. European Union.

³⁶ WEO (World Economic Outlook) Database October 2019 // IMF.

Хасана Роухани, занявшего пост президента ИРИ с 3 августа 2013 г., предприняла попытку вывести ИРИ из-под действия международных санкций. После достижения 15 июля 2015 г. (исторического) соглашения 5+1 между Ираном и группой стран – постоянных членов СБ ООН (РФ, КНР, Франция, Великобритания, США) плюс Германия инициативная группа глобальных инвесторов, включая представителей американских и западноевропейских инвестиционных фондов, посетила Иран, чтобы самим оценить потенциал иранского рынка. Эксперты Центра новой американской безопасности (Center for a New American Security) отметили в своем аналитическом отчете, опубликованном 23 июня 2015 г., что со снятием всех финансовых, энергетических и торговых санкций «Иран сможет как минимум удвоить свою торговлю энергоносителями в течение следующих нескольких лет и, вероятно, будет инициировать масштабное расширение производства, ориентированное на долгосрочное освоение природного газа, очистку нефтепродуктов и нефтехимический экспорт»³⁷.

Вслед за вступлением в действие 16 января 2016 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе эмбарго на импорт иранской нефти в ЕС было отменено, начало восстанавливаться подключение иранских транзакций к SWIFT. В своем отчете за 2015 г. МВФ прогнозировал рост ВВП Ирана до 5% в 2016 г. в случае снятия санкций; поступление портфельных и восстановление притока прямых иностранных инвестиций, особенно из стран ЕС, ожидалось уже к лету 2016 г., что способствовало бы скорейшему выходу из жесткого экономического кризиса (см. рис. 2). Котировки акций иранских компаний, торгующихся на ТФБ и внебиржевом рынке, биржевые индексы резко выросли осенью 2015 г. – весной 2016 г. на позитивных ожиданиях от результатов имплементации СВПД.

³⁷ Iran's Economic Reintegration, 23.06.2015. By Elizabeth Rosenberg, Dr. Sara Vakhshuri // Center for a New American Security. P. 3.

Реальный рост ВВП сдерживается санкциями: ИРИ vs Турция, 2009–2023 гг. (прогноз)

Составлено и рассчитано по: WEO (World Economic Outlook) Database 2019 // IMF.

Частичное снятие международных санкций в январе 2016 г. послужило отправной точкой для объявления реформ Хасаном Роухани, переизбранного на второй срок в мае 2017 г. Правительство Х. Роухани одобрило шестой Пятилетний план развития на 2016–2021 гг., поставивший довольно амбициозные цели: 1) достижение годового реального роста ВВП на уровне 8%; 2) увеличение годового объема прямых иностранных инвестиций в три раза; 3) снижение уровня инфляции до уровня ниже 10% в год; 4) сокращение безработицы до 7% с 12,5%³⁸. Предполагалось усиленное привлечение внутренних и внешних инвестиций на фоне более активного участия отечественных банков в финансировании экономического роста. Правительство Роухани взяло на себя обязательство погасить государственный долг перед банками, депонировать до 20% валютной выручки Национального

³⁸ Iran Economic Monitor, Spring 2017 // World Bank. P. 4, 7, 9; Islamic Republic of Iran Overview, 11.10.2018 // World Bank.

фонда развития на счета коммерческих банков в обмен на расширение ими кредитных линий для малого и среднего бизнеса, а также для нужд сельского хозяйства, объектов инфраструктуры, кооперативов. Главной целью бюджетной политики, заявленной правительством Х. Роухани, было перенаправление всех полученных государством доходов от продажи нефти в инвестиционные проекты (или их депонирование на накопительных счетах) при одновременном финансировании текущих расходов бюджета из собираемых налогов. Налоговые реформы, заявленные в шестом Пятилетнем плане, должны были существенно снизить зависимость доходной части национального бюджета от нефтегазового сектора, вернуть доверие отечественных и иностранных инвесторов к национальной валюте (риалу) и иранскому рынку акций.

Рисунок 3

Динамика сегментов ВВП ИРИ, 2016/2017 гг., изменения год к году, %

Составлено и рассчитано по: ЦБИ. Годовой отчет за 2017–2018 гг.

Все вышеописанные факторы влияли на прогнозы инвесторов, учитывавших существовавшую на протяжении 2015 г. неопределенность результатов переговоров между Ираном и 5+1, переход к реальному росту экономики после экономического спада в 2015 г., вызванного падением мировых цен на нефть (хотя экономика Ирана меньше подвержена резкому падению цен на нефть благодаря более диверсифицированной структуре ВВП в отличие от стран-соседей). В 2012 и 2013 гг. реальное падение ВВП ИРИ составило 7,7% и 0,3% соответственно; реальный рост ВВП наметился в 2014 г. (на 3,2%)³⁹. После сокращения на 1,6% в 2015 г. реальный рост экономики восстановился в 2016 г. и составил порядка 10% (см. рис. 2, 3)⁴⁰.

Среди достижений правительства Х. Роухани следует отметить стабилизацию валютного курса после снятия санкций (хотя девальвация риала в период санкций способствовала кратковременному повышению конкурентоспособности идущих на экспорт нефтепродуктов, продукции сельского хозяйства, ненефтяных производств) и планы ЦБ ИРИ по отмене двойного обменного курса (официального и «неофициального»), которая должна была состояться сначала в 2016 г., потом в 2017 г. В 2015 г. продолжившиеся реформы системы субсидий были направлены на поддержку семей с низким среднедушевым доходом. Правительство Х. Роухани сумело провести комплекс мер по снижению инфляции до уровня ниже 10% в год в 2016 г., сокращению процентной ставки по кредитам с 27% в 2015 г. до 20% в 2016 г. (при этом ставка по депозитам осталась на привлекательном уровне 15%)⁴¹. В результате проведенных преобразований ставка НДС была постепенно увеличена с 6 до 9% к 2016 г., Министерству финансов удалось улучшить собираемость налогов,

³⁹ WEO (World Economic Outlook) Database October 2019 // IMF.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

доля которых увеличилась до 33% от общих доходов бюджета на фоне снижения доли поступлений в бюджет от продажи нефти и газа (в основном роялти от продажи сырой нефти) до 24%⁴². В бюджете на 2016 г. две трети из запланированных бюджетных расходов предполагалось направить на текущие нужды, 37% – на капиталоемкие инвестиционные проекты и оплату государственного долга (при дефиците бюджета в районе 2%).

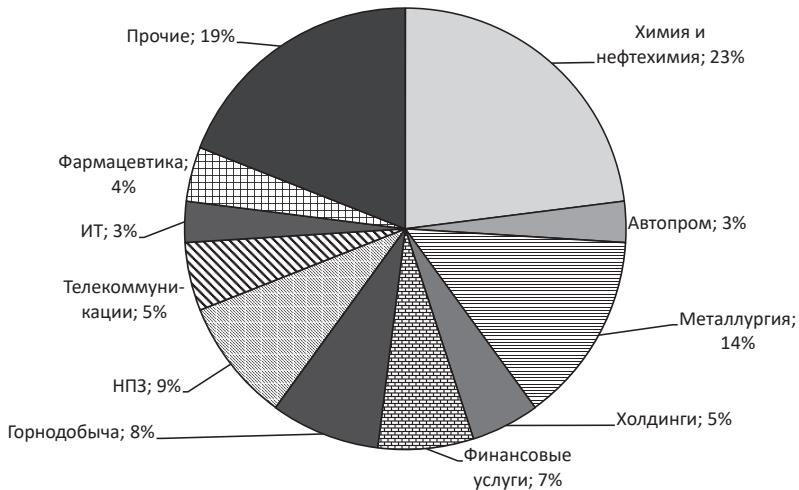
Первые результаты правительства Х. Роухани вызвали интерес со стороны главным образом отечественных инвесторов, и с 2006 по 2016 г. капитализация рынка акций Ирана, несмотря на санкции, утроилась. Такому росту способствовала предпринятая в этот период правительством приватизация компаний ряда отраслей. Помимо этого, Иранская Организация по ценным бумагам и биржам (SEO), осуществляющая функции финансового надзора, привела торговую платформу в соответствие с международными стандартами; на Тегеранской фондовой бирже были введены платформа онлайн-трейдинга, арбитражный совет по ускоренному разрешению споров, цифровая подпись, механизмы наблюдения, постторговые системы, усилена защита инвесторов. Несмотря на продолжающийся рост, капитализация иранского рынка акций остается небольшой по сравнению с размером экономики страны, и рыночная капитализация (с поправкой на рыночный курс риала) составляет менее ¼ от ВВП страны (последний, по оценкам МВФ, вырос до 452 млрд долл. США в 2018 г.)⁴³. По этому показателю Иран существенно отстает от стран региона (Турции), особенно от Индии и Китая, что указывает на потенциал недооцененного иранского фондового рынка.

⁴² Iran's Tax-to-GDP Ratio Rises 20% // Financial Tribune, 28.08.2019.

⁴³ WEO (World Economic Outlook) Database October 2019 // IMF.

Рисунок 4

Рыночная капитализация иранских компаний, август 2019 г.: снижение доли телекоммуникаций, ИТ, автопрома, %

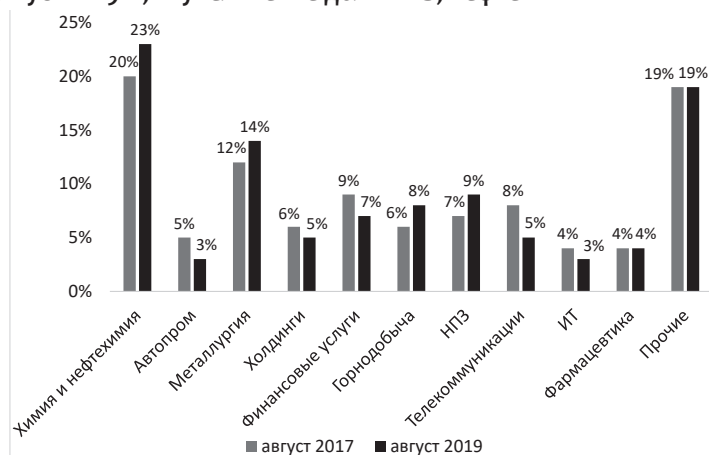

Составлено и рассчитано по: Тегеранская фондовая биржа. Ежемесячный отчет. Август 2019.

Национальный рынок акций достаточно диверсифицирован, хотя, как и в случае с российским рынком акций, довольно большая его часть формируется за счет сырьевых компаний (см. рис. 4). На конец августа 2019 г., согласно данным ТФБ, на иранские публичные нефтехимические компании и НПЗ приходилось около трети совокупной капитализации рынка акций (32%), на металлургию и горнодобычу 14% и 8%, соответственно, на сектор телекоммуникаций и технологий – 8%, на финансовый сектор – 7%⁴⁴. За 2,5 года с начала второго срока президентства Х. Роухани произошло увеличение доли сырьевого сектора за счет секторов с высокой добавочной стоимостью и услуг (см. рис. 5).

⁴⁴ Тегеранская фондовая биржа. Ежемесячный отчет. Август 2019.

Структура рыночной капитализации иранских компаний: август 2017 г. vs. август 2019 г., %: увеличение доли НПЗ, нефтехимии

Составлено и рассчитано по: Тегеранская фондовая биржа. Ежемесячные отчеты. Август 2017, август 2019.

Вслед за выходом 8 мая 2018 г. США из СВПД и возобновлением в августе 2018 г. американских санкций против Ирана (вступивших в силу 5 ноября 2018 г.) инфляционные процессы в ИРИ ускорились, ВВП сократился (на 3,9%) в 2018 г. после реального роста экономики на 3,7% в 2017 г.⁴⁵ Анализируя макроэкономические факторы, следует отметить, что одним из наиболее важных факторов для иностранных инвесторов является размер и емкость внутреннего рынка. С этой точки зрения Иран имеет серьезное конкурентное преимущество по сравнению с другими странами региона в силу значительной численности населения – 82,4 млн чел. – по оценкам МВФ на 2018 г. (второе место в регионе после Египта)⁴⁶. В то же время емкость внутреннего рынка, которая измеряется объемом ВВП и среднедушевыми доходами, остается относительно невысокой: ВВП на душу населения в Иране в 2018 г.

⁴⁵ WEO (World Economic Outlook) Database October 2019 // IMF.

⁴⁶ Ibid.

по данным МВФ составил 5491 долл. , что сравнимо с показателем 2014 г. (5396 долл.)⁴⁷. И МВФ, и Всемирный банк строят свои макроэкономические прогнозы, делая ставку на стимулирование притока частных (иностранных и отечественных) инвестиций как результат проведения заявленных реформ, а именно: поощрение конкуренции, снижение уровня бюрократии, упрощение процедуры лицензирования, уменьшение доли государственных предприятий путем приватизации, оздоровление банковского и финансового секторов.

Ключевой нерешенной проблемой для правительства Х. Роухани остается высокий уровень безработицы, достигшей, согласно данным Статистического центра Ирана, в городах страны 12% в первом квартале 2019 г.⁴⁸ По неофициальным источникам, реальный уровень безработицы составляет 20%, оставаясь особенно высоким среди молодежи 20–24 лет – на уровне 24,4%–26,7%⁴⁹. Получила распространение неполная занятость, поэтому стагнация на рынке труда – особенно негативный показатель с точки зрения инвесторов, учитывая, что только 38% населения страны экономически активны. По оценкам Всемирного банка, в 2005 г. уровень бедности в Иране составлял 1,45%, в 2010 г. только 0,7% населения (полмиллиона человек) жили за чертой бедности (в качестве порога бедности задавалось существование 1,25 долл. в день с расчетным курсом по ППС, с 2015 г. – 1,9 долл.), однако значительная часть домохозяйств в ИРИ находится непосредственно над чертой или с малым отрывом от неё: повышение черты бедности на 0,5 долл. (с 2 до 2,5 долл. и с 3 до 3,5 долл.) может привести к обнищанию 4–5 млн человек (4–6% населения)⁵⁰.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Iran's Q1 Unemployment Dips to 10,8% // Financial Tribune. 08.07.2019.

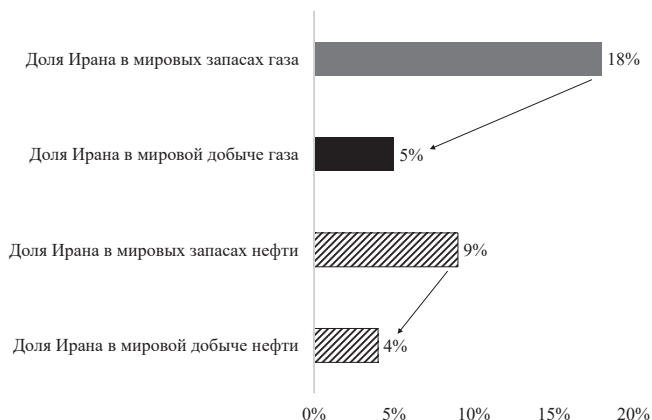
⁴⁹ Iran's Economic Reintegration, 23.06.2015. By Elizabeth Rosenberg, Dr. Sara Vakhshuri // Center for a New American Security. P. 16.

⁵⁰ Constructing Robust Poverty Trends in the Islamic Republic of Iran, 2008–2014. By Aziz Atamanov, Mohammad-Hadi Mostafavi, Djavad Salehi-Isfahani, Tara Vishwanath // World Bank Group.

МВФ и Всемирный банк дают осторожные макроэкономические прогнозы в отношении Ирана, особенно в ближайшей перспективе, принимая во внимание отрицательное влияние снижения цен на нефть на экономическую активность, возобновление американских санкций, неустойчивость экономического роста, что может усилить в дальнейшем давление на экономику от снижения нефтяной выручки в случае ослабления мировых цен на нефть (см. рис. 6).

Рисунок 6

Ограниченное участие нефтегазовых ресурсов ИРИ в глобальной экономике, 2015 г.

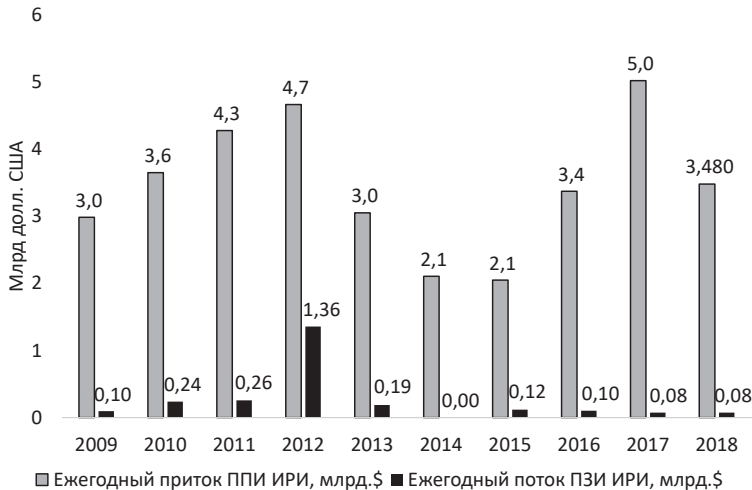
Составлено и рассчитано по: WEO (World Economic Outlook) Database October 2019 // IMF, терминал Bloomberg.

Действующий Национальный план развития ИРИ предполагает масштабное увеличение производственных мощностей металлургической и нефтехимической промышленности (что потребует крупных капвложений), но разработан без учёта конъюнктуры текущей стадии глобального экономического цикла и дефляционных процессов в мировой экономике. Следовательно, иностранные инвесторы будут учитывать эти факторы при инвестировании в металлургические, горнодобывающие и нефтехимические предприятия Ирана. В долгосрочной перспективе экономический

рост страны нужно поддерживать необходимыми инвестициями в инфраструктуру страны и модернизацию существующего производства. Одним из основных рисков на нынешнем этапе экономического развития является неэффективное распределение ресурсов, находящихся в распоряжении государства и бизнесменов (инвестиции, технологии, квалифицированный персонал) на фоне беспрецедентного увеличения потенциала ресурсных индустрий (особенно нефтегазовой). При этом позиции Ирана в мировом движении капитала весьма незначительны.

Рисунок 7

Ежегодный поток ПИИ и ПЗИ, ИРИ, 2009–2018 гг.

Составлено и рассчитано по: UNCTAD.

По данным Конференции ООН по торговле и развитию, приток прямых иностранных инвестиций в Иран в 2018 г. составил 3480 млрд долл. (см. рис. 7) (всего 2,0% от валового накопления основного капитала), что в 1,5 меньше показателя за 2017 г. (5019 долл. и 3,3% соответственно); поток прямых зарубежных инвестиций составил в 2018 г. 75млн долл. (76 млн долл. в 2017 г.). Увеличение притока ПИИ в 2017 г.

по сравнению с данными за 2016 г. составило 49%. Размер накопленных прямых инвестиций иностранных государств в Иране в прошлом году достиг 56 968 млрд долл. (см. рис. 8), а накопленных инвестиций Ирана за рубежом – 3894 млрд долл.,⁵¹ составляя 12,6 и 0,9% ВВП⁵² (по этим показателям Иран занимал соответственно 59-е и 78-е место в мире в 2018 г.). Доля прямых инвестиций в Иран составляет всего 0,35% мирового потока ежегодных прямых инвестиций и менее 0,01% от мировых ПЗИ, и даже частичное снятие санкций в январе 2016 г. привело к увеличению притока ПИИ в 1,5 раза в 2016 г. и в 2,5 раза – в 2017 г. по сравнению с 2015 г., что сопоставимо с уровнем притока ПИИ в Россию 14 лет тому назад: в 2001 г. на Россию пришлось 0,3% от мировых инвестиций, что свидетельствует о том, что позиции Ирана в мировом движении капитала остаются весьма скромными⁵³. На фоне Ирана позиции России и, особенно, Турции в мировых инвестициях выглядят более оптимистично: приток ПИИ в Россию составил в 2018 г. 13,3 млрд долл. (падение в 2 раза с 26,0 млрд долл. в 2017 г.), в Турцию – 12,9 млрд долл. (рост на 13%); 1,2% от накопленных мировых ПИИ в 2018 г. пришлось на Россию, 0,4% – на Турцию⁵⁴.

Объемы годовых иранских потоков инвестиций в Россию и российских в Иран остаются незначительными. В июне 2016 г. Россия одобрила предоставление кредитов на сумму 2,5 млрд евро Ирану на проекты, предполагающие участие российской стороны: около 1,2 млрд долл. на строительство ТЭЦ в порту Бендер-Аббас в Ормузском проливе (это самый крупный инвестиционный проект России в Иране на сегодняшний день) и 1 млрд евро на модернизацию и электрификацию дороги к иранскому порту на Каспийском море

⁵¹ UNCTAD.

⁵² WEO (World Economic Outlook) Database October 2019 // IMF.

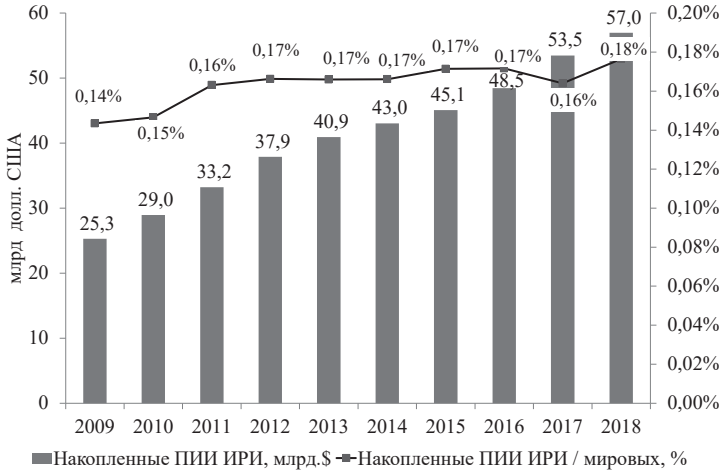
⁵³ UNCTAD.

⁵⁴ Ibid.

Астаре, на строительство моста на отрезке железной дороги Гармсар – Инче-Бурун.

Рисунок 8

Накопленные ПИИ ИРИ, % от мировых накопленных ПИИ, 2009–2018 гг.

Составлено и рассчитано по: UNCTAD.

Иран проявляет заинтересованность в инвестировании собственных средств в экономики других стран (Ирак, Афганистан, Азербайджан и пр.), несмотря на слабое присутствие на мировом рынке капитала, особенно в части прямых зарубежных инвестиций (в период 2006–2018 гг. в среднем они составляли 250 млн долл. в год). Данный интерес во многом обусловлен отставанием Ирана в технологической области и, следовательно, стремлением Тегерана за счет инвестиций получить доступ к передовым технологиям. Приоритетами инвестиционной политики Ирана за рубежом являются наиболее рентабельные и чувствительные сектора экономик иностранных государств, а также те отрасли, в которых Иран наиболее заинтересован с точки зрения получения технологий, т.е. в первую очередь нефтедобывающая и нефтехимическая промышленность, а также некоторые отрасли

обрабатывающей промышленности, например, автомобилестроение, строительство трубопроводов.

Заключение

Создание условий для инвестирования в национальную экономику остается насущной задачей правительства ИРИ: продуманная кредитно-денежная политика, достижение устойчивого реального роста ВВП могли бы способствовать дальнейшему снижению процентных ставок и в конечном итоге материализоваться в притоке иностранного капитала. Помимо заявленных структурных реформ, основными движущими силами экономического роста в Иране могут стать более полное использование существующих мощностей, снижение стоимости капитала, снижение транзакционных издержек, рост экспорта. В дальнейшем прямые иностранные инвестиции, репатриация части замороженных активов могут оказать давление на курс риала, что, в свою очередь, приведет к удорожанию стоимости национальной продукции и сектора услуг. В то же время приток иностранного капитала окажет существенное влияние на ликвидность фондового рынка и стоимость капитала, что приведет к раскрытию потенциала стоимости акций иранских публичных компаний. Предпринятые Ираном попытки выйти из изоляции и стать участником глобальной экономики привели за собой развитие кризисных ситуаций в национальной экономике. Сохраняющаяся напряженность на международном уровне усиливается экономическими санкциями США, и долгожданный приток иностранного капитала, на который правительство и иранские предприниматели рассчитывали в момент снятия санкций, из-за внешнеполитических разногласий и геополитической обстановки в регионе по-прежнему откладывается на неопределенное время.

Литература

Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004.

Мамедова Н. М. Основные направления социально-экономической политики правительства Махмуда Ахмадинежада // Иран при М. Ахмадинежаде. М., 2013.

Мамедова Н. М. Экономика Ирана. М., 2018.

Мамедова Н. М. Опыт социально-экономических реформ Ирана в условиях исламского правления // Ближний Восток в поисках политического будущего. М., 2019.

2019 Index of economic freedom. URL: https://www.heritage.org/index/pdf/2019/book/index_2019.pdf.

Central Bank of IRI. Annual Review. Tehran. URL: https://cbi.ir/simplelist/AnnualReview_en.aspx. (дата обращения: 28.10.2019).

Central Bank of IRI. Economic Trends. Tehran. URL: https://www.cbi.ir/category/EconomicTrends_en.aspx. (дата обращения: 28.10.2019).

Constructing Robust Poverty Trends in the Islamic Republic of Iran, 2008–14. By Aziz Atamanov, Mohammad-Hadi Mostafavi, Djavad Salehi-Isfahani, Tara Vishwanath // World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/807191474981484878/pdf/WPS7836.pdf>. (дата обращения: 31.10.2019).

Doing business 2019. URL: https://doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB2019-report_web-version.pdf. (дата обращения: 28.01.2020).

Europe Brent Spot Price FOB, December 2009 – December 2010 // U. S. Energy Information Administration (EIA). URL: <http://https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=RBRT&f=M>. (дата обращения: 28.10.2019).

International Monetary Fund. World Economic Outlook: Global Manufacturing downturn, Rising Trade Barriers. October 2019. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/10/01/world-economic-outlook-october-2019#StatisticalAppendix>. (дата обращения: 28.01.2020).

Iran Economic Monitor, Spring 2017 // World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/344651498863986174/pdf/117165-WP-P162048-OUO-9-P162048-Iran-Economic-Monitor-FINAL-web-Jun-29-2017.pdf>. (дата обращения: 28.10.2019).

Iran's Economic Reintegration, June 23, 2015. By Elizabeth Rosenberg, Dr. Sara Vakhshuri // Center for a New American Security. URL: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report_Iran-Sanctions_062215_final.pdf?mtime=20160906081914. (дата обращения: 28.10.2019).

Iran Statistical Yearbook 1395 (2016/17). Tehran. URL: <https://www.amar.org.ir/english/Iran-Statistical-Yearbook/Statistical-Yearbook-2016-2017>. (дата обращения: 28.01.2020).

Iran's Tax-to-GDP Ratio Rises 20%. Financial Tribune, 28 August 2019. URL: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/99634/irans-tax-to-gdp-ratio-rises-20>. (дата обращения: 31.10.2019).

Iran's Q1 Unemployment Dips to 10.8%. Financial Tribune, 8 July 2019. URL: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/98829/irans-q1-unemployment-dips-to-108>. (дата обращения: 28.10.2019).

Islamic Republic of Iran Overview, 11.10.2018 // World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/iran/overview>. (дата обращения: 28.10.2019).

OPEC Monthly Oil Market Report-December 2019. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/publications/338.htm. (дата обращения: 28.01.2020).

The Crisis in Iran: What Now? By Anthony H. Cordesman, January 11, 2018. URL: [http:// https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/180112_The_Crisis_Iran.pdf?436140qcZULx2.FP2LQLcbaW0c4ZC5Y](http://https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/180112_The_Crisis_Iran.pdf?436140qcZULx2.FP2LQLcbaW0c4ZC5Y). (дата обращения: 28.10.2019).

The Global Competitiveness Report 2019, World Economic Forum. URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2019/>. (дата обращения: 28.01.2020).

The N-11: More Than an Acronym. Global Economics Paper No: 153, 28 March 2007 // Goldman Sachs. URL: <http://energyfuture.wdfiles.com/local-files/us-energy-use/GDP-Source2.pdf>. (дата обращения: 28.10.2019).

Trade picture. EU-Iran: Trade in goods, 2016–2018 // European Commission. European Union. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/iran/>. (дата обращения: 31.10.2019).

UNCTAD (United Nations Conference on Trade and Development). URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en. (дата обращения: 31.10.2019).

WEO (World Economic Outlook) Database, October 2019 // IMF. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx>. (дата обращения: 31.10.2019).

World Bank Group. Global Economic Prospects. Slow Growth, Policy Challenges. January 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2020/01/08/january-2020-global-economic-prospects-slow-growth-policy-challenges>. (дата обращения: 28.01.2020).

World Development Indicators. Country: Iran, Islamic Rep. URL: https://databank.worldbank.org/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=CountryProfile&Id=b450fd57&tbar=y&dd=y&inf=n&zm=n&country=IRN. (дата обращения: 28.01.2020).

World Economic Situation and Prospects 2020. UNCTAD 2020. URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2619>. (дата обращения: 28.01.2020).

Salname-ye amari-ye keshvar.1998/99. Тегеран, 2000.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Особенности развития политического процесса

Более 40 лет назад на всеобщем референдуме 1979 г. иранцы высказались за исламскую республику, и в стране были созданы новые политические институты. Политическая система, сохранявшая все четыре десятилетия целостность и устойчивость, прошла несколько этапов своего развития. Эволюция системы напрямую связана с развитием общества, приводящим к изменениям в расстановке политических сил, появлению новых участников политического процесса, изменению их целей, т.е., по сути, отражает реакцию структур и механизмов власти на новые социальные требования и изменения внутренней и внешней ситуации.

В основе созданной в Иране политической системы лежит теория «веляят-е факих», разработанная имамом Хомейни. В то же время в государственном устройстве ИРИ религиозные принципы переплетаются с демократическими институтами, характерными для западных обществ (республиканизм). Сочетание и взаимодействие теократии и демократизма и определяет суть политической системы ИРИ. Иранские философы, политологи и правоведы, ссылаясь на существование демократических посылок в исламе, родство многих исламских заповедей с демократическими принципами, утверждают, что созданная в стране система власти представляет собой религиозную демократию¹.

Прошедшие четыре десятилетия показали живучесть этой уникальной модели политического устройства,

¹ Подробную характеристику истоков исламского демократизма, его нынешнего состояния и дальнейшего развития в ИРИ представил в данной монографии иранский исследователь С. С. Хагигат.

функционирующей на основе собственной политической традиции, и ее способность отвечать как на внутренние, так и на внешние вызовы.

Первое послереволюционное десятилетие (80-е гг. XX в.) стало периодом формирования этой новой модели государственного устройства. Разработка конституции превратилась в битву идей. Р. Хомейни удалось утвердить свой проект Основного закона и вынести его на общенародное обсуждение. Вслед за принятием конституции началось формирование органов власти, сопровождавшееся острой политической борьбой внутри сил, участвовавших в революционном движении. Политический процесс этого периода характеризовался вытеснением с политической арены субъектов, выражавших несогласие с линией на укрепление системы «веляят-е факих», и упрочением позиций духовенства в структурах власти для реализации идеи исламского правления. В результате все представители левых партий и организаций, а также национально-либеральных сил, входившие в революционные советы и даже правительство, были выдавлены с политической арены. Многие были арестованы и казнены, другие были вынуждены эмигрировать из Ирана.

Духовенство сумело возглавить не только теократические структуры власти, но и взять под свой контроль выборные органы, прежде всего парламент, используя практику современных политических систем. С этой целью была создана Партия Исламской республики (ПИР) как лидирующая политическая сила². Ее руководителями и членами были представители религиозного сословия. Такие институциональные субъекты политики, как партии, были запрещены, а другие субъекты поставлены под контроль религиозных организаций. Две основные политические организации – Общество

² Подробнее о ПИР и других политических организациях духовенства см.: Дунаева Е. В. Иран: религиозные организации на политическом поле // Азия и Африка сегодня 2013, № 7. С. 29–35.

борющегося духовенства (ОБС) и Общество преподавателей Кумского теологического центра (ОПКТЦ)³ – в первое десятилетие контролировали всю политическую жизнь, стояли у руля выборных кампаний и направляли деятельность исламских профсоюзных, общественных и культурных организаций. Были созданы специальные институты защиты революции и мобилизации общества – КСИР и басидж. Тесная взаимосвязь религиозно-политического духовенства и КСИР и по сей день обеспечивает стабильность всей системы власти.

Спецификой иранского политического ландшафта второй половины 80-х гг. стало выделение двух идеологических направлений (спектров) в исламском политическом дискурсе, что отразило существование разногласий среди духовенства по целому ряду вопросов. Противоборство проходило по линии консервативный традиционализм (правые) и исламский религиозно-политический модернизм (левые), что привело к расколу в исламском политическом течении. Разногласия «правых» и «левых», тиражируемые прессой, охватили все государственные структуры, отразились на работе меджлиса и даже вышли на религиозную трибуну. Была приостановлена деятельность ПИР. Каждый из флангов представлял свое видение легитимации власти, прав вали факиха, модели экономического развития, давал обоснование внутренней и внешней политики ИРИ. Сложившееся положение говорит о различии тактических подходов к решению вопроса о путях дальнейшего развития Исламской республики среди участников политического процесса и их стремлении внести корректировки в политический курс. К концу 1988 г. стало ясно, что для сохранения целостности политической системы необходимо усилить централизацию системы управления. С этой целью летом

³ Для обозначения этих двух Обществ в Иране часто употребляют термин «джамиятейн».

1989 г. были внесены некоторые изменения в систему органов власти и откорректированы несколько статей Конституции 1979 г.⁴ На общенародном референдуме иранцы одобрили эти поправки.

Два идеологических течения, выделившиеся в 80-е г., пережив многочисленные трансформации и поменяв некоторые позиции и свои названия, до сих пор определяют развитие политического процесса в ИРИ. На протяжении последующих десятилетий их представители попеременно возглавляли органы исполнительной и законодательной власти и пытались реализовать свои идеи на практике. Периодически их соперничество обострялось настолько, что переходило в серьезный конфликт, который, усугубляясь и вовлекая более широкие слои, в то же время не достигал уровня, который бы представлял угрозу стабильности режима. В наиболее сложные моменты вмешательство духовного лидера уравнивало ситуацию. Противостояние двух флангов, которые с середины 90-х г. стали называть консервативным и реформаторским, до конца первого десятилетия XXI в. придавало определенный баланс всей системе и определяло ее развитие.

1989 г. – год смерти имама Хомейни и выборов нового духовного лидера – стал началом нового этапа в политическом развитии ИРИ. Изменения в расстановке политических сил, последовавшие после избрания А. А. Хашеми Рафсанджани президентом, привели к изменению курса в экономике и внешней политике. Возглавляемое им правительство, сделав ставку на принципы прагматизма, отказалось от экономической модели первого десятилетия и открыло возможности для экономического роста после восьми лет ирано-иракской войны. Экономическая либерализация «периода созидания» заложила основы для начала общественно-политической

⁴ Более подробно об изменениях в конституции и политическом развитии в конце 80-х гг. см.: Дунаева Е. В. Политическая система ИРИ: вызовы либеральной модернизации // Восток (ORIENS). 2016, № 1. С. 111–120.

либерализации. Первым шагом на этом пути стало появление новой политической силы в ходе выборов в меджлис пятого созыва, по определению иранцев, новых правых, отошедших от консерваторов-традиционалистов и позиционирующих себя как сторонники модернизации. Их также называли неолибералами. Причем в отличие от первого десятилетия, когда у руководства политических течений стояло духовенство, группа, позже назвавшая себя партией Каргозаран, возглавлялась представителями предпринимательских групп и технократами, выражавшими интересы новых городских слоев⁵. На выборах 1996 г. она сумела получить почти половину мест в пятом меджлисе.

К середине 90-х гг. активизируется деятельность других политических партий и организаций⁶. Наиболее значимые изменения наблюдаются на левом фланге. Среди его религиозно-политического руководства, ориентировавшегося на идеи исламского модернизма, идет переосмысление внутренней и внешней политики ИРИ и определяется новая парадигма ее развития с упором на политическую либерализацию. Одновременно начинается формирование партийной системы. Ядром ее становятся объединения духовенства: на правом фланге – ОБД и ОПКРЦ – консервативный лагерь, Ассоциация борющегося духовенства⁷ и Ассоциация преподавателей Кумского религиозного центра, представлявшие левый фланг. Они стали ядром, вокруг которого создавались политические, профсоюзные и общественные организации консервативного или либерального толка. Такое

⁵ Siyasat va hokumat dar jomhuri-ye eslami-ye iran. Bekushesh-e Golam Reza Khajeh Sarvi. Tehran, Daneshgah-e emam Sadegh, 2011/2012. S. 277.

⁶ Закон, регулирующий деятельность политических партий, был принят ещё в 1981 г., однако до распада ПИР в конце 80-х гг. официально деятельность других партий была запрещена.

⁷ В российской иранистике эту организацию называют и Ассоциацией борющихся улемов, чтобы не путать с Обществом борющегося духовенства.

положение отражало политическую специфику ИРИ: клерикалы инициировали политическую модернизацию и стояли во главе процесса создания новой партийной системы. Субъектами политического процесса выступали организации духовенства и ряд общественных организаций, тесно связанных с религиозными структурами. Тем самым исламский фактор в определенной степени направлял, но в то же время контролировал и ограничивал развитие политической системы.

Одновременно в середине 90-х гг. в общественной мысли активизируется демократический тренд, носителем которого становятся представители новых средних классов, в основном интеллигенция, преподаватели и студенты вузов. К этому времени левый лагерь полностью отошел от радикальных исламских позиций и отражал демократические устремления. Его требованиями стали реализация гражданских прав и свобод, зафиксированных в конституции, и создание гражданского общества. Под лозунгами либеральных реформ в ходе президентских выборов 1997 г. сформировалась коалиция реформаторов и прагматиков, которая сумела привести к власти Мохаммада Хатами. Этот год стал поворотным моментом на пути политического развития Ирана. После выборов президента-реформатора активизировались женские, молодежные, профессиональные организации, защитники прав национальных и религиозных меньшинств. 18 партий и политических групп образовали Фронт 2 хордада (23 мая), представлявший собой коалиционное объединение сил, выступающих за реформы. С этого периода в политической лексике появился термин «реформаторы» («эслахталабан»), характеризующий сторонников либерализации режима. Термин «левые» практически вышел из употребления. Политический процесс отражал противостояние консерваторов и реформаторов, представлявших разные социальные слои и поэтому намечавших различные пути

дальнейшего развития исламской республики. Первые, т.е. консервативный сектор, в основном пекутся об исламском характере государственного строя, делая акцент на божественном праве, духовном праве, святости, непорочности, имамате и т.п. Левые же, реформаторы, радуют о республиканском строе: в их речи постепенно появились такие понятия, как «плюрализм», «социальные права народа», «закон», «гражданское общество» и т.п. Иными словами, в высказываниях консерваторов стержнем или основной сутью является исламская направленность, а в фокусе высказываний реформаторов находится республиканская направленность»⁸.

В годы правления президента М. Хатами большое развитие получили СМИ. Впервые в истории ИРИ состоялись выборы в местные исламские советы, создание которых было предусмотрено еще в Конституции 1979 г. Повысился уровень политического участия граждан. Так, если в ходе парламентских выборов количество желающих зарегистрироваться кандидатами достигало не более 3 тыс. человек, то на выборах в меджлис 6-го созыва (2000 г.) их было зарегистрировано 6,8 тыс., а в 2004 г., в седьмой меджлис, – свыше 8,1 тыс.⁹ Развивалось и студенческое движение. Были заложены основы системы гражданского общества.

Активизировали свое присутствие на политической арене женщины. Они представляют собой самый активный слой электората и в ходе предвыборных кампаний, и в ходе голосования. Именно женщины во многом обеспечили победу на выборах М. Хатами. Если избранные в первый парламент четыре женщины играли лишь представительскую роль в меджлисе, то, начиная с пятого меджлиса, среди депутатов которого насчитывалось 14 женщин, они

⁸ Мохаммад Бакер Хоррамшад, Сеййед Эбрахим Сарпарастсат. Концепции религиозной демократии // Иран в условиях новых геополитических реалий. М. С. 81.

⁹ URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1348154> (дата обращения: 26.11.2019).

заявили о себе как о политической силе, выражающей интересы женского электората. Женщины вышли на уровень местного управления, были избраны в городские и провинциальные исламские советы. В период работы двух правительств под руководством М. Хатами женским инициативам оказывалась широкая поддержка. Это укрепило положение женщин в обществе и привело к изменениям гендерной ситуации. В последующие годы женщинам удалось занять посты министров и заместителей министров, стать мэрами городов, возглавить местные исламские советы. Однако доля их представительства в парламенте не превышала 5,5%, доступ к президентским выборам им полностью перекрыт.

Под давлением общественного мнения М. Хатами инициировал реформы, которые могли бы усилить республиканскую составляющую в политической системе страны и ускорить процессы либерализации, однако эти проекты не нашли поддержки у консерваторов, контролирующих ряд властных структур, и были ими заблокированы. Духовный лидер резко выступил против расширения полномочий президента. По словам С. С. Хагигата, потенциал реформаторской деятельности правительства исчерпал себя за два года до окончания президентского срока М. Хатами, т.е. в 2003 г., так как законодательная база препятствовала проведению реформ¹⁰. Отсутствие единой программы действий у Фронта 2 хордада и единого подхода к методам проведения реформ, большое разнообразие мнений, амбициозность руководителей входящих в него партий и групп, ориентированность преимущественно на новые средние слои и слабые связи с другими слоями населения, отказ от взаимодействия с представителями Каргозаран и их идейным лидером А. А. Хашеми Рафсанджани не позволили либералам добиться значимых успехов на пути политической модернизации. К 2005 г., когда истек срок полномочий М. Хатами, реформаторы увязли

¹⁰ S. S. Khaghighat. Se mouj-e eslahat // Chargh, 25.03. 2019.

в разногласиях, утратили завоеванные ранее позиции в местных органах власти и парламенте и впоследствии практически оказались вытесненными с политической арены.

Тем не менее 1995–2005 гг. можно назвать самым плодотворным периодом с точки зрения эволюции политической системы ИРИ в сторону либерализации. Отдельные составляющие этой системы за период президентства Хатами получили большое развитие, и этот факт предоставляет возможность иранским авторам говорить о периоде президентства М. Хатами как о годах наибольшего развития религиозной демократии и даже характеризовать эти годы как начало демократического транзита¹¹.

Новые тенденции в развитии политической системы проявились в ослаблении исламской составляющей, выразившемся в уменьшении влияния религиозных организаций на политический процесс в начале следующего десятилетия, попытках создания партийной системы, выхода на политическую арену новых секулярных сил. Так, начало XXI в. демонстрирует сокращение роли двух организаций духовенства консервативной направленности – ОБД и ОПКРЦ – на политическую жизнь, особенно в период выборов кампаний. Несмотря на то что политические партии не сумели стать цементирующей силой политических коалиций ни в либеральном, ни в консервативном лагере ввиду организационной слабости и малочисленности, организации духовенства уже утратили свою лидирующую роль. Начался период смены элит. На политическую арену вышло поколение, готовое потеснить духовенство и укрепить светский компонент в государственных структурах. Эта тенденция, начало которой было положено в период пятого меджлиса, получила продолжение с появлением коалиции «Абадгаран-е Иран» на парламентских выборах 2004 г. и в годы президентства М. Ахмадинежада. Эта коалиция представляла собой новую

¹¹ Hossein Bashariye. Dibacheii bar jameeshenasi-ye iran. Tehran, 2008/09. S. 55.

организационную структуру консервативного фланга, хотя ее представители, пытаясь несколько дистанцироваться от традиционных лозунгов правых, стали называть себя осульгаран, или принципиалистами, однако по своим идейным взглядам являлись консерваторами, что и позволило некоторым исследователям характеризовать их как неоконсерваторов¹². Руководителем этого объединения стал глава Академии персидского языка и литературы Г. А. Хаддад-Адель.

После избрания в 2005 г. президентом М. Ахмадинежада впервые за всю историю ИРИ все центры власти и принятия решений оказались в руках консервативного фланга. Сложившаяся ситуация должна была бы привести к дальнейшему укреплению исламского режима и сплочению сил. Однако на практике такое положение привело к усилению процессов расслоения и фрагментации консервативного лагеря, а позднее – и отделению от него наиболее прагматично настроенных группировок.

По мере укрепления позиций президента проявилось его стремление ограничить власть и влияние первого поколения революционеров, сократить присутствие представителей духовенства в органах исполнительной и даже законодательной власти, снизить их роль в экономике путем создания новой бизнес-элиты из представителей КСИР. Параллельно сотрудники силовых структур активно продвигались в госаппарат и другие властные структуры, что вызвало обеспокоенность не только у политических оппонентов Ахмадинежада, но и у духовенства¹³. Такая политика президента вела к усилению вмешательства силовиков в политическую жизнь страны, о недопустимости чего предупреждал в своем политическом завещании имам Хомейни.

¹² Asnaashari Shahrads. Az doulat-e eslahi ta doulat-e eslami. Tehran, 2006/07. S. 82.

¹³ URL: <http://www.bbc.co.uk/persian/lg/iran/2010/07/100726-110-karubi-interview-sanction> (дата обращения: 27.07.2010).

В первые годы своего президентства М. Ахмадинежад пытался возродить лозунги первого послереволюционного десятилетия и акцентировать идеи справедливости, сплотив тем самым общество вновь вокруг ценностей революции, однако ретрадиционализация закончилась резкой конфронтацией двух флангов, которая привела к событиям 2009 г., сильнейшему внутривластному кризису и полному вытеснению реформаторов с политической арены.

Одновременно М. Ахмадинежад, представитель новых светских элит из третьего поколения революционеров, продемонстрировал намерения расширить свои права как главы исполнительной власти и ослабить ее подконтрольность со стороны меджлиса и даже религиозного лидера, вступил с ним в конфликт, что натолкнулось на противодействие традиционалистов, не желающих сдавать свои позиции во властных структурах. Стоит отметить, что два предыдущих президента также пытались расширить свои права, тем самым несколько сократив возможности духовного лидера контролировать все решения исполнительной власти. Однако, как и в предыдущие годы, стремления М. Ахмадинежада не только не увенчались успехом, но и привели к осложнению его отношений с А. Хаменеи, меджлисом, вызвали резкое недовольство в религиозных кругах и усилили его противостояние с умеренно консервативными силами.

Стоит отметить, что в рассматриваемый период, в отличие от второй половины 90-х – начала 2000-х гг., наблюдалось затухание партийной деятельности, партии и политические организации проявляли себя лишь в предвыборный период, формируя коалиции и фронты.

В целом политический процесс в ИРИ за годы первого срока президентства М. Ахмадинежада (2005–2009) можно назвать консервативно-рутинным, поскольку его сущность состояла в сохранении сложившихся политических структур. В то же время в 2009–2010 гг. он принял

радикально-реформаторский характер, что связано с жестким противостоянием двух политических течений в ходе предвыборной кампании и развернувшимся после выборов «зеленым движением».

Накануне президентских выборов 2009 г. реформаторы поставили перед собой задачу взять реванш и вновь завоевать доверие народа. Не признав победу на выборах М. Ахмадинежада, сторонники М. Х. Мусави и М. Кяруubi организовали протестные акции. Многие иранцы их поддерживали, поскольку связывали приход к власти оппонентов М. Ахмадинежада с некоторой либерализацией общественной и политической жизни, но в рамках исламской республики. Начиная с осени 2009 г. стала все активнее проявляться линия на сотрудничество внутренней оппозиции с зарубежной, пытавшейся руководить «зеленым движением». По мере нарастания протестных акций в колоннах демонстрантов стали появляться лозунги, направленные против основных принципов устройства власти в стране, что вызвало недовольство широких народных масс. В обществе не нашли понимания лозунги, направленные на переосмотр принципа «веляят-е факих», выдвигаемые отдельными радикалами. Были организованы демонстрации в поддержку духовного лидера и исламской республики.

Выборы 2009 г. продемонстрировали невиданный со времен революции подъем активности населения и характеризовались острой политической борьбой, что привело к расколу общества на две большие группы – сторонников Ахмадинежада и его противников. Стране уже более 20 лет не приходилось сталкиваться с подобным противостоянием политических сил. Однако это протестное движение не получило идеологического и четкого организационного оформления, не приобрело особо широкого размаха, не смогло стать всеобъемлющим и остановилось на стадии протестных действий городской интеллигенции и студенчества. После событий

2009 г. реформаторские организации были окончательно вытеснены с политической арены страны. Попытки реанимировать протестные акции зимой 2011 и 2012 гг. не увенчались успехом. В ИРИ разразился глубокий политический кризис, последствия которого не изжиты до сих пор и продолжают оказывать влияние на политическую жизнь страны.

Консервативный фланг, полностью контролировавший политическую сферу, после указанных событий столкнулся со значительными трудностями. От него отделились представители наиболее радикальных консерваторов, с одной стороны, и прагматически настроенные силы, отказавшие в поддержке М. Ахмадинежаду, – с другой. Одновременно наблюдалось снижение авторитета традиционных партий: Моталефе и групп, входящих во Фронт сторонников имама. Представители этих течений во властных структурах резко критиковали друг друга и становились конкурентами в ходе выборных кампаний, что усугубляло внутривластную ситуацию.

В этих условиях духовный лидер, обеспокоенный нарастанием общественно-политического противостояния, осенью 2011 г. заявил о намерениях в будущем внести корректировки в систему государственной власти с тем, чтобы законодательно закрепить контроль меджлиса над президентом, предоставив парламентариям право избирать главу исполнительной власти. Такое заявление – свидетельство осознания руководством страны необходимости корректировки политической системы и внесения изменений в конституцию в целях сохранения стабильности режима. Однако различные политические элиты продемонстрировали разные подходы к реформированию политической сферы. Часть представителей высшего шиитского духовенства, разделяющего идеи исламского модернизма, расценила предложение лидера как удар по демократическим принципам и выступила за упрочение республиканских основ и укрепление светского начала

за счет ограничения религиозной составляющей в политической сфере вплоть до сокращения полномочий духовного лидера¹⁴. Радикально консервативные круги требовали упрощения исламских норм, расширения полномочий вали-факиха и признавали его полномочия ничем не ограниченными. Так, по словам аятоллы Месбаха Йазди, «демократия является следствием идеологии отделения религии от политики. Если демократия подразумевает, что любой закон, установленный народом, имеет юридическую силу, то подобное представление категорически не согласуется с религией. Если демократия означает ценность мнения народа в противовес повелению Всевышнего, то она ничего не стоит»¹⁵.

Последние годы президентства М. Ахмадинежада, совпавшие с усилением международных санкций против ИРИ, привели не только к экономическому кризису, но и продемонстрировали новые тенденции в политическом развитии ИРИ. Наблюдалось усиление фрагментированности и в лагере консерваторов, и в среде реформаторов, пытавшихся восстановить свои позиции и сохранить свою социальную опору. В обоих течениях происходил отход наиболее радикальных групп, с одной стороны, и выделение прагматически ориентированных фракций, готовых к компромиссам с представителями противоположного лагеря, – с другой. В ходе подготовки к выборам президента в 2013 г. более умеренные слои консерваторов и реформаторов проголосовали за Х. Роухани, представлявшего себя независимым кандидатом в противовес пяти другим кандидатам консервативного лагеря. Сложившаяся коалиция умеренных сил поддерживала его идеи либерализации общественно-политической сферы и внешней политики.

¹⁴ Дунаева Е. В. Политическая система ИРИ: вызовы либеральной модернизации. С. 118–119.

¹⁵ Мохаммад Бакер Хоррамшад, Сеййед Эбрахим Сарпарастсат. Концепции религиозной демократии. С. 93.

Таким образом, в 2009 г. либерально настроенные силы внутри страны предприняли попытку частичного переустройства политического процесса, что с точки зрения установленных законодательно норм было рассмотрено как неправомерные действия, которые и были строго пресечены властями. Правящие круги также продемонстрировали понимание необходимости внесения изменений в политическую систему. Однако в условиях особой позиции президента, расслоения в среде консерваторов, усиления давления международных санкций, дестабилизировавших социально-экономическую ситуацию в стране, рассмотрение этого вопроса было отложено. Либеральный лагерь увязал решение вопроса о реформах с приходом к власти умеренного политика Х. Роухани и снятием санкций.

Правительство Х. Роухани параллельно с ведением переговоров с группой 5+1 уже в первые месяцы своей деятельности выступило с инициативами в сфере обеспечения гарантий реализации гражданских прав, в первую очередь прав женщин, поддержки национальных меньшинств, расширения публичной сферы, и заявило о подготовке Кодекса гражданских прав. Активизировалась деятельность прореформаторских организаций, появились новые партии – Эттехад-е меллат, Неда-йе иранийан. В 2016 г. был принят новый закон о партийной деятельности. Больше свобод получили студенческие и университетские объединения.

В Иране, согласно официальным данным МВД, на конец 2019 г. было зарегистрировано 116 политических объединений¹⁶, однако система партий в современном понимании не сложилась. На постоянной основе действуют не более десяти. Они не носят массового характера и преимущественно выражают интересы многочисленных элит. Их

¹⁶ URL: <https://moi.ir> (дата обращения: 15.01.2020). По данным 2017 г., количество партий насчитывалось около 250, но не все прошли перерегистрацию после вступления в силу нового закона.

деятельность проходит в основном в период выборных кампаний. В последние годы активно обсуждаются вопросы, связанные с перестройкой всей партийной системы согласно международной практике. В то же время сам факт присутствия многочисленных объединений на политической сцене – свидетельство появления публичной сферы в ИРИ и расширения интереса граждан к проблемам дальнейшего развития страны.

Постепенно идет развитие и системы неправительственных организаций. Их зарегистрировано уже более 2000, однако создаваемые общества пока не играют значимой роли в общественно-политической жизни и, по данным некоторых источников, находятся под строжайшим контролем государственных структур.

Избрание Х. Роухани значительно изменило расклад сил на внутривнутриполитической арене. Предыдущие восемь лет практически все ветви власти контролировали исламские радикалы. Переход исполнительной власти в руки умеренных прореформаторски настроенных кругов вызвал недовольство у политических элит радикально-консервативной ориентации. С первых дней после прихода к власти Х. Роухани представители этого крыла, не одобряющие его взаимодействия с мировым сообществом и достижения договоренностей по поводу ограничения ядерной программы и снятия санкций, поддержки процесса либерализации, развернули активную кампанию критики деятельности правительства. Организационной структурой радикального крыла стала созданная в 2011 г. организация Джабхе-йе пайдари-йе энгелаб-е эслами (Фронт верности исламской революции), имеющая свою фракцию в меджлисе. В ее рядах – многие соратники М. Ахмадинежада, бывшие министры, руководители высшего и среднего ранга. Духовным наставником Пайдари принято считать одного из представителей высшего шиитского духовенства Кума крайне радикального

толка – аятоллу Месбаха Йазди. Этот спектр политических сил продолжает до сих пор контролировать ряд институтов достаточно сложной политической системы ИРИ, в которой параллельно действуют религиозные и светские структуры. Представители радикально консервативных сил преобладают в Наблюдательном совете, Совете экспертов, занимают почти половину мест в меджлисе. Они сохраняют своих представителей в Совете по целесообразности принимаемых решений, Высшем совете национальной безопасности, Высшем совете культурной революции, некоторых известных организациях духовенства. Радикалы возглавляют организацию Радио и телевидения ИРИ и одну из центральных газет страны – «Кейхан», держат в своих руках многочисленные сайты и издания, что обеспечивает им трибуну для критики деятельности правительства и пропаганды своих взглядов. Исламский радикализм нашел поддержку у традиционных слоев городов и сел. Однако основным пропагандистом этих идей являются члены движения «басидж».

Давление на правительство оказывается и со стороны представителей прореформаторски настроенных сил, ожидающих более активных и решительных действий нового президента по выполнению данных обществу обещаний.

Результатом развития либеральных идей в обществе, в первую очередь в крупных городах, стала победа коалиций умеренных и прореформаторских сил на выборах в меджлис в 2016 г. Так, в Тегеране были избраны все кандидаты из списка сторонников Х. Роухани «Омид» («Надежда»). Аналогичная ситуация сложилась и в Исфагане. Большинство реформаторов было избрано и в Мешхеде.

В 2017 г. именно поддержка электората реформаторов вновь обеспечила победу Х. Роухани над представителем радикально-консервативных сил И. Раиси, опиравшемся на традиционные слои и помощь консервативного духовенства и КСИР.

Однако вскоре после переизбрания стало очевидно, что Х. Роухани не обладает достаточными полномочиями, чтобы провести те социально-политические реформы, которые требует общество. Основной тематикой внутриполитического дискурса накануне выборов были изменения в конституции, реформирование политической системы, снижение вовлеченности духовенства и КСИР в политическую сферу, прозрачность деятельности исламских фондов, вывод военных из экономической сферы. Одновременно возникали сложности и в отношении выполнения западными государствами своих обязательств по СВПД, что наносило удар по позициям президента и правительства, сделавшими основную ставку на полное снятие санкций для решения экономических задач.

После успешного для экономики ИРИ 2016 г. в 2017 г. темпы экономического роста значительно замедлились, сохранялся высокий уровень безработицы, наблюдалось падение уровня жизни. Одновременно со стороны США зазвучали идеи выхода из СВПД и возвращения всех санкций. Этой ситуацией воспользовались радикальные силы, чтобы поднять население против правительства. В конце декабря 2017 г. на демонстрациях в Мешхеде открыто зазвучали лозунги отставки правительства. В течение нескольких дней протестные акции охватили 90 городов страны. Наряду с экономическими лозунгами были слышны призывы против исламской республики, духовенства. Январские протестные акции 2018 г. носили беспрецедентный характер как с точки зрения охвата территории, так и прозвучавших на них лозунгов. Выступления против безработицы и дороговизны перерастали в обвинения властей в коррупции, воровстве, хищениях, удушении свободы. Открыто осуждалась диктатура духовенства.

Обращает на себя внимание тот факт, что участники выступлений демонстрировали свое негативное отношение к политическим фракциям и реформаторов, и консерваторов.

Акции показали, что общество осознает тот факт, что идеологическое противостояние двух флангов на протяжении более трех десятилетий лишь прикрывает борьбу за власть. Практика показала, что в условиях политической системы, основанной на «велят-е факих», реформаторы, даже контролируя исполнительную и законодательную власть, как это происходило в 2000–2004 гг., не в состоянии провести реформы, чтобы закрепить те реалии, которые уже приняло общество. Этот факт признается и политологами прореформаторской направленности. С. С. Хагигат пишет, что «частичное возвращение реформаторов во власть после 2013 г. предопределило резкое падение их авторитета и вызвало кризис доверия. Общество после выступлений декабря 2017 г. перешагнуло и через консерваторов, и через реформаторов»¹⁷.

Особенностью январских акций стало отсутствие единого центра управления действий, политических лидеров и созидательных лозунгов. Очевидно, что координация выступлений по городам страны осуществлялась через соцсети и мессенджеры. В районах расселения национальных меньшинств в развитии протестов свою роль сыграла поддержка националистических организаций из-за рубежа.

Отличием протестных акций 2018–2019 гг. от периода оппозиционных выступлений 2009 г. стало отсутствие в рядах протестующих интеллигенции и представителей новых средних классов, изменение географии протестов и неучастие в них представителей реформаторского лагеря¹⁸.

В течение 2018–2019 гг. в ИРИ участились забастовки, выступления против закрытия предприятий, акции в связи с ухудшением экологических условий, невыплат в срок зарплат и социальных пособий. Однако они носили разрозненный

¹⁷ S. S. Khaghighat. Semouj-eeslahat.

¹⁸ Подробнее о протестах см.: Дунаева Е. В. Иран на пороге 40-летия исламской революции (Что скрывается за январскими протестами) // Азия и Африка сегодня. 2018, № 6 (731). С. 10–17.

характер и подавлялись властями. Новый мощный пик протестов наблюдался в ноябре 2019 г. после объявления о повышении цен на бензин. Однако в ходе экономических по своей сути протестов звучали и политические лозунги, в том числе против исламского режима. Нередко мирные протестные акции перерастали в массовые беспорядки, что жестоко подавлялось специальными силами полиции и КСИР. Эти акции охватили 29 останов, при этом практически не затронули столицу, а лишь маленькие города-спутники. Средний класс остался в стороне, а основной движущей силой стали низшие слои общества, в которых еще живы надежды на справедливость, достижение которой 40 лет тому назад было объявлено основной целью исламской революции.

Постепенное нарастание количества протестов и расширение их географии на фоне ожесточения борьбы политикорелигиозных элит – свидетельство продолжающегося внутриполитического кризиса. Причем даже социальные опросы демонстрируют рост недовольства как социально-экономической ситуацией, так и действиями властей в целом. После протестов 2018 г. 75% опрошенных заявили о том, что они недовольны в целом положением в стране, из них 40% адресовали свое недовольство исполнительной власти, 34,7% указали, что режим в целом ответственен за сложившуюся ситуацию, а 9,2% отметили, что корень проблем видят в руководящей роли духовенства. По данным декабря 2019 г., о своем недовольстве сложившейся в стране ситуацией заявили 85% опрошенных, а в феврале 2020 г. среди жителей Тегерана, недовольных действиями исполнительной и законодательной властей – 93,7%, при этом они отмечают, что не только экономические причины определяют их позицию, но и отсутствие свободы слова и климата, необходимого для ведения

национального диалога¹⁹. Рост оппозиционных настроений – залог расширения протестных движений в будущем.

Основная конфронтация в настоящее время проходит по линии радикальные консерваторы – умеренно-либеральные силы, и именно она определяет основной внутривнутриполитический дискурс относительно дальнейшего пути развития страны. В последний год, после выхода США из СВПД, радикалы-консерваторы усилили свои позиции на политической сцене. Они контролируют большинство властных структур, религиозную трибуну и оказывают сильнейшее давление на исполнительную и законодательную власть. Для разрешения кризисной ситуации, сложившейся и в экономике, и в социально-политической сфере, они добиваются отстранения либералов от власти с тем, чтобы поставить заслон проникновению в страну западного влияния, несущего угрозу традиционным ценностям, и на основе упрочения исламских принципов и системы «веляят-е факих» мобилизовать внутренний экономический и социальный потенциал для противостояния с США и Израилем. Эти силы, отслеживая усиливающиеся в обществе тенденции модернизации и, соответственно, секуляризации, выступают за ужесточение религиозной парадигмы и максимальное ограничение демократических институтов.

Прореформаторское течение, переживающее упадок и растерявшее свой электорат после выборов 2017 г., осознает необходимость внесения изменений в конституцию с целью укрепления демократических институтов и развития либерализации в политической сфере. Однако признается тот факт, что в сложившихся условиях усиления централизации и преобладания исламских радикалов в целом ряде структур сложной политической системы страны, а также

¹⁹ The results of the social survey regarding the protests in dey 1396. URL: <http://snn.ir/news/665672> (дата обращения: 10.02.2018); URL: <http://rahbordemoaser.ir/fa/news/36208> (дата обращения: 17.02.2020).

роста влияния КСИР практически исчерпаны возможности для дальнейшей либерализации. Маловероятно, что высший руководитель инициирует необходимые реформы, поэтому основная ставка реформаторами делается на развитие социальных движений внутри страны, однако не с целью свержения режима или радикального переустройства, а для оказания давления на власть и изменения конституции. Президент Х. Роухани поднимает вопрос о необходимости проведения общенародного референдума, который мог бы внести отдельные изменения или пересмотреть трактовку некоторых статей конституции с целью укрепления республиканских основ государственной системы²⁰.

В последний год в консервативных кругах также неоднократно поднимался вопрос об изменениях в политической системе, однако они предлагают вернуть пост премьер-министра и отменить пост президента или выбирать президента только депутатам меджлиса, а не всеобщим голосованием, чтобы еще более ограничить его полномочия. С такой инициативой, ранее озвученной духовным лидером, может выступить меджлис после его переизбрания в 2020 г., если в нем одержат победу радикальные консерваторы.

В последнее десятилетие политический процесс демонстрирует многочисленные конфликты внутри общества и внутри власти, отражениями которых являются процессы фрагментации двух основных политико-идеологических лагерей. Можно говорить о том, что традиционное разделение на реформаторов и консерваторов, которое наблюдалось на протяжении 30 лет, уступает место новой конфигурации. С одной стороны, располагаются сторонники режима, принимающие его в неизменном виде, стремящиеся к укреплению его исламской составляющей, а их оппонентами выступают те, кто осознает необходимость осуществления преобразований ради выживания исламской республики.

²⁰ URL: www.entekhab.ir/fa/526200 (дата обращения: 28.01.2020).

Последние годы показали, что неправомерные, с точки зрения властей, действия некоторых социальных групп принимают устойчивый характер, расширяется география протестов и растет число недовольных. Власти прибегают к насилию и уже не могут адекватно реагировать на изменившиеся общественные отношения.

Стоит иметь в виду, что на политическую сцену выходит новое поколение, не прошедшее революцию и войну, которое не готово ориентироваться только на революционные исламские ценности, а стремится приобщиться ко всем достижениям мировой цивилизации. Оно вкладывает свой смысл в понятие «исламское государство» и не считает необходимым сохранение тотального контроля духовенства над всеми сферами жизни общества.

И эти новые силы, которые претендуют на расширение своего политического участия, будут оказывать все большее влияние на политические процессы в стране в ближайшем будущем.

Становление и развитие вооруженных сил

В теории военная мощь государства – это реализованные к определенному моменту времени военно-экономический, военный научно-технический, морально-политический потенциалы страны, которые используются для содержания и совершенствования вооруженных сил и обеспечения наиболее эффективного решения поставленных перед ними задач. Поэтому собственно вооруженные силы ИРИ есть продукт процесса формирования и развития совокупности всех вышеназванных потенциалов.

В условиях Исламской Республики Иран этот процесс приобрел свою религиозную специфику, которая проявилась с первых дней революции 1979 г. и заключалась прежде

всего в тотальной революционной реорганизации государственной системы, стержнем которой стала исламизация всех сторон экономической, социальной и политической жизни страны. Исламский революционный вихрь захватил и экономику, превратив ее в «тоухидную», и науку, удалив из страны многих ученых, несогласных с новым режимом.

Революция нанесла удар и по шахской армии. Вооружённые силы монархии не спасли трон, но и не выступили на стороне революционных масс как единая организованная сила. В этот период революционной смуты «великая шахиншахская армия» практически развалилась.

Репрессии обрушились на высший и старший командный состав бывших шахских вооружённых сил. В результате около ста генералов и офицеров были расстреляны исламскими ревкома, а более 2000 – репрессированы. Многие из генералов и офицеров, а также военные специалисты бежали из Ирана. Части и подразделения потеряли боеспособность, были дезорганизованы и деморализованы²¹.

Совокупный военный потенциал ИРИ, образно говоря, превращался в «пепел». Положение усугублялось начавшейся в 1980 г. ирано-иракской войной, принесшей стране огромные материальные и финансовые потери.

В этих условиях у религиозного руководства Ирана был единственный шанс спасти положение – любыми путями создать армию нового типа. Для этого из всего совокупного военного потенциала ставка была сделана на его морально-политический элемент. Путем тотального религиозного идеолого-психологического воздействия на людей, индоктринации населения в духе божественного и единственно правильного учения имама Хомейни, а также путем жесткого подавления оппозиции шиитскому духовенству удалось в войне превратить человеческий фактор в основной источник

²¹ Сажин В. И., Бондарь Ю. М. Военная мощь Исламской Республики Иран. М., 2014. С. 207.

сопротивления и побед. Морально-политический потенциал оставался важнейшим, можно сказать формообразующим, элементом совокупного военного потенциала ИРИ, и в дальнейшем, особенно в первое десятилетие ИРИ, именно с его помощью воссоздавались военно-экономический и военный научно-технический потенциалы государства, готовые преобразоваться в военную мощь исламской державы.

С этой целью были определены следующие направления развития оборонной промышленности ИРИ:

- сбор (различными методами) и изучение новых мировых технологий в военной сфере, развертывание выпуска заимствованных образцов оружия и боевой техники, особенно ракетных систем;
- активизация НИОКР в военной области с использованием результатов исследований, проводимых за рубежом;
- расширение номенклатуры и увеличение объемов производства запасных частей, узлов и агрегатов для сложных видов военной техники с последующим созданием клонов иностранного вооружения.

В конце 80-х гг. произошло восстановление и реорганизация военной промышленности Ирана. Так, количество военных предприятий уже к 1985 г., по сравнению с 1975 г., увеличилось более чем в 1,5 раза, число занятых на них – почти в два раза (с 3,3 до почти 6 тыс. чел.). Была воссоздана Организация оборонной промышленности, объединившая почти 40 военных заводов, несколько десятков ремонтных мастерских, а также порядка 12 тыс. частных предприятий (различного масштаба), занимающихся военным производством²². На этой базе получил развитие и эволюционировал собственно военный потенциал, т. е. вооруженные силы ИРИ.

²² Там же. С. 77.

Придя к власти в Иране, исламское руководство в течение первых месяцев своего правления провело ряд мероприятий в рамках новой военной политики. Так, прекратилась деятельность в иранской армии американских военных советников и специалистов, аннулированы некоторые контракты на поставку вооружения из США, приостановлено строительство военных объектов, почти наполовину сокращен военный бюджет, Иран вышел из блока СЕНТО, тем самым ускорив его полный развал, вывел свои экспедиционные войска из Омана, рассекретил американские разведывательные базы и центры на своей территории.

В условиях исламской революции иранская армия, хотя в теории и была по принадлежности важнейшим институтом государства, не смогла претендовать на особую роль в формировании новой государственности. Она была лишена голоса при выборе путей дальнейшего общественного развития страны. При этом клерикальное руководство ИРИ приняло решение сохранить организационную структуру бывшей шахской армии, подчинить войска себе, но одновременно отстранить их от участия в политической жизни. Для этого был практически полностью заменен весь высший командный состав и проведены массовые чистки в низовых звеньях.

Несмотря на усилия исламских властей, пытавшихся, с одной стороны, удержать армию под своим контролем, с другой – сохранить ее боеспособность, революционные преобразования нанесли сильнейший удар по вооруженным силам страны. Они почти полностью потеряли свою боеспособность. К началу войны с Ираком (сентябрь 1980 г.) укомплектованность иранской армии офицерским составом была 45–55% штатного расписания, рядовым и сержантским – 60–70%. Около 45% оружия и военной техники было в небоеспособном состоянии²³.

²³ The Military Balance. The International Institute for Strategic Studies – IISS. L., 1980, L., 1981, L., 1982; O'Balance E. The Gulf War. L., 1988.

Ирано-иракская война стала мощным импульсом для активизации программ военного строительства в послереволюционном Иране. Однако полностью положиться на регулярную армию, «запятнавшую» себя тесными связями со свергнутым шахским режимом, иранское духовенство не хотело и не могло. Поэтому оно сделало ставку на альтернативные вооруженные формирования, полностью преданные идеям хомейнизма.

Таким формированием стал Корпус стражей исламской революции (КСИР). Решение об объединении разрозненных, наиболее фанатичных в религиозном отношении политических группировок, преданных идеям аятоллы Хомейни, и их вооружённых отрядов в КСИР было принято ещё до ирано-иракской войны Исламским революционным советом и Временным революционным правительством 24 февраля, а официально объявлено о его создании 6 мая 1979 г.

Сначала КСИР представлял собой милиционное военизированное формирование с независимой от армии системой управления. Но уже в первые месяцы ирано-иракской войны шиитские клерикалы вскрыли большие потенциальные политические, военные, организационные и карательно-репрессивные возможности КСИР и наметили пути превращения Корпуса в основную силу в системе регулярных вооружённых формирований ИРИ.

За 40 послереволюционных лет КСИР стал мощным регулярным формированием, имеющим в своем составе собственные сухопутные войска, ВВС, ВМС, а также Силы сопротивления «Басидж», т.е. народное ополчение, и разведывательные, диверсионно-террористические Силы специального назначения «Кодс». При этом численность личного состава КСИР с момента его создания возросла почти в 50 раз и к началу 90-х г. достигла полумиллиона человек²⁴. Таким

²⁴ Сажин В. И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т. 10, № 3. С. 90.

образом, КСИР, обладая почти половиной личного состава всех вооруженных сил Ирана, стал (наряду с армией²⁵) их важнейшей составной частью.

Начался процесс полномасштабной и тотальной исламизации армии, военные реформы проводились в условиях войны. Это коснулось и организационной структуры ВС (армии и КСИР), и поставок в ВС боевой техники. В условиях международного эмбарго использовались также легальные, полулегальные и нелегальные каналы закупок военной техники и запчастей к ней за границей. Только в период с 1979 по 1986 г. такие страны, как Аргентина, Бразилия, Вьетнам, Израиль, Индия, Исландия, Италия, Китай, Ливия, Нидерланды, Пакистан, Польша, Португалия, Северная Корея, Сирия, СССР, США, Тайвань, Франция, Чехословакия, Чили, Швейцария, Швеция, Эфиопия, Южная Корея, Япония продали Ирану оружия на сумму более 15,7 млрд долл.²⁶

Одновременно усиливалась религиозная обработка личного состава Армии. Во всех звеньях вооруженных сил насаждалось и укреплялось административное звено так называемых исламских представителей, по сути – мусульманских комиссаров.

²⁵ Термин «армия» имеет несколько значений: 1) вся совокупность вооруженных сил государства; 2) сухопутные войска (СВ) в отличие от военно-морских (ВМС) и военно-воздушных сил (ВВС); 3) крупное войсковое объединение, состоящее из нескольких корпусов, дивизий одного или различных родов войск; 4) в дореволюционной России: обычные сухопутные войска в отличие от гвардии. Уникальная особенность вооруженных сил (ВС) ИРИ заключается в наличии в них двух регулярных вооруженных формирований: армии, состоящей из трех видов ВС – СВ, ВВС и ВМС, а также Корпуса стражей исламской революции (КСИР), в который также входят СВ, ВВС, ВМС плюс Силы сопротивления «Басидж» и Силы специального назначения «Кодс». В силу особенностей значения термина «армия» (*артеш* – перс.яз.) для иранских условий, с целью предотвращения неоднозначного понимания этого термина для Ирана, слово «Армия» применительно к ВС ИРИ следует писать с заглавной буквы.

²⁶ См.: Cordesman A. H. Arms Sales to Iran: Remour and Reality // Middle East Executive Reports, February 1986.

Развитие вооруженных сил ИРИ в 80-х и 90-х гг. шло по нескольким, определенным «неошиитским панисламизмом Хомейни», направлениям: первое – воссоздание и исламизация Армии на новых идеологических основах; второе – организация и приоритетное развитие КСИР; третье – образование и укрепление народного ополчения «Басидж».

Эволюция вооруженных сил основывалась на широко-масштабной модернизации военно-промышленного комплекса (ВПК). И сегодня «Иран имеет очень мощный (особенно по меркам Ближнего и Среднего Востока) ВПК, который может производить оружие почти всех классов. В частности, активно развивается программа разработки баллистических ракет, в основе которой лежат советская Р-17 и ее северокорейские производные. Иранские оружейники много экспериментируют с имеющимися в их распоряжении образцами иностранной техники и либо копируют ее, либо модернизируют и переделывают»²⁷.

Сегодня военная промышленность ИРИ включает практически все современные отрасли производства вооружения и военной техники: военно-химическую, ракетостроительную, авиационную, бронетанковую, артиллерийско-стрелковую, боеприпасную, кораблестроительную, радиоэлектронную.

В результате осуществления «заветов Хомейни» и проведения военной реформы в её исламском варианте регулярные вооружённые силы Исламской Республики Иран в течение 80-х (в условиях войны с Ираком) и 90-х гг. претерпели большие изменения.

В ИРИ действительно были созданы уникальные истинно исламские вооруженные силы. Главная их особенность – это то, что они состоят из двух компонентов, двух независимых регулярных вооруженных формирований – Армии и Корпуса

²⁷ Храмчихин А. Эстафета трофеев. Иранские вооружения не поддаются подсчету // Военно-промышленный курьер, № 13 (776) 2019, 9–15 апреля URL: https://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/VPK_13_776.pdf (дата обращения: 20.04.2019).

стражей исламской революции, каждое из которых обладает собственными видами ВС: сухопутными войсками, ВВС и ВМС.

Сформирована современная система управления войсками, конечно со своей исламско-иранской спецификой. Вооруженные силы ИРИ – Армия и КСИР – четко управляются многоканальной системой по различным параметрам, по разным направлениям и во всевозможных ситуациях.

В соответствии со ст. 110 Конституции Исламской Республики Иран, верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами страны является верховный лидер нации (он же глава республики и духовный лидер иранцев), который обладает практически неограниченными полномочиями во всех военных и военно-политических вопросах²⁸.

Поэтому все рычаги управления находятся в едином центре, в одном диспетчерском пункте – Канцелярии верховного лидера, который, обладая всей полнотой власти главнокомандующего, через возглавляемый им же Высший совет национальной безопасности (ВСНБ) направляет деятельность иранских вооруженных сил. Это позволяет господствующей элите держать под полным контролем как все процессы, происходящие внутри вооруженных сил, так и их отношения с другими структурами государства.

Верховный лидер правомочен объявлять войну, мир и всеобщую мобилизацию. Он осуществляет назначение, смещение и принятие отставки начальника Генерального штаба ВС, главнокомандующих КСИР, Армии, командующих видами этих компонентов ВС, командующего Силами охраны правопорядка (СОП).

Верховному лидеру подчиняется Высший совет национальной безопасности – важнейший консультативный орган

²⁸ Конституция Исламской Республики Иран // Весна свободы. М.: Посольство ИРИ в РФ, 1994. С. 88.

по вопросам безопасности государства, обороны, стратегического планирования и координации деятельности правительства в различных областях. В задачи ВСНБ входит выработка оборонной политики и политики по обеспечению безопасности государства в рамках генеральной линии, определяемой духовным лидером ИРИ. Кроме того, этот орган согласует военную, политическую, экономическую, социальную, информационную и культурную деятельность в стране с интересами обеспечения безопасности государства.

Верховный главнокомандующий вооруженными силами Ирана руководит ими через Генеральный штаб ВС ИРИ, который осуществляет административное и оперативное управление ВС в мирное и военное время через Объединенный штаб Армии и Объединенный штаб КСИР, штабы видов ВС, штаб СОП и соответствующие территориальные органы, которые в каждой из структур имеют свои наименования, предназначение, состав, функции и задачи.

Генштаб является высшим центральным органом управления всех компонентов и видов ВС страны, в основные задачи которого входит: разработка стратегических вопросов обороны, планирование стратегических операций начального этапа возможной войны, а также оперативной и боевой подготовки в масштабах всех ВС (в том числе учений и маневров), контроль за уровнем их боеготовности, организация и совершенствование системы управления войсками, взаимодействия между Армией, КСИР, СОП и видами ВС, подготовка оперативных приказов (распоряжений) вооруженным силам, контроль за их выполнением и другие.

Министерство обороны и поддержки вооруженных сил не имеет непосредственного отношения к боевой деятельности войск. Оно отвечает за следующие вопросы: военное строительство, разработку военного бюджета, контроль за текущим финансированием, военные НИОКР, функционирование Организации оборонной промышленности,

плановые закупки вооружений и военной техники (в том числе за рубежом) для всех видов ВС страны, защита интересов военнослужащих, их правовое, медицинское, страховое и пенсионное обеспечение, издание топографических карт и т.д.

Армия является одной из основных составляющих вооруженных сил Исламской Республики Иран. В соответствии со ст. 143 и 144 Конституции ИРИ «Армия Исламской Республики Иран призвана охранять независимость, территориальную целостность и исламский республиканский строй страны». Она «должна быть исламской, то есть религиозной и народной армией, и должна принимать на службу достойных лиц, преданных целям исламской революции и готовых пожертвовать собой ради них»²⁹.

Армия ВС ИРИ способна выполнять задачи по отражению внешней агрессии самостоятельно или совместно с Корпусом стражей исламской революции и Силами охраны правопорядка.

Армия состоит из трех видов вооруженных сил: сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил. Численность личного состава Армии (которая разнится в зависимости от используемых источников, так как в ИРИ эта информация полностью закрыта) порядка 450 тыс. человек (СВ – около 300 тыс., ВВС – 100, ВМС – 30)³⁰.

Что касается КСИР³¹, то официально создание КСИР, как было уже отмечено, провозглашено 6 мая 1979 г. Целями его были названы «защита исламской революции в Иране и содействие ее распространению в мире на основе подлинно исламской идеологии». В задачи КСИР входили

²⁹ Там же. С. 94.

³⁰ Подсчитано по: Ганиев Т., Задонский С., Карякин В. Военная мощь Исламской Республики Иран. М., 2019. Том I. С. 335.

³¹ Подробнее см.: Сажин В. И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве. С. 83–109.

поддержание порядка, борьба с контрреволюцией, взаимодействие с армией, содействие органам исламской власти. КСИР комплектовался на основе строгих «исламских» принципов, как правило, из фанатичных представителей городских низов по рекомендации мулл³².

Создатель Исламской Республики Иран, лидер революции аятолла Хомейни дал высокую оценку деятельности КСИР. На встрече с командованием КСИР 20 августа 1979 г. он заявил: «Я доволен Корпусом и никоим образом не изменю о нем моего мнения. Если бы не было Корпуса, то не было бы страны. Я очень люблю Корпус и дорожу им...»³³

Весной 1979 г. был принят временный устав КСИР, весной 1982 г. меджлис утвердил постоянный устав Корпуса.

Численный состав КСИР быстро рос: в мае 1979 г. тегеранский отряд «пасдаров»³⁴ насчитывал не более 6 тыс. человек, в апреле 1980 г. в КСИР было 40 тыс., а к началу войны с Ираком (сентябрь 1980 г.) – около 60 тыс. человек. В ходе восьмилетней ирано-иракской войны КСИР превратился в регулярные войсковые формирования и стал мощным компонентом ВС ИРИ, по некоторым показателям превосходящим традиционную Армию.

В соответствии со статьей 150 Конституции ИРИ Корпус стражей исламской революции призван охранять завоевания исламской революции³⁵. Законом о вооруженных силах ИРИ, принятом в 1987 г., в частности, предусмотрено «оказание военной помощи исламским нациям или обездоленным народам независимо от их принадлежности к исламу по их просьбе с целью защиты их территории от нападения

³² Шестаков А. П. Создание духовенством Корпуса стражей исламской революции как инструмента борьбы за безраздельное политическое господство – Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1989. С. 163–170.

³³ Jomhuriye eslami, 21.08.1979; Jomhuriye eslami, 21.08.1979.

³⁴ «Пасдар» – стражник, член КСИР.

³⁵ Конституция Ирана. Статья 150.

или захвата войсками агрессора»³⁶. Особо обращает на себя внимание последняя часть фразы об оказании помощи. Это, пожалуй, в большей степени относится к КСИР, чем к Армии.

На КСИР возложены задачи армейской, жандармско-полицейской и религиозно-исламской специфики, включающей «специальные операции», а также экономические:

- обеспечение внутренней безопасности исламского режима в Иране путем борьбы с оппозицией, пресечения антиправительственных выступлений населения;
- осуществление контроля за деятельностью политических, общественных и неправительственных организаций, частных компаний и фирм;
- отражение совместно с Армией иностранной агрессии;
- ведение внешней разведки и контрразведки;
- предотвращение проникновения в страну «западной идеологии и культуры»;
- подготовка и руководство Силами сопротивления «Басидж»;
- контроль за строгим соблюдением всеми гражданами исламских норм жизни и морали;
- претворение в жизнь концепции «экспорта исламской революции»;
- борьба с наркобизнесом и бандитизмом;
- участие (при необходимости) в охране государственной границы;
- участие в осуществлении крупномасштабных государственных проектов в рамках восстановления и развития экономики.

В своем составе КСИР имеет сухопутные войска, аэрокосмические и военно-морские силы, Силы сопротивления «Басидж» (в составе сухопутных войск) и Силы специального

³⁶ Majmu'-ye Ghavanin-e Niruha-ye Mossalah-e Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. Tehran, 1996. S. 600.

назначения (ССН) «Кодс»³⁷. Непосредственное руководство КСИР осуществляет главнокомандующий этой структуры, который опирается в своей деятельности на Высший совет КСИР, аппарат заместителей и Объединенный штаб (ОШ) КСИР. В состав Высшего совета входят: главноком и его заместители, начальник ОШ, командующие СВ, ВВС, ВМС, ССБ, ССНК, а также представители верховного лидера страны в КСИР и в видах вооруженных сил.

К началу XXI в. ВС ИРИ (Армия и КСИР) стали крупнейшими в мире. Численность совокупных регулярных вооруженных сил Ирана составляет, по различным данным, от 540 до 900 тыс. человек, из которых от 450 до 670 тыс. насчитывается в сухопутных войсках, почти от 70 до 100 тыс. – в ВВС, от 35 до 45 тыс. – в ВМС, а также около 135 тыс. – в ССБ и около 25 тыс. – в ССН «Кодс». Бывший посол ИРИ в РФ доктор Мехди Санаи в своем блоге пишет, что личный состав Армии составляет 700 тыс. человек³⁸. Разброс данных объясняется практически абсолютной закрытостью в ИРИ темы, касающейся вооруженных сил. Различные иранские источники приводят неоднозначные сведения о численном и боевом составе иранских ВС, а также о количестве вооружений и боевой техники.

Кроме того, иррегулярные формирования «Басидж» достигли численности в 3 млн человек, а подготовленный резерв – более 5 млн, что составляет менее 10 млн «вооружённых бойцов ислама». Как видно, идет подготовка к реализации одной из самых важных военно-стратегических концепций строительства вооружённых сил Ирана – построение «Исламской армии 20 миллионов»³⁹. Для сравнения: перед началом

³⁷ Подробнее см.: Сажин В. И., Бондарь Ю. М. Указ. соч.

³⁸ Мехди Санаи. День Армии в Иране. Блог 20.04.2015. URL: <https://sanaei.livejournal.com/134359.html> (дата обращения: 05.05.2019).

³⁹ Хмелинец С. М. Основные направления военного строительства вооружённых сил Ирана. 2010. URL: <http://www.iimes.ru/?p=10386> (дата обращения: 14.04.2019).

ирано-иракской войны в сентябре 1980 г. личный состав вооруженных сил ИРИ составлял 220–240 тыс. человек⁴⁰.

Иранские власти активно стараются создать у населения положительный образ Армии и КСИР. Так, обладая абсолютным контролем над вооруженными силами, руководство ИРИ стремится замаскировать их внутривнутриполитическую (прежде всего карательную) функцию. В последние годы иранские вооруженные силы практически не используются в полицейско-карательных целях. Против участников демонстраций, митингов протеста, время от времени возникающих в различных городах страны в случае, если полиция не справляется с ситуацией, власти «бросают в прорыв» не Армию или КСИР, а, как правило, народное ополчение «Басидж». При этом преследуются две цели. Во-первых, «блюдется» положительный образ Армии и КСИР, психика и моральное состояние военнослужащих не подвергаются испытаниям (солдаты против своего народа), они ограждаются от возможного негативного влияния гражданского населения, и во-вторых, всем демонстрируется, что сам народ в лице народного ополчения «Басидж» успокаивает смутьянов. Кроме того, таким способом власти стремятся предотвратить возможность манипулирования вооруженными силами со стороны различных политических группировок (в том числе и в самых высших структурах).

Теократическая власть шиитского духовенства в Иране с первых дней исламской революции не позволила Армии стать самостоятельным субъектом политики (что характерно для военных диктатур), превратив ее в послушный объект своих притязаний, а КСИР – превратить в конечном итоге в главное орудие своей внешней и внутренней политики.

Таким образом, военно-политическому руководству ИРИ удалось за 40 лет в условиях войны и экономического

⁴⁰ The Military Balance; O'Balance E. The Gulf War.

кризиса воссоздать военную экономику, модернизировать ее, а вооруженные силы превратить в одни из самых мощных на Ближнем и Среднем Востоке, по многим показателям превосходящие те, о которых даже не мог мечтать амбициозный шах Мохаммад Реза Пехлеви, стремившийся к превращению Ирана в супердержаву региона.

Весь парадокс 40-летней истории ИРИ заключается в том, что исламские революционеры, свергнувшие шаха, через 40 лет осуществили то, о чем лишь мечтал шах, т.е. именно аятоллы превратили Иран в ближневосточную супердержаву.

А быть может, дело здесь не в парадоксах истории, а в том, что и шах, и шиитское духовенство вели (а духовенство продолжает вести) Иран, по словам шаха Мохаммада Резы Пехлеви, «к великой цивилизации». Различает их лишь понимание сути этой «великой цивилизации». А пути и механизмы достижения этой цели, как выяснилось, едины как для шаха, так и для духовенства. Во-первых, решение внутрииранских задач, в частности, обеспечение военно-политической стабильности государства, создание независимой экономики с развитой промышленностью, в том числе и военной, строительство мощных вооруженных сил. И во-вторых, превращение Ирана (шахиншахского или исламского) в региональный центр силы путем достижения на Ближнем и Среднем Востоке военно-политического, военно-экономического и собственно военного лидерства.

Исламская Республика Иран всего за 40 лет своего существования смогла под руководством шиитского духовенства выполнить многие политические, экономические, социальные и военные задачи, которые не смог осуществить шахский режим за долгие годы.

Ядерная программа: история и современное состояние

История иранской ядерной программы

Ядерная программа Ирана (ЯПИ) насчитывает уже более 60 лет. Начало исследованиям в ядерной сфере было положено амбициозными инициативами шаха Ирана Мохаммада Резы Пехлеви, запланировавшего широкомасштабную программу развития ядерных технологий в Иране.

Исламская революция 1979 г., свергнувшая шаха, нарушила планы Ирана в области ядерных разработок. Лидер исламской революции аятолла Хомейни после прихода к власти заморозил научно-исследовательские работы и создание ядерной инфраструктуры ИРИ.

В середине 80-х гг. XX в., в разгар ирано-иракской войны, когда иракская армия использовала химическое оружие против иранцев, руководство страны задумалось о создании собственного оружия массового поражения. В Иране была принята секретная директива, подписанная бывшим президентом А. А. Хашеми-Рафсанджани, по которой наличие ядерного оружия является стратегической гарантией сохранения исламского режима в Тегеране⁴¹. Был также разработан план «Амад», целью которого являлось создание ядерной боеголовки для баллистической ракеты. Кстати, именно МАГАТЭ стало основным источником сведений о проекте «Амад», опубликовав в конце 2011 г. подробный двенадцатистраничный документ «Возможные военные аспекты» иранской ядерной программы⁴². С этого времени началось ускоренное развитие ядерных технологий.

⁴¹ Ганиев Т., Задонский С., Карякин В. Указ. соч. С. 283–284.

⁴² Доклад Генерального директора МАГАТЭ // Осуществление Соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО и соответствующих положений резолюций Совета Безопасности в Исламской Республике Иран. 09.11.2011. GOV/ 2011/65 // Приложение // Возможные военные составляющие

В 80-е гг. иранская ядерная программа, получившая военную направленность, начала осуществляться при помощи Китая и Пакистана. Во второй половине 80-х гг. в Исфагане на базе поставленного из КНР реактора начал работу исследовательский ядерный центр⁴³.

В 90-е гг. Иран нелегально получил от Пакистана 500 центрифуг для обогащения урана и пакет технической документации⁴⁴. Тогда же между Ираном и КНДР было подписано соглашение о научном сотрудничестве в ядерной области. По некоторым данным, иранские ученые присутствовали на некоторых испытаниях ядерного оружия в КНДР.

Ядерная программа ИРИ развивалась в двух направлениях.

Первое: планы ИРИ по ядерной энергетике – создание в будущем нескольких ядерных блоков АЭС, в том числе и в Бушере, под строгим контролем МАГАТЭ. Это направление было и остается открытым.

В начале 90-х гг. значительно активизировалось ирано-российское сотрудничество в области мирного атома. В 1992 г. Москва и Тегеран подписали соглашение о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии, а также о сооружении на территории Ирана атомной электростанции. В рамках соглашения в 1995 г. был заключен контракт по достройке Россией первого блока АЭС в Бушере (запуск состоялся 12 сентября 2011 г.). Ныне Россией осуществляется строительство еще двух блоков в Бушере.

ядерной программы Ирана // Раздел С. Признаки, свидетельствующие о разработке ядерных взрывных устройств. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/gov2011-65_rus.pdf (дата обращения: 02.11.2019).

⁴³ Сажин В. И. Ракетно-ядерный потенциал Исламской Республики Иран: Состояние и перспективы развития. М., 2011. С. 56–57.

⁴⁴ Евсеев В. Иранская ядерная проблема // Обозреватель – Observer, 2005. № 4 (183). URL: <http://militaryarticle.ru/obozrevatel/2005-obozrevatel/13530-iranskaja-jadernaja-problema> (дата обращения: 10.11.2019).

Второе направление: планомерное формирование Тегераном собственного полного ядерно-топливного цикла, в первую очередь создание промышленной инфраструктуры обогащения урана. В этих целях в ИРИ в последние годы было создано только основных, официально зарегистрированных 27 ядерных объектов. Здесь многие сферы их функционирования были засекречены даже от МАГАТЭ (или недостаточно открыты). Конечно, такие масштабные работы не могли оставаться долго тайными. И уже к 1996 г. сотрудники ЦРУ США обнаружили тайное осуществление Ираном военной ядерной программы.

Пиком напряжения в ситуации с ядерной программой Ирана стало выступление в августе 2002 г. представителя оппозиционной Тегерану Организации моджахедов иранского народа (ОМИН) с разоблачениями подпольной ядерной деятельности Ирана на объектах в Натанзе и Араке⁴⁵.

В декабре 2002 г. в прессе появились соответствующие фотографии объектов. Как отмечалось в докладе Института науки и международной безопасности (ISIS), строящиеся объекты имеют характер двойного назначения и могут быть использованы для производства ядерного оружия⁴⁶.

С 2003 г. начались переговоры с Ираном по «ядерному досье», длившиеся более 12 лет. Первоначально в них участвовали Иран и три европейские страны – Германия, Франция и Великобритания. В 2006 г. к ним присоединились Китай, Россия и США. Созданная «Группа 5+1» (или «Шестерка») добивалась от Ирана приостановки работ по обогащению

⁴⁵ См.: сайт Iran Watch. 01.12.2002. Tracking Iran's Unconventional Weapon Capabilities: Information on Two Top Secret Nuclear Sites of the Iranian Regime (Natanz & Arak). URL: <https://www.iranwatch.org/library/ncri-info-2-top-secret-nuclear-sites-12-02> (дата обращения: 09.09.2019).

⁴⁶ См.: сайт The Institute for Science and International Security (ISIS) // Iran: Reports 2002–2010. URL: <https://isis-online.org/isis-reports/category/iran/#2007> (дата обращения: 07.11.2019).

урана, которые могли представлять угрозу режиму ядерного нераспространения.

Однако переговоры при президенте ИРИ М. Ахмадинежаде успеха не имели. Страна неуклонно наращивала свои ядерные амбиции, овладевая современными технологиями обогащения урана и увеличивая количество действующих центрифуг. Так, если в начале 2000-х гг. у ИРИ было всего 164 центрифуги, то к 2015 г. их число увеличилось почти до 20 тысяч. При этом улучшалось качество и росла производительность центрифуг.

В ответ на подобное поведение мировое сообщество усилило давление на Иран, требуя от него обеспечить полную прозрачность ядерной программы и доказать её исключительно мирную направленность. В период с 2006 по 2010 г. Совет Безопасности ООН принял шесть резолюций, из которых четыре вводили режим санкций. Односторонние санкции США и ЕС отрезали Иран от мировой финансовой системы и существенно ограничили экспорт нефти из этой страны. Экономика ИРИ скатилась в кризисное состояние.

На этом фоне в 2012 г. начались тайные переговоры между США и Ираном. Они не смогли существенно продвинуться до августа 2013 г., когда новым президентом Ирана был избран Хасан Роухани, который сделал поиск решения ядерного вопроса главным внешнеполитическим приоритетом⁴⁷.

24 ноября 2013 г. Иран и «Группа 5+1» заключили промежуточное соглашение, известное как Совместный план действий, по которому смягчение санкций производилось в обмен на ограничение иранской ядерной программы. Сторонам потребовалось еще двадцать месяцев, чтобы согласовать все детали документа – в силу сложности проблемы,

⁴⁷ Подробнее о переговорах по СВПД и содержании соглашения см.: Арбатов А. Ядерное соглашение с Ираном: политика и технологии // Год планеты. М., 2015. Вып. 2015. С. 83–94.

а также несогласия некоторых сил внутри Ирана и на международной арене с предложенным соглашением.

14 июля 2015 г. США, Россия, Китай, Франция, Великобритания, Германия, Европейский союз – так называемая «Группа 5+1» – и Иран договорились о Совместном всеобъемлющем плане действий (СВПД), известном также как «иранское соглашение» или «ядерная сделка», с целью положить конец противостоянию вокруг ядерной программы ИРИ.

Ядерный потенциал Ирана перед заключением СВПД

Ядерный потенциал Ирана перед принятием Совместного всеобъемлющего плана действий (июль 2015 г.) был значителен. Иранские ученые-ядерщики сформировали научно-производственную базу, позволившую им создать ядерную инфраструктуру, которая обеспечивает полный ядерный топливный цикл (ЯТЦ), начиная от добычи урановой руды до складирования ядерных отходов.

В 1989 г. объявлено, что в Иране разведано десять урановых месторождений, пригодных для добычи урановой руды. Наиболее значительное из них – в провинции Йезд. Там построены шахты Саганд, Нарган, Зариган. Крупнейшая – Саганд – обладает возможностями в 3000–5000 т окиси урана.

Второе важное месторождение урановой руды сосредоточено в южной провинции Хормозган, недалеко от г. Бендер-Аббас. Там функционирует рудник Гачин. Урановая руда добывается открытым способом.

В производственные комплексы при рудниках входят гидрометаллургические комбинаты (обоганительные фабрики-мельницы) для отделения руды от пустой породы и первичной переработки руды.

Далее конечный продукт гидрометаллургических заводов – закись-окись урана (U_3O_8), так называемый «желтый кейк», направляется на конверсионный завод, сооруженный

в 2005 г. в Исфагане. Там по определенной технологической цепочке из закиси-окиси урана производится гексафторид урана (UF₆)⁴⁸ – основа для разделения изотопов U235 и U238 методами газовой диффузии и обогащения урана.

Важным этапом в цепочке ЯТЦ является процесс обогащения урана. Для обеспечения этого процесса в Иране в 2000–2011 гг. созданы два крупных центра: в Натанзе (провинция Исфаган) и в Фордо (в районе города Кум – столицы одноименной провинции). Не надо думать, что это делается иранцами для обеспечения своих атомных электростанций. Действующий и строящиеся энергоблоки на АЭС в Бушере обеспечиваются ядерным топливом создателем Бушерской станции – Россией.

Комплекс Натанз спроектирован на размещение там 54 000 центрифуг⁴⁹. К 2015 г. в Натанзе насчитывалось около 17 000 центрифуг различных поколений и модификаций. Обогачительный завод в Фордо включает только подземные промышленные мощности, размещенные в недрах горного массива на глубине 80–90 метров. Всего к 2015 г. на заводе было смонтировано 16 каскадов, содержащих 2710 центрифуг.

В 2004 г. в окрестностях г. Арак (Центральная провинция) началось строительство тяжеловодного реактора IR-40 мощностью 40 МВт, производительностью около 10 кг оружейного плутония в год (достаточно для двух плутониевых зарядов). Как известно, реакторы на тяжелой воде можно

⁴⁸ Гексафторид урана – химическое соединение урана с фтором (UF₆). Является единственным легколетучим соединением урана (при нагревании до 53 °С непосредственно переходит из твердого состояния в газообразное) и используется в качестве сырья для разделения изотопов урана-238 и урана-235 по технологии газового центрифугирования и получения обогащенного урана.

⁴⁹ Сайт «ПИР-Центр». URL: http://www.pircenter.org/sections/view/section_id/141 (дата обращения: 01.09.2018).

использовать для переработки урана в плутоний, используемый в ядерных зарядах без дальнейшего обогащения⁵⁰.

В Иране, по данным МАГАТЭ, создавалось предприятие с горячими камерами неизвестной производительности для выделения радиоизотопов в дополнение к площадке реактора в Араке⁵¹. Для функционирования IR-40 в том же городе Араке был построен завод по производству тяжелой воды мощностью 16 т в год. (Для запуска этого реактора требовалось от 80 до 90 т тяжелой воды.) К 2015 г. Иран произвел и накопил 131 т тяжелой воды.

Выполнение ядерной программы ИРИ обеспечивалось целенаправленной, хорошо организованной научно-исследовательской работой. В стране были созданы десятки крупных НИИ и центров, лабораторий и экспериментальных производств. В одном из таких центров – военно-производственном комплексе Парчин, по данным западных спецслужб, иранские специалисты проводили исследования в рамках военной составляющей своей ядерной программы для отработки имплозивной схемы подрыва ядерного заряда без использования расщепляемых материалов⁵².

Кроме основных ядерных объектов Ирана в стране задействованы средние и малые частные предприятия,

⁵⁰ Albright D., Hinderstein C. Iran, Player or Rogue? // Bulletin of the Atomic Scientists, 59(2003): 5. P. 52–58.

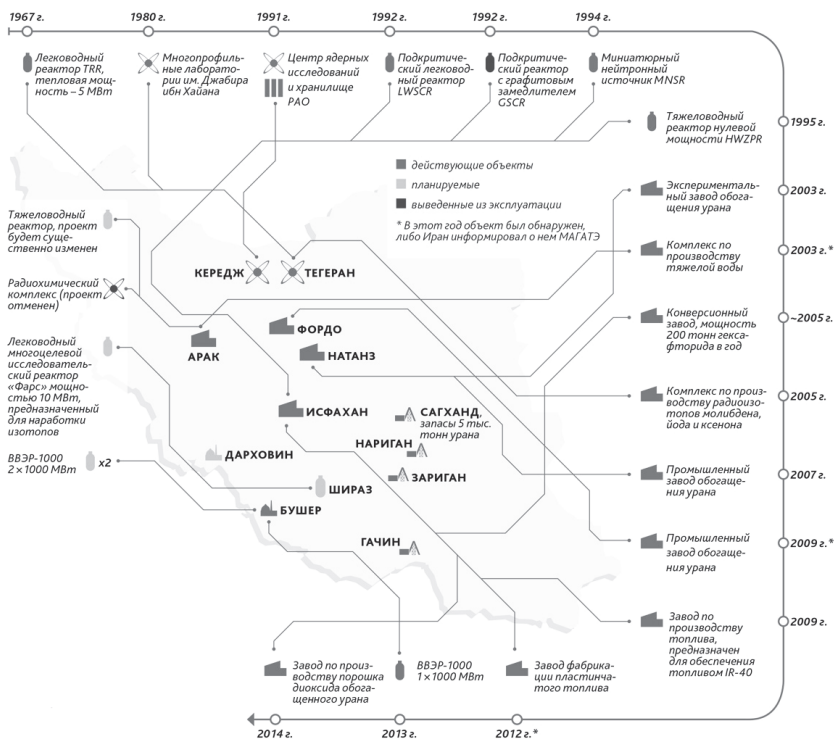
⁵¹ IAEA, «Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions in the Islamic Republic of Iran», GOV/2010/46 (6 September 2010).

⁵² Импульсивная схема детонации использует обжатие делящегося материала сфокусированной ударной волной, создаваемой взрывом химической взрывчатки. Для фокусировки ударной волны используются так называемые взрывные линзы. Подрыв производится одновременно во многих точках с высокой точностью. Это достигается при помощи детонационной разводки: от одного взрывателя по поверхности сферы расходится сеть канавок, заполненных взрывчатым веществом. Форма сети и её разветвление подбирается таким образом, чтобы в конечных точках взрывная волна через отверстия в сфере достигала центров взрывных линз одновременно.

выполняющие конкретные заказы, иногда даже без понимания конечных целей. Следует отметить, что куратором иранской ядерной программы является Корпус стражей исламской революции⁵³.

Рисунок 1

Основные ядерные объекты Ирана и года ввода их в эксплуатацию⁵⁴

Изложенная информация сама по себе носит в определенной степени нейтральный характер за исключением некоторых отмеченных нюансов и если не считать того факта,

⁵³ Подробнее о Корпусе стражей исламской революции см.: Сажин В. И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве. С. 83–109.

⁵⁴ Ингард Шульга. Персидский атом. Сайт «Атомный эксперт». URL: <http://atomicexpert.com/page232270.html> (дата обращения: 28.01.2020).

что на протяжении десятилетий Иран создавал ядерную инфраструктуру в тайне от МАГАТЭ и международного сообщества.

Научные исследования в области ядерной физики и развитие атомной энергетики никоим образом не противоречат духу Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Иран обладает правом осуществлять национальную мирную ядерную программу под контролем МАГАТЭ. Вместе с тем существуют факты, которые позволяют усомниться в исключительно мирной направленности этой программы. Ведь какой-либо разумной потребности в создании полного ЯТЦ, в освоении процессов обогащения урана и получения плутония у ИРИ не существовало и не существует ввиду наличия лишь одного действующего реактора на атомной электростанции в Бушере, построенной с помощью России. Эта АЭС как в нынешнем ее состоянии (один блок), так и со строящимися и проектируемыми блоками полностью обеспечивается и будет обеспечиваться российским ядерным топливом на много лет.

Составной частью иранского полного ЯТЦ является крайне дорогостоящее производство по обогащению урана в Натанзе. Но специалисты подсчитали, что экономически целесообразно этим заниматься только при наличии АЭС общей мощностью 10–12 ГВт (то есть при 10–12 АЭС, подобных Бушере). В ином случае стоимость произведенного топлива окажется в 3–5 раз выше среднемирового уровня⁵⁵. Именно поэтому подавляющее большинство стран, имеющих АЭС, покупает топливо на мировом рынке, не утруждая себя самостоятельной выработкой. Причем отработанное ядерное топливо обычно возвращается государству-поставщику.

⁵⁵ Мясников В. Угрозы мнимые и реальные. Если завтра война... ирано-американская. Сайт Centrasia. 21.02.2006. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1140518700> (дата обращения: 05.03.2020).

В ответ на эти доводы иранцы официально утверждают, что собираются построить порядка 20 энергоблоков гигаваттного класса и по этой причине им необходим независимый от иностранных держав собственный комплекс по производству топлива. Это, конечно, звучит хорошо и патриотично. Но у ИРИ нет для этого необходимой сырьевой базы.

Объемы ежегодной добычи (порядка 20 т по природному урану) являются явно недостаточными для удовлетворения собственных потребностей. Для сравнения – Казахстан, находящийся в тройке ведущих мировых производителей урана, добыл за 2016 г. более 24,5 тыс. т урановой руды⁵⁶. Открытых же к настоящему времени общих ее запасов в ИРИ, по мнению специалистов, хватит только на 20 лет работы двух энергетических реакторов типа бушерского ВВЭР-1000. Иран будет вынужден закупать за рубежом урановую руду, или «желтый кейк». Самообеспеченности не получится. В то же время тех же запасов природного урана, имеющихся в ИРИ, вполне достаточно для военной ядерной программы⁵⁷.

Возможности Ирана по созданию ядерного оружия в 2015 г. были реальными. По данным МАГАТЭ, к 2015 г. Иран наработал 10 357 кг урана, обогащенного от 3 до 5% и 410,4 кг урана 20%-ного уровня обогащения⁵⁸. В среднем иранские ядерные производства ежемесячно нарабатывали более 200 кг 3–5%-ного и 15 кг 20%-ного урана.

Такого количества низкообогащенного урана при дальнейшем его обогащении в каскадах центрифуг и превращении в высокообогащенный было достаточно для производства пяти ядерных зарядов⁵⁹. Обычно определяют четыре

⁵⁶ Сайт Atomic Energy.URL: 18.09.2018. <https://www.atomic-energy.ru/news/2018/09/18/88892> (дата обращения: 05.03.2020).

⁵⁷ Евсеев В.В., Сажин В. И. Иран, уран и ракеты. М., 2009. С. 45.

⁵⁸ Ингард Шульга. Персидский атом.

⁵⁹ Iran has enough uranium for 5 bombs: expert// Reuters, 26.05.2012.URL: <http://www.reuters.com/article/2012/05/26/us-nuclear-iran-uranium-idUSBRE84O0SN20120526>(дата обращения: 23.09.2019).

этапа обогащения урана. Первый – до 3–5%, второй – до 20%, третий – до 60%, четвертый – более чем до 90% (это уже оружейный уран). При этом после каждого этапа объемы обогащенного урана значительно уменьшаются. Так, по подсчетам Марка Фитцпатрика, бывшего директора программы по нераспространению ядерного оружия в Лондонском Международном институте стратегических исследований (IISS), из 3917 кг «желтого кейка» после этапов обогащения нарабатывается только 37 кг 93%-ного урана⁶⁰. Используя этот метод подсчетов, можно отметить, что из всего обогащенного урана, хранящегося в 2013 г. в Иране, можно было бы получить порядка 120–130 кг 93%-ного урана, что достаточно именно для пяти ядерных зарядов⁶¹.

Хотя следует уточнить, что даже обогащенный до 93% уран – это еще не взрывное устройство. Это газ, из которого атомную бомбу не сделаешь. Для этого газообразный уран подвергается сложнейшим технологическим воздействиям, и этот процесс состоит не менее чем из четырех-пяти этапов. В результате газ превращается в металл, который и используют для создания ядерного заряда. И у специалистов есть сомнения, что Иран обладал высокими технологиями и химически чистыми веществами, чтобы осуществить процесс перевода урана из газообразного состояния в высококачественное металлическое.

Однако и «все компоненты» – это также еще не бомба. А тем более не боеголовка для ракеты-носителя. В Иране нет самолетов – носителей ядерного оружия, поэтому там развивается ракетная программа с целью «скрещивания» ее с ядерной программой. А это сложнейшая техническая и технологическая проблема, успешное решение которой сопряжено с множеством приводящих моментов, притом во многом

⁶⁰ Iran's Nuclear, Chemical and Biological Capabilities. A net assessment. An IISS strategic dossier. 2011 The International Institute for Strategic Studies. P. 73.

⁶¹ Iran has enough uranium for 5 bombs: expert.

не зависящим от воли создателей ракетно-ядерного оружия в Иране.

В любом случае иранская ядерная программа вызывала справедливое беспокойство. И дело даже не в самом Иране. Понятно, что в чисто военном плане иранская военная мощь (действительно могучая в масштабах региона) по своим возможностям, прежде всего высокотехнологичным, несравнима с военной мощью ведущих мировых держав. И в Тегеране это отчетливо понимали. Опасность ядерного Ирана в другом.

- Во-первых, иранский пример мог бы стать заразительным для более чем десятка так называемых «пороговых» стран, многие из которых являются или могут стать участниками региональных конфликтов и ввиду этого не исключают принятие политического решения о создании собственного ядерного оружия.
- Во-вторых, при распространении ядерного оружия в Ближневосточном регионе не исключен вариант захвата этого оружия или его компонентов террористическими группировками, что может привести к катастрофическим последствиям.
- В-третьих, наличие ядерного оружия в Иране или даже реальной возможности его создания в достаточно сжатые сроки сделало бы руководство страны еще менее сговорчивым и более напористым по отношению к соседям по региону. Как следствие этого, атомная бомба могла бы стать инструментом шантажа при проведении Тегераном политики по претворению в жизнь доктринальных установок и заветов аятоллы Хомейни. Этому чрезвычайно опасаются арабские соседи Ирана по Персидскому заливу.

В силу вышеизложенного правомерно констатировать, что принятый Ираном и международными посредниками

в 2015 г. Совместный всеобъемлющий план действий явился важнейшей вехой на пути минимизации ядерной угрозы, исходящей от ИРИ.

Совместный всеобъемлющий план действий

Совместный всеобъемлющий план действий, принятый в Вене 14 июля 2015 г. «шестеркой» международных посредников и Ираном, был, пожалуй, единственной возможностью решить наконец иранскую ядерную проблему.

Документ (или ядерная сделка) существенно ограничивает, сокращает и перестраивает иранскую ядерную инфраструктуру, программу его развития, запасы и качество ядерных материалов, а также запрещает деятельность потенциально военного характера.

Согласно СВПД, Иран должен сотрудничать с МАГАТЭ для прояснения прошлых и настоящих нерешенных вопросов, предоставить МАГАТЭ дополнительные возможности для мониторинга и доступ к любым подозрительным объектам, информировать Агентство о запасах природного урана и центрифугах. В течение 15 лет международное сотрудничество в ядерной сфере должно осуществляться только после одобрения специально созданной Совместной комиссией.

20 июля 2015 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию в поддержку этого документа. В соответствии с документом, ИРИ обязуется в течение 15 лет иметь в распоряжении не более 300 кг обогащенного до 3,67% урана. Высокообогащенный уран и оружейный плутоний, необходимые для создания ядерного оружия, Тегеран производить не будет. Завод по обогащению урана в Фордо будет перепрофилирован в технологический центр. Кроме этого, исключительно в мирных целях будет использоваться ядерный комплекс в Араке. При этом все отработанное топливо будет вывозиться оттуда за пределы Ирана в течение всего времени

действия реактора. Эксперты МАГАТЭ будут проводить мониторинг ядерных объектов в течение 25 лет. Все международные санкции будут сняты с Ирана через 10 лет при условии выполнения соглашения.

В результате выполнения указанных мер в течение последующих 10–15 лет практически исключается создание Ираном ядерного оружия как и сколько-нибудь значительная тайная деятельность военного характера.

С 16 января 2016 г. Иран стал постепенно избавляться от большинства наложенных на него мировым сообществом санкций. МАГАТЭ представило доклад, подтвердив готовность властей страны реализовать созданную для нее путем долгих переговоров программу по значительному снижению своего ядерного потенциала. Позднее ЕС и США подтвердили снятие с Ирана экономических и финансовых санкций, связанных с его ядерной программой. Это позволило Ирану расширить сотрудничество с зарубежными странами в различных проектах, в том числе по иранской ядерной программе. Экономика ИРИ вступила на путь интенсивного развития.

Ситуация вокруг СВПД после выхода США из ядерной сделки

В 2018 г. президент США Дональд Трамп нанес удар по СВПД, выведя США из соглашения и введя жесткие санкции против ИРИ. 8 мая он официально объявил о введении санкций против Ирана. Санкции были введены в два этапа. 7 августа 2018 г. стал действовать запрет на торговлю золотом, на операции с иранской валютой и госдолгом, а также на продажу долларов иранскому правительству. Санкции коснулись и автомобильного сектора ИРИ.

Второй блок санкций был введен 5 ноября 2018 г. Под санкции попали экспортные поставки иранской нефти, а также более 700 банков, сотни компаний и физических

лиц. Удар был нанесен по энергетическому сектору Ирана, по транзакциям, имеющим отношение к углеводородному сырью, и транзакциям, связанным с центральным банком ИРИ. Вводя новые санкции против ИРИ, США вывели из-под их действия восемь стран-покупателей иранской нефти: Китай, Индию, Грецию, Южную Корею, Японию, Тайвань, Италию и Турцию.

Это расшатало ядерную сделку, что в перспективе может обернуться катастрофическими последствиями. Великобритания, Франция и Германия, как участники и соавторы СВПД, выступили против антииранской политики Трампа. При одобрении РФ и КНР они смогли разработать, официально зарегистрировать и запустить «Инструмент для поддержки торговых обменов» с Ираном – INSTEX (Instrument for Supporting Trade Exchanges).

Тегеран выжидал и надеялся на Европу. Но президент Трамп 22 апреля 2019 г. отказался от льгот для восьми стран-импортеров иранской нефти. Полный запрет на закупки нефти из ИРИ вступил в силу со 2 мая 2019 г. США приняли меры по «обнулению» экспорта иранской нефти. И эти меры оказались достаточно эффективны. Так, если в апреле 2018 г. Иран экспортировал около 2,5 млн баррелей нефти в сутки, то к середине 2020 г. (по различным данным) – от 100 до 400 тыс. баррелей. По американским данным, ИРИ потеряла порядка 90% доходов от нефти.

В течение 2019 г. санкционная кампания США против ИРИ продолжалась. В декабре 2019 г. президент Ирана Хасан Роухани сообщил, что США приняли 93 разного рода ограничительных мер против Тегерана с момента одностороннего выхода из ядерной сделки в мае 2018 г.

Евросоюз вряд ли сможет сопротивляться антииранским санкциям США, которые по своей жесткости близки к санкциям 2012–2016 гг., когда иранская экономика оказалась на грани коллапса. Европейские государственные деятели,

политики, дипломаты хотели бы сохранить СВПД в той или иной форме, а также нормальных торгово-экономических отношений с Ираном, но они не могут заставить бизнес своих стран работать в Иране под жесткими американскими санкциями, чреватými для них самыми серьезными последствиями.

Иран ищет выхода из сложнейшей для него ситуации, вплоть до игнорирования СВПД. В мае 2019 г., в ответ на полный запрет США на экспорт нефти, Тегераном был разработан план поэтапной (каждый этап – сроком по 60 дней) приостановки выполнения части обязательств по СВПД, и он призвал других участников сделки вернуться к полному ее выполнению (т.е. противодействовать США и осуществить обход американских санкций).

6 января 2020 г. закончился четвертый этап. За это время Иран значительно преуспел в восстановлении своей ядерной инфраструктуры. Было увеличено допустимое количество хранимого обогащенного урана и тяжелой воды, увеличен уровень обогащения с 3,76 до 4,5%, введены в стадию испытаний и задействованы в производстве новейшие и более эффективные центрифуги, что запрещено СВПД, возобновился процесс обогащения урана на заводе Фордо, что также недопустимо в рамках ядерной сделки.

В январе 2020 г. замглавы Организации по атомной энергии Ирана Али Асгар Зареан заявил, что технический уровень, достигнутый Ираном, позволяет ему обогащать уран до любого уровня в процентном выражении. Вопреки положениям СВПД восстанавливаются также возможности тяжеловодного реактора в Араке по производству оружейного плутония.

Пятый этап стал более драматичным. Тегеран объявил, что он последний и это последний шанс спасти СВПД. В официальном заявлении правительства Ирана сказано: «Иран окончательно отказывается от ограничений по ядерной

сделке, прежде всего касающихся числа центрифуг. Таким образом, иранская ядерная программа не будет иметь никаких ограничений в части производства, включая мощности по обогащению, процентного соотношения и количества обогащенного урана, а также исследований в этой области и дальнейшего развития программы»⁶².

Необходимо подчеркнуть, что коллеги Ирана по СВПД (кроме США, конечно) настоятельно советовали Тегерану не расширять масштабы своего невыполнения положений ядерной сделки. Ведь, пятый этап, по существу, характеризуется выходом ИРИ из СВПД, а это может привести к нежелательным последствиям. Однако Тегеран пошел ва-банк.

Далее события стали развиваться с огромной скоростью. 13 января 2020 г. Лондон, Париж и Берлин в соответствии со статьями 36 и 37 СВПД заявили о запуске механизма урегулирования споров⁶³. В совместном англо-франко-германском

⁶² Сайт правительства Исламской Республики Иран. URL: <http://irangov.ir/detail/332945> (дата обращения: 22.01.2020).

⁶³ **Механизм разрешения споров. Статья 36 СВПД** (*Свободное изложение статьи*):

Если одна из сторон-участниц и авторов Группы 5+1 отмечает несоблюдение обязательств по сделке с другой договаривающейся стороной, она имеет право поднять данный вопрос в Совместной комиссии для его разрешения.

Если в Комиссии вопрос не разрешен в течение 15 дней, любой участник может поднять вопрос на уровне министров иностранных дел. У министров будет 15 дней для разрешения спора. Одновременно любой участник может обратиться в Консультативный совет, который будет состоять из трех членов (по одному назначают стороны спора, третий – независимый). Консультативный совет должен вынести необязывающее заключение по вопросу о соблюдении в течение 15 дней.

Если по истечении общего 30-дневного периода вопрос не будет разрешен, Совместная комиссия рассмотрит заключение Консультативного совета в течение не более чем 5 дней с тем, чтобы разрешить вопрос.

Если вопрос по-прежнему не будет разрешен удовлетворительным для подавшего жалобу участника, он может рассматривать нерешенный вопрос как основание для прекращения выполнения своих обязательств согласно СВПД в полной мере или частично и/или уведомляет Совет Безопасности ООН о том, что он считает, что вопрос касается серьезного нарушения для обсуждения в Совбезе ООН.

заявлении говорится: «Мы не принимаем аргумент о том, что Иран имеет право на снижение соблюдения требований СВПД. Вместо обратного курса Иран решил еще больше сократить соблюдение его требований»⁶⁴.

14 января 2020 г. верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель поддержал от имени ЕС действия трех стран.

И уже через три дня, 17 января, официально механизм был запущен, хотя практически начало работы было намечено на более поздние сроки. Это достаточно сложный механизм, и в соответствии с ним на изучение вопроса в различных комиссиях уйдет не меньше двух месяцев. Консенсуса ждать не приходится. Значит, в итоге, через 30 дней, скорее всего, вопрос будет вынесен в Совбез ООН. А там с большой долей вероятности резолюция о сохранении режима отмены санкций в отношении ИРИ в течение еще 30 дней принята не будет. Значит, Совбез вновь введет в действие все семь прошлых резолюций⁶⁵, включающих санкционные меры против Ирана.

Кроме того, нет сомнений, что в этих условиях Евросоюз присоединится к США и введет против ИРИ свою «порцию» односторонних санкций. Для Ирана такое развитие событий – катастрофа и экономическая, и политическая, способная повлиять на жизнеспособность нынешнего режима.

В Тегеране это хорошо понимают, опасаются этого и стараются сделать всё, чтобы избежать подобных перспектив.

Статья 37 СВПД (*Свободное изложение статьи*): предполагает процедуру голосования в Совбезе ООН по резолюции о сохранении режима отмены санкций. Если эта резолюция не будет принята в течение 30 дней, то вновь вводятся в действие прошлые резолюции, включающие санкционные меры против Ирана.

⁶⁴ Сайт Reuters. 14.01.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-mechanism-idUSKBN1ZD1B6> (дата обращения: 16.01.2020).

⁶⁵ Антииранские резолюции Совета Безопасности ООН: 1696 (2006 г.), 1737 (2006 г.), 1747 (2007 г.), 1803 (2008 г.), 1835 (2008 г.), 1929 (2010 г.) и 2224 (2015 г.).

Иранцы пытаются угрожать и диктовать условия своим оппонентам.

19 января 2020 г. председатель меджлиса ИРИ Али Лариджани в этой связи заявил, что Тегеран может пересмотреть позицию по сотрудничеству с МАГАТЭ в случае несправедливых мер европейских стран при использовании механизма разрешения споров по СВПД.

Усиливая впечатление от заявления Лариджани, на следующий день, 20 января, министр иностранных дел ИРИ Мохаммад Джавад Зариф заявил, что в случае направления вопроса о соблюдении Ираном СВПД Совбезу ООН Иран выйдет из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)⁶⁶, который объединяет 188 стран. Напомним, из ДНЯО вышла только КНДР, создав ядерное оружие. Еще четыре страны не подписывали Договор: Израиль, Индия, Пакистан (являются нелегитимными ядерными державами) и Южный Судан. Безусловно, подобное развитие событий резко обострит ситуацию вокруг Ирана.

Времени остается мало. Если учитывать сроки, необходимые для работы Комиссии СВПД по спорам, а также процедуры в Совбезе ООН, то получается порядка 60–70 дней.

Иранцы также могут резко отреагировать на вызовы европейцев и выйти из ДНЯО и из-под контроля МАГАТЭ. Тем самым Иран откроет себе свободный путь для безотчетного и полновластного развития своей ядерной программы, в том числе ее военной составляющей.

Конечно, за один день ИРИ не создаст ядерного оружия. Для восстановления ядерной инфраструктуры, которая была до СВПД, потребуется не один месяц. Даже если не будет политического, экономического и киберпротивостояния со стороны оппонентов, создание ядерного оружия Ираном займет не один год.

⁶⁶ Сайт правительства ИРИ. URL: <http://irangov.ir/detail/333768> (дата обращения: 21.01.2020).

Фигурирующие в выступлениях западных политиков и политиков Израиля заявления о возможных сроках создания Ираном ядерного оружия (от 12 до 24 месяцев⁶⁷) представляют собой результаты чисто формального, математического, подхода без учета всего многообразия внешних и внутренних факторов⁶⁸. Напомним, что Пакистану понадобилось около 10 лет, чтобы пройти путь от первого подземного испытания ядерного устройства до создания ядерной боеголовки для ракеты. Реальные сроки создания ядерного взрывного устройства в ИРИ накануне вступления в силу СВПД оценивались в 4–6 лет (без создания носителей ядерного оружия).

Но, пожалуй, не это главное. Главным будет реакция Израиля и США на бесконтрольное развитие ядерного потенциала ИРИ. Если иранцы доведут свои ядерные работы до уровня, близкого к созданию ядерного заряда, нет никакого сомнения, что вероятность удара Израиля и/или США по ядерным объектам ИРИ будет крайне высока.

А это означает начало войны. Можно, конечно, спорить, насколько ракетно-бомбовые удары (других быть не может) нанесут ощутимый урон ядерной инфраструктуре Ирана и затормозят развитие ядерной сферы, но в том, что это будет началом серьезного конфликта в регионе, можно быть уверенным. Гипотетически конфликт вряд ли перерастет в мировую войну. Но нет сомнений, что он взорвет и так тлеющий и временами горящий Ближний Восток.

⁶⁷ Iran's Nuclear, Chemical and Biological Capabilities. A net assessment // An IISS strategic dossier, 3 Feb. 2011. P. 72.

⁶⁸ Иран может получить все компоненты для ядерной бомбы уже в следующем году, настаивают в Израиле // ИА«IranNews», 21.06.2012. URL: http://www.iran.ru/news/politics/81397/Iran_mozhet_poluchit_vse_komponenty_dlya_yadernoy_bomby_uzhe_v_sleduyushchem_godu_nastaivayut_v_Izraile (дата обращения: 28.09.2019).

Что делать?

Беспристрастный анализ ситуации свидетельствует, что у Ирана выход только один – переговоры. Конечно, с американцами после событий конца декабря – начала января это труднодостижимо. Хотя уже после убийства американцами генерала Солеймани министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф не исключил возможности переговоров с американской стороной. В интервью немецкому журналу “Der Spiegel” он сказал: «Администрация Трампа может исправить прошлое, снять санкции и вернуться за стол переговоров. Мы до сих пор за столом переговоров. Это они ушли»⁶⁹.

Дональд Трамп категорически выступает против иранской идеи снятия санкций как условия для переговоров. Здесь прийти к консенсусу явно очень сложно.

Однако Иран имеет возможность вести переговоры с европейцами, Россией и Китаем, что чрезвычайно необходимо для формирования реальной, оптимальной базы для организации переговоров Иран – США, которые, несомненно, имеют единственный шанс снизить напряжение.

Становится всё более очевидным, что в первоначальном виде ядерную сделку с Ираном сохранить уже не удастся, однако есть шансы реанимировать ее в виде версии 2.0. Однако всё же необходимо сохранить её базу, которая послужит основой для переговоров о будущем соглашении.

А эти переговоры абсолютно необходимы, вне зависимости от развития внутривосточной обстановки в Иране (в феврале состоялись выборы в меджлис) и в США (в ноябре будут президентские выборы). Это судьбоносный момент.

По итогам выборов в меджлис, состоявшихся 21 февраля 2020 г., убедительную победу одержали радикалы-консерваторы,

⁶⁹ Сайт Der Spiegel, 24.01.2020. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/it-s-a-disaster-for-europe-to-be-so-subservient-to-the-u-s-a-fdf6a4d6-6b5f-4a10-860e-4c41f591a74b> (дата обращения: 25.01.2020).

которые именуют себя «принципиалистами», то есть защитниками принципов исламской революции и заветов создателя ИРИ аятоллы Хомейни. Согласно оценкам, они получили 223 места в законодательном органе из 290 возможных. В прошлом созыве меджлиса было около 120 представителей этого политического крыла.

При этом отмечается, что коалиция реформаторов и умеренных сумела получить только 20 мест. В прошлом меджлисе их интересы представляло около 140 депутатов. Таким образом, их результат ухудшился в семь раз.

Еще 36 депутатов являются независимыми кандидатами. Судьба 11 мест решится во втором туре, но это уже никак не изменит абсолютное большинство «принципиалистов»⁷⁰.

Несомненно, внутренняя и внешняя политика ИРИ претерпит в недалеком будущем изменения. И хотя до президентских выборов в мае 2021 г. исполнительная власть будет в руках «либералов-реформаторов», возможности осуществлять присущую им политику сведлись к нулю.

Но при этом на внешнеполитическом треке важным фактором останется СВПД. Здесь вполне возможны два сценария. Первый, при котором особых кульбитов Ирана не ожидается, охватывает период до президентских выборов в ИРИ.

По этому сценарию «принципиалисты»-антизападники будут искать возможности решения проблем санкций и в целом СВПД, причем не исключено, что путем диалога с Европой и даже с США. Ведь, по большому счету, другого выхода у Тегерана нет – только переговоры. Экономическое и внешнеполитическое положение ИРИ становится всё более сложным. Не говоря даже о практически нефтяном эмбарго, в 2019 г. обвалилась на 74% не только торговля с Европой. Рухнули надежды и на альтернативу на Востоке:

⁷⁰ Данные по результатам парламентских выборов в ИРИ предварительные. Использована информация, представленная в иранских и западных СМИ 22–29.02.2020.

из-за американских санкций существенно сократился объем торговли с Китаем (–34%) и Индией (–79%)⁷¹.

К тому же и политическая ситуация вокруг ИРИ ухудшается. Великобритания, Франция и Германия вот-вот готовы согласиться с политикой Белого дома в отношении Ирана, что может привести к возобновлению международного санкционного режима против ИРИ.

В день выборов в иранский парламент 21 февраля 2020 г. FATF⁷² после нескольких предупреждений отправила Иран в черный список, поскольку президент Роухани не смог убедить своих оппонентов ратифицировать Палермскую конвенцию⁷³ и Конвенцию о борьбе с финансированием терроризма.

Немаловажным моментом, осложняющим политическую обстановку вокруг Ирана, стали документы МАГАТЭ от 3 марта 2020 г. В основном ежеквартальном отчете Агентства говорится, что по состоянию на 19 февраля 2020 г. запасы низкообогащенного урана в ИРИ составили 1020 килограммов⁷⁴. Это более чем в три раза превышает допустимый СВПД лимит в 300 кг⁷⁵.

⁷¹ Сайт IPJ Международная политика и общество. Фонд им. Фридриха Эберта (Германия) 25.02.2020. URL: <https://www.ipg-journal.io/regiony/blizhnii-vostok/statja/show/konec-persidskoi-perestroiki-1004/> (дата обращения: 26.02.2020).

⁷² FATF (The Financial Action TaskForce) – международная организация по борьбе с финансовыми преступлениями.

⁷³ Палермская конвенция – Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята Резолюцией 5525 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года.

⁷⁴ Сайт ИА Reuters. 03.03.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-iaea-grossi/u-n-s-nuclear-chief-to-iran-cooperate-or-face-new-crisis-idUSKBN20Q30T> (дата обращения: 04.03.2020).

⁷⁵ Резолюция СБ ООН. СВПД. Приложение I к СВПД – меры, касающиеся ядерной области. Раздел J. Запасы урана и урановое топливо. Ст. 56. Иран будет содержать запасы урана, не превышающие в общей сложности 300 кг гексафторида урана, обогащенного не более чем до 3,67% (или его эквивалента в различных химических формах), в течение 15 лет. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2231\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2231(2015)). (дата обращения: 04.03.2020).

Кроме того, у МАГАТЭ возник ряд вопросов, связанных с возможно незадекларированными ядерными материалами, а также деятельностью, касающейся ядерной программы ИРИ. В этой связи генеральный директор МАГАТЭ Рафаэль Гросси заявил: «Я счел необходимым подготовить второй доклад, поскольку считал, что ситуация достаточно серьезна...»⁷⁶

Во втором специальном докладе МАГАТЭ для членов этой организации отмечается, что Иран «не предоставил агентству доступ к двум объектам ... и не участвует в предметных дискуссиях с целью прояснения вопросов агентства, связанных с возможным незаявленным ядерным материалом и связанной с ним деятельностью»⁷⁷.

Глава МАГАТЭ Гросси констатировал: «Ирану необходимо решить, будет ли он более прозрачно сотрудничать с Агентством, и предоставить необходимые разъяснения»⁷⁸, заметив при этом, что Тегеран рискует спровоцировать кризис, если не будет сотрудничать с МАГАТЭ⁷⁹.

Ядерная деятельность Ирана вопреки требованиям СВПД и отношения с МАГАТЭ чрезвычайно беспокоит Евросоюз⁸⁰. Не исключено, что Европа, и прежде всего три страны – соавторы СВПД – Великобритания, Германия и Франция, до сих пор поддерживающие Иран в его стремлении сохранить ядерную сделку, могут отказать Тегерану в своей поддержке.

Не исключено также, что ситуация вокруг ИРИ разгорится, разозлит радикалов и они пойдут на крайние меры в соответствии с уже другим сценарием. На фоне усилившейся

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Сайт ИА Reuters. 03.03.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-iaea/u-n-nuclear-watchdog-admonishes-iran-for-denying-access-to-two-sites-idUSKBN20Q1UE>. (дата обращения: 04.03.2020).

⁷⁸ Сайт ИА Interfax. 05.03.2020. URL: <http://interfax.az/view/794594?lang=ru> (дата обращения: 06.03.2020).

⁷⁹ Сайт РИА Новости. 04.03.2020. URL: <https://ria.ru/20200304/1568122533.html> (дата обращения: 06.03.2020).

⁸⁰ Сайт РИА Новости. 05.03.2020. URL: https://ria.ru/20200305/1568198680.html?utm_source=rnews (дата обращения: 06.03.2020).

антизападной пропаганды – к выходу (возможно, постепенному) из СВПД, из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) с сокращением контроля над ИЯП со стороны МАГАТЭ.

Одновременно Тегеран, как было отмечено выше, будет ускоренными темпами восстанавливать свою ядерную инфраструктуру с прицелом на формирование условий и технической базы для создания ядерного оружия. Это можно рассматривать как самоубийство режима.

При этом следует учитывать, что США, безусловно, будут пытаться давить и оказывать влияние на любые контакты с Ираном. Важным, а возможно, и основополагающим моментом станут президентские выборы в США. В этом плане следует иметь в виду, что в случае победы демократов переговоры с Ираном, возможно, не сразу и не в прежнем виде, но все-таки возобновятся. Если же победителем на ноябрьских выборах окажется нынешний президент-республиканец, то ситуация будет менее оптимистичной. Но даже в этом пессимистическом сценарии надо искать семена надежды.

Однако при любых прогнозах на президентские выборы в США ныне противоборствующим сторонам, а именно Ирану и трем европейским державам, было бы наиболее прагматичным снизить накал взаимных претензий, обвинений, угроз и решать насущные и очень сложные проблемы в формате диалога. Ведь альтернативы переговорам и будущему соглашению нет. В противном случае развитие ситуации пойдет по неконструктивному пути.

Последствия коллапса СВПД

Окончательный коллапс СВПД чреват значительными негативными международными политическими, юридическими, экономическими и военными последствиями.

Разрушение СВПД – это удар по ООН и Совету Безопасности. Ведь в единогласно принятой Резолюции № 2231 от 20 июля 2015 г. СБ ООН одобрил СВПД и утверждал, что его полное осуществление будет способствовать международному миру и безопасности. В документе подчеркнуто, что члены Организации Объединенных Наций обязаны в соответствии со статьей 25 Главы V Устава ООН «подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их»⁸¹.

Разрушение СВПД – это и удар по режиму нераспространения ядерного оружия: СВПД – это знаменательный, можно сказать второй после Договора о нераспространении ядерного оружия, важный документ, на практике внесший большой вклад в решение этой проблемы. Он на деле доказал, что ядерные амбиции отдельных стран можно обуздать. Если сделка рухнет, откроются различные лазейки для порядка 30 так называемых «пороговых стран», готовых создать собственное ядерное оружие. Вряд ли тогда КНДР поверит США и согласится принять на себя какие-либо обязательства по ограничению своих ядерной и ракетной программ.

Разрушение СВПД – это удар и по имиджу США, превращающихся после отказа от СВПД в крайне ненадежную сторону международной политики и международного законодательства.

Разрушение СВПД – это не катастрофический, но всё же удар по экономике Евросоюза. После начала процесса снятия с ИРИ предыдущих санкций ЕС активно осваивает иранский рынок. Так, товарооборот Ирана с государствами – членами Европейского союза в течение 11 месяцев (до 30 ноября 2017 г.) составил почти 18,56 млрд евро, зарегистрировав рост

⁸¹ Сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-v/> (дата обращения: 02.03.2020).

на 57% по сравнению с соответствующим периодом 2016 г.⁸² У Евросоюза довольно масштабные планы в отношении ИРИ.

Разрушение СВПД – это удар по президенту Ирана Хасану Роухани, его соратникам и единомышленникам, по их прагматической политике. Не забудем, что СВПД – это большая победа иранского президента, основа и содержание его политики. Х. Роухани – договороспособный политик, которому удалось открыть Иран для всего мира.

У Хасана Роухани много весьма сильных политических противников в ИРИ, с самого начала выступавших против соглашения и даже переговоров по иранской ядерной программе. Проблемы с ядерной сделкой, вызванные выходом из неё США, облегчил им приход в законодательную власть, а в перспективе откроет им дорогу и к исполнительной власти. Это в корне изменит как внутривнутриполитический, так и внешнеполитический курс Ирана, что, конечно же, не в интересах ни Ближнего Востока, ни всего мира.

Разрушение СВПД – это «подарок» Дональда Трампа самым радикальным фундаменталистским консервативным силам в Иране. У них появилась реальная надежда вернуться на 5–10 лет назад к жесткой конфронтации со всем миром, в первую очередь с Западом, возобновить иранскую ядерную программу с целью создания ядерного оружия. Поразительно, но американский президент и его дипломатия действовали и действуют именно в интересах этих иранских радикальных сил.

Разрушение СВПД – это путь к эскалации напряженности в Ближневосточном регионе и во всем мире. Вышедший из ядерной сделки Иран, вне сомнений, возобновит с ещё большей интенсивностью, чем до СВПД, свою ядерную программу, но уже без контроля МАГАТЭ и без оглядки на международные соглашения или переговоры. Конечно, за две

⁸² Сайт Analitikaua.net. URL: <http://analitikaua.net/2018/tovarooborot-irana-s-gosudarstvami-chlenami-es-vyiros-na-57/> (дата обращения: 27.09.2019).

недели восстановить в полном объеме свой ядерный потенциал, как громогласно с явно пропагандистскими угрозами заявляют в Тегеране, Иран не сможет. Но, учитывая, что работа по сворачиванию ядерной инфраструктуры ИРИ, осуществляемая в рамках СВПД, далеко не закончена и основные объекты и оборудование сохранены, то в течение шести месяцев – года, вполне вероятно, иранцам в своей ядерной программе удастся вернуться к уровню 2015 г. Несомненно, ядерный потенциал, который в том или ином виде существует до сих пор, готов превратиться в ядерную мощь Ирана.

В этом случае восстановивший и возобновивший свою ядерную программу Иран станет еще более неприемлемым фактором для США, Израиля, Саудовской Аравии и других иранских оппонентов, чем это было до СВПД. Это путь к новому витку конфронтации с Ираном, что чревато не только экономическими потерями, но и реальной возможностью военного конфликта, способного разгореться в крупномасштабную войну.

Литература

Арбатов А. Ядерное соглашение с Ираном: политика и технологии // Год планеты. 2015. Ежегодник. М., 2015.

Ганиев Т., Задонский С., Карякин В. Военная мощь Исламской Республики Иран. М.: ИБВ, 2019. Том I. 536 с.

Доклад генерального директора МАГАТЭ // Осуществление Соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО и соответствующих положений резолюций Совета Безопасности в Исламской Республике Иран. 09.11.2011. GOV/2011/65 // Приложение // Возможные военные составляющие ядерной программы Ирана // Раздел С. Признаки, свидетельствующие о разработке ядерных взрывных устройств. П. 17–65.

Дунаева Е. В. Политическая система ИРИ: вызовы либеральной модернизации // Восток (ORIENS). 2016. № 1.

Дунаева Е. В. Иран на пороге 40-летия исламской революции (Что скрывается за январскими протестами) // *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 6 (731).

Дунаева Е. В., Мамедова Н. М., Сажин В. И. Год после выхода США из ядерной сделки (новые риски для Ирана) // *Восточная аналитика*. Вып. 1. М., 2019.

Дунаева Е. В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана // *Контур*ы глобальных трансформаций. Т. 11, № 4.

Евсеев В. Иранская ядерная проблема // *Обозреватель – Observer*. 2005. № 4 (183).

Евсеев В. В., Сажин В. И. Иран, уран и ракеты. М., 2009.

Евсеев В. В. Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани. М., 2013.

Иран в условиях новых геополитических реалий. М., 2019.

Конституция Исламской Республики Иран // *Весна свободы*. М.: Посольство ИРИ в РФ, 1994.

Резолюция 2231 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7488-м заседании 20 июля 2015 года.

Сажин В. И. Ракетно-ядерный потенциал Исламской Республики Иран: состояние и перспективы развития. М., 2011.

Сажин В. И. Ситуация вокруг иранской ядерной программы // *Санкции и их влияние на Иран*. М., 2012.

Сажин В. И., Бондарь Ю. М. Военная мощь Исламской Республики Иран. М., 2014.

Сажин В. И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве // *Контур*ы глобальных трансформаций. 2017. Т. 10, № 3.

Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД). Вена, 14 июля 2015 года.

Хлопков А. Ядерная программа Ирана – незаконченная история // *У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения*. М.: Московский Центр Карнеги, 2007.

Шестаков А. П. Создание духовенством Корпуса стражей исламской революции как инструмента борьбы за безраздельное политическое господство // *Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки*. М., 1989.

Albright D., Hinderstein C. Iran, Player or Rogue? // *Bulletin of the Atomic Scientists*, 59(2003): 5.

Cordesman A. H. Arms Sales to Iran: Remour and Reality // Middle East Executive Reports, 1986, February.

Dershowitz A. The Case Against the Iran Deal: How Can We Now Stop Iran From Getting Nukes? New-York, 2015.

IAEA, «Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions in the Islamic Republic of Iran», GOV/2010/46 (6 September 2010).

Iran's Nuclear, Chemical and Biological Capabilities. A net assessment. An IISS strategic dossier. 2011 The International Institute for Strategic Studies.

O'Balance E. The Gulf War. L., 1988.

The Military Balance. L., 1980, L., 1981, L., 1982. – The International Institute for Strategic Studies, IISS, London.

Esnaashari Shahrad. Az doulat-eeslahi ta doulat-eeslami. Tehran, 2006/07.

Bashariye Hossein. Dibacheii bar jameeshenasi-ye iran. Doure-ye jomhuri-ye eslami. Tehran, 2008/09.

Khaghghat S. S. Se mouj-e eslahat // Chargh 25.03.2019.

Siyasat va hokumat dar jomhuri-ye eslami-ye iran. Be kushesh-e Golam Reza Khajeh Sarvi. Tehran, 2011/12.

Majmu'ye Ghavanin-e Niruha-ye Mossalah-e Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. Tehran, 1996/97.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА. СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Основные тенденции культурной политики

Иранская культура и культурная политика, проводимая в стране, на протяжении четырех десятилетий существования Исламской Республики Иран (далее – ИРИ) испытали на себе влияние различных факторов. Однако они неизменно оставались важным компонентом государственно-политической и идеологической стратегии руководства страны наравне с политическими и экономическими проблемами, стоявшими перед республикой.

Высказывания о значении культуры во внутренней жизни страны и ее роли во внешней политике звучат в выступлениях ведущих политических и религиозных деятелей ИРИ, а также присутствуют в исследованиях современных иранских ученых.

На протяжении сорока лет, прошедших со времени образования ИРИ, отношение властных структур страны к своей культуре и культурной политике и их роли в общественной жизни претерпели изменения, и иранская культура часто получала значительную политическую окраску, превращаясь в арену противостояния различных политических сил.

После исламской революции 1979 г. в истории Ирана наступает период протяженностью примерно в десять лет, который традиционно связывают с именем имама Хомейни. Установление теократического режима привело к исламизации жизни иранского общества, которая коснулась не только сферы политики, экономики, социальных отношений, но и, видимо, в большей степени идеологии и культуры. Перед иранскими идеологами встала задача сформировать и вложить в общественное сознание понятие «современная

иранская культура», искоренив при этом представления о далеком и недавнем прошлом и пересмотрев историческую и культурную традицию иранского общества. Им было необходимо создать новую культуру, опирающуюся на традиции ислама. В это время четко просматривалась тенденция сужения рамок национальной истории, исключаящая доисламскую эпоху, которую принято называть «джахелия», т.е. «невежество», и допускающая только исламский период в развитии Ирана¹. Сразу после победы исламской революции имам Хомейни поставил перед нацией задачу изменения и обновления существующей иранской культуры, что реализовалось в осуществлении инициированной им культурной революции, которая была начата по Указу имама в 1980 г. Хомейни не раз подчеркивал, что «решение проблем иранской культуры является одной из первоочередных задач, так как социальное бесправие в Иране базируется на его культурной отсталости, и культура является основой нации». По его мнению, «от того, насколько здоровой, самостоятельной (т.е. независимой от Запада. – М.К.) и гуманной (т.е. основанной на принципах ислама. – М.К.) будет общая культурная ситуация в стране, зависит решение ряда политических, экономических и других вопросов»². Основной задачей культурной революции стал пересмотр всего созданного в области культуры до 1979 г. согласно принципам ислама, а ее главным лозунгом было провозглашено создание новой, самобытной, иранской культуры «*farhange khishin*», пропитанной духом ислама и базирующейся на мусульманских традициях при полном отрицании культурного наследия Ирана. Следует подчеркнуть, что в этот период имам Хомейни под самобытной иранской культурой понимал такую культуру, которая

¹ Кляшторина В. Б. Иран 60–80-х годов. От культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей. М., 1990.

² Каменева М. С. Хомейни о современном культурном развитии Ирана // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. М., 1982. С. 255.

отвергает не только собственные иранские доисламские ценности, но и культурное наследие Запада, его влияние на развитие иранской культуры³. Однако высказывания Хомейни, касающиеся будущего иранской культуры, – это в основном критика культурного развития Ирана во времена правления династии Пехлеви и негативного влияния западной цивилизации на самобытную иранскую культуру, нежели позитивная программа действий. Призывы к совершенствованию системы образования, правильному функционированию СМИ, ликвидации неграмотности и воспитанию личности в духе ислама, что в понимании Хомейни также составляло сущность иранской культуры, имели форму общих рассуждений и раздумий, и их никак нельзя назвать руководством к действию.

Поддержка иранским руководством в это время идей панисламизма, т.е. объединения стран традиционного распространения ислама под флагом «мусульманской солидарности», где религиозный момент доминирует над национальным, получило конкретное отражение в попытках арабизации иранского общества, в том числе и в культурной политике. Это проявилось, в частности, в том, что прежняя эмблема Ирана – Лев и Солнце – была заменена исламским полумесяцем, в выступлениях религиозных лидеров использовалась преимущественно арабская терминология, было запрещено называть новорожденных персидскими именами, многие иранцы стали писать перед своей фамилией слово «сейид» и многое другое, что отвечало стремлению Ирана укреплять свои связи с арабскими странами и ощущать себя полноправным членом исламского мира⁴. Не последняя роль в этом процессе отводилась языковому фактору. Арабский язык, который до исламской революции был локализован в сфере религиозного общения, согласно новой конституции страны,

³ Keyhan. 19.04.1979.

⁴ International Herald Tribune. 10.10.1981.

принятой в 1979 г., в общей иерархии языковых образований занял второе место после персидского, признанного официальным государственным языком ИРИ⁵. При этом делалась попытка, думается в значительной мере искусственно, придать ему более широкие социальные функции в общественной жизни страны. Кроме введения обязательного изучения арабского языка в школах Ирана, его преподавание было организовано в широком масштабе по всей стране. Были созданы специальные курсы всеобща на различных предприятиях, специальные учебные телевизионные передачи, на нем начинает издаваться пресса, регулярно проводятся соревнования в мастерстве чтения Корана и многое другое. Шел активный процесс арабизации персидского языка⁶. При этом надо иметь в виду, что такая языковая политика проводилась ни в коей мере не в ущерб персидскому языку, позиции которого в стране оставались прочными и стабильными.

Отношения Ирана с западным миром складывались непросто и неоднозначно, что влияло как на культурную политику, так и на процесс развития иранской культуры этого периода. Руководство страны старалось любыми путями минимизировать влияние Запада на иранское общество. Был закрыт доступ к западной музыке, фильмам, изъяты из употребления элементы западной моды в одежде, как, например, галстук, введены запреты для женщин пользоваться в официальных и общественных местах косметикой и украшениями, закрыты телевизионные программы на английском языке, запрещено преподавание западноевропейских языков в начальной школе (эти часы были отданы арабскому языку), расформированы иностранные учебные заведения и многое другое.

⁵ Ghanun-e asasi-ye Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. Fasl-e dovvom. Zaban, khatt, tarikh va parcham. Tehran, 1979.

⁶ Keyhan. 14.12.1981; 02.11.1982; Jomhuriye eslami. 17.01.1982; 01.05.1982; 12.10.1982; Ettelaat. 26.07.1982.

Однако антизападный тренд в культурной политике руководства ИРИ не помешал ей уже тогда не обрывать связи с мировым сообществом и обратить серьезное внимание на международный аспект своей культурной политики. По мнению известного ученого и политика М. Санай, такое значимое событие, как исламская революция, помимо привнесения изменений в политику и экономику также значительно скорректировало сферу культуры. Поэтому можно говорить о культуре предреволюционной и культуре после-революционной, основными достижениями которой явились возвеличивание ее исламской составляющей и преуменьшение роли древних, национальных иранских традиций. Таким образом, культурная политика Ирана в это время является не чем иным, как политикой исламской революции, и в этом смысле она пронизывает все общество. Вместе с тем М. Санай отмечает важность ее международного аспекта, который, с его точки зрения, формируется именно в это десятилетие и направлен прежде всего в сторону государств мусульманского мира и иранской диаспоры за рубежом⁷.

Внимание иранской власти в это время к национальным проблемам, в первую очередь к предоставлению определенных свобод национальным меньшинствам в культурно-языковой области, к обсуждению вопроса создания культурной автономии можно рассматривать в том числе как некий противовес антизападной политике руководства ИРИ. Это тем более выглядит реальным, что в дальнейшем на долгие годы многие предоставленные права и свободы были либо полностью уничтожены, либо в значительной степени урезаны, хотя в Основном законе страны записано, что «наряду с персидским языком разрешается использование местных языков и диалектов в прессе, органами массовой информации,

⁷ Mehdi Sanai. Ravabet-e Iran va Asya-ye Markazi: ravandha va cheshmandazha. Tehran, 2011. S. 89, 257.

преподавание национальной литературы в школе»⁸. И в первые годы после исламской революции это не осталось лишь на бумаге, были сделаны реальные шаги в решении ряда национальных проблем, прежде всего в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане. В иранской прессе сообщалось, что в школах этих национальных районов наряду с персидским разрешается преподавание национальных языков, а также национальных литератур. Появилась также информация о подготовке в университетах соответствующих провинций курсов азербайджанского и курдского языков и курсов литератур на них, об активизации радио- и телепередач на этих языках. Менее значительные изменения коснулись таких небольших по численности национальных групп, как туркмены, белуджи, арабы и некоторых других⁹.

С конца 80-х гг. прошлого века, что совпадает со временем окончания ирано-иракской войны и началом созидательного этапа в истории ИРИ (президентство Хашеми Рафсанджани – 1989–1997 гг. и Мохаммада Хатами – 1997–2005 гг.), в стране намечаются изменения экономической политики, расширяются внешнеполитические ориентиры, наблюдается ослабление жесткого идеологизированного курса, что в целом создает условия для возникновения обновленного взгляда на иранскую культуру, основу которой уже составляет сочетание исламских и исконно иранских традиций и цивилизационных ценностей, чему способствует укрепление позиций Ирана в исламском мире, культивирование им на международном уровне идей своей культурно-исторической исключительности в рамках мусульманской цивилизации. Этому отвечают и неоднократно звучавшие в прессе заявления, через которые красной нитью проходит

⁸ Ghanun-e asasi-ye Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. Fas'l-e dovvom. Zaban, khatt, tarikh va parcham. Tehran, 1979.

⁹ Каменева М. С. Политика исламизации в Иране и ее лингвистические последствия // Народы Азии и Африки, 1981. № 5. С. 113–114.

мысль о том, что жители Ирана являются одновременно и иранцами, и мусульманами. Очень верным в этой связи является замечание упомянутого выше Мехди Санай, что «Иран в русле своей внешней политики, ориентированной на усиление интеграционных процессов и снижение уровня дезинтеграционных тенденций, должен уделять достаточное внимание как исламской, так и иранской культуре, так как они обе имеют глубокие корни в регионе, а Иран имеет право играть цивилизационнообразующую роль в нем»¹⁰.

Эти годы характеризуются также, с одной стороны, процессами модернизации и развития иранского общества и, как результат, формированием новых культурных доктрин, включающих как интерес к культурному наследию и истории Ирана, так и к культуре и истории других цивилизаций, что нашло отражение в уже принятых до этого момента пятилетних планах развития страны¹¹. С другой стороны, этому периоду свойственно и некоторое ослабление антизападной риторики руководства ИРИ. И поэтому не случайно именно в этот период развития Ирана, в 2001 г. М. Хатами, будучи тогда президентом страны, формулирует программу культурного диалога с западным миром, миром, по отношению к которому долгое время в Иране культивировалось негативное и даже враждебное отношение и считалось, что он не в состоянии привнести положительный импульс в развитие иранской культуры. По мнению М. Хатами, «диалог цивилизаций – это стимул для формирования универсальной модели оздоровления международных отношений для того, чтобы исключить односторонние подходы и монолог в политике и культуре». В его видении нового мира «господствует взаимное уважение к культуре, цивилизациям и духовным традициям разных народов, в том числе и в демократическом

¹⁰ Mehdi Sanai. Ravabet-e Iran va Asya-ye Markazi: ravandha va cheshmandazha. S. 89.

¹¹ Siyasat va hokumat dar Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. Tehran, 2012. S. 375–378.

соревновании культур»¹². Значение концепции диалога цивилизаций состоит в том, что она в том числе приглашает к культурному диалогу с Западом. Она также подтверждает мысль о том, что страны с длительной и непрерывной культурной традицией способны к развитию в новых условиях, в том числе в условиях глобализации. Эту теорию можно рассматривать и как ответ на тенденции глобализации культурного пространства и навязывания единых культурных стандартов. Вместе с тем представленная М. Хатами концепция диалога цивилизаций также могла символизировать определенное смягчение антизападных настроений руководства ИРИ.

Важная роль в процессе культурной переориентации отводилась персидскому языку, который наряду с арабским начал рассматриваться как язык ислама и мусульманской цивилизации, как инструмент их распространения в различные регионы мира.

В годы президентства Махмуда Ахмадинежада (2005–2013), и особенно во время его первого президентского срока (2005–2009), в политике делается акцент на восстановление исламских ценностей периода после исламской революции, что получило отражение и в иранской культуре, где при сохранении прежних тенденций развития окончательно формируется идея единства исламской иранской культуры. Подтверждением этому можно считать тот факт, что в принятом в 2011 г. Шестом пятилетнем плане развития Ирана проблемы иранской культуры поставлены на первое место и перспективы ее развития рассмотрены в первом разделе под названием «Исламская иранская культура»¹³. Вместе с тем с 2009 г., т.е. с начала второго президентского срока М. Ахмадинежада, наблюдается рост внимания в трактовке понятия «иранская культура»

¹² Хатами С. М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. М., 2001. С. 72.

¹³ Каменева М. С. О трех подходах к понятию «культура» в ИРИ // Иран при М. Ахмадинежаде. М., 2013. С. 165.

к собственно иранскому фактору, свободному от религиозной исламской окраски и обозначаемому в персидском языке термином «irānīyat». Многие СМИ отмечали чуть ли ни наступление нового этапа в деятельности президента и его команды¹⁴. Прямые подтверждения этому факту практически отсутствуют. К косвенным же свидетельствам можно отнести инициативу Ирана по организации празднования Ноуруза в региональном масштабе, третья церемония которого состоялась 25–27 марта 2011 г. в г. Душанбе, неоднократно звучавшие обращения к проблеме культурного наследия – «mirase farhangi», в высокой оценке персидской классической литературы, например произведений Фирдоуси, тысячелетнюю годовщину создания которым знаменитой поэмы «Шахнаме» широко отмечали в Иране в 2011 г.¹⁵, а также творчества Саади, названного в день его памяти президентом М. Ахмадинежадом ключевой фигурой в развитии и возвеличивании персидской литературы и персидского искусства¹⁶, в предложении Ирана в 2010 г. создать Организацию персоязычных народов, которая получила официальное оформление в мае 2013 г. Вместе с тем нельзя не отметить, что даже слабые попытки гиперболизации собственно иранского культурного компонента со стороны президента встречали резкую критику духовенства, которое, со своей стороны, активно выступало с инициативами по исламизации образования. Это прежде всего отражалось на гуманитарных науках. Оно требовало отдельного обучения юношей и девушек в высшей школе, сокращения процента женщин в общем количестве студентов, что в целом оказывало серьезное влияние на развитие культуры в ИРИ¹⁷.

¹⁴ Etemad. 21.04.2012.

¹⁵ Ettelaat. 16.08.2011.

¹⁶ M. Ahmadi-nejad's Speech at a Ceremony of Commemorating Saadi. URL: <http://www.president.ir/en/21.04.2012> (дата обращения: 06.05.2012).

¹⁷ Iran. 21.04.2012.

Эти годы характеризуются также отходом от теории диалога цивилизаций, теряющей свои позиции в иранском обществе, что связано как со сложившимся внутривнутриполитическим положением, так и с изменяющейся международной ситуацией вокруг ИРИ. Действовавший в это время в отношении Ирана санкционный режим мешал развитию активных связей страны с западным миром в сфере внешней политики, экономики, финансов, а также культуры. Надо сказать, что М. Ахмадинежада невозможно заподозрить не только в любви, но даже в теплом отношении к Западу. Будучи в течение нескольких лет мэром Тегерана, он ввел в столице ряд нововведений в социокультурной сфере по ужесточению норм исламской морали, которым он стремился следовать и в дальнейшем, уже в годы своего президентства. Появились раздельные лифты, женские такси, были закрыты рестораны быстрого питания, усилена религиозная составляющая в деятельности культурных центров, что проявилось в призывах к отказу от современной эстрады и танцев в западном стиле. Власти стремились вернуться к тому стилю в женской одежде, который существовал в первые послереволюционные годы. Однако включенность Ирана в мировые глобализационные процессы способствовала неконтролируемому усилению западного влияния, в том числе и не в последнюю очередь в сфере культуры. Постепенно растет престиж английского языка, а также уровень владения им, особенно среди молодежи, составляющей значительную часть населения Ирана. В это время на иранском телевидении – впервые после исламской революции – начинает работать специальный новостной канал на английском языке – Iran Press, нацеленный на потребление не только за пределами, но и внутри страны. На английском языке издаются газеты, как, например, Tehran Times и Tehran Press. Западноевропейские языки продолжают изучаться в высших и средних учебных заведениях ИРИ. К английскому, немецкому и французскому были

добавлены испанский и итальянский. По этим языкам издаются учебники и учебные пособия, грамматики, словари, на них выпускаются произведения мировой художественной литературы. Что касается собственно персидского языка, то он не только сохраняет уже используемые в нем европеизмы, прежде всего англицизмы, но и заимствует новые, превращая их в неотъемлемую часть своей лексической системы.

Вместе с тем активно развивается процесс реализации международного аспекта культурной политики, который сформировался еще в первое десятилетие после исламской революции и связан с идеей ее экспорта за пределы Ирана. Расширение и углубление этого процесса свойственно именно для послереволюционного Ирана и является достижением политической и культурной доктрины ИРИ. С целью пропаганды иранской культуры внутри страны и для реализации международного аспекта культурной политики государства еще в 1995 г. была создана «Организация по культуре и исламским связям». Под эгидой этой организации иранская культура во всем ее многообразии распространяется по миру и охватывает не только отдельные государства, но и целые регионы, отличающиеся друг от друга как политическим строем, уровнем экономического развития, конфессиональной принадлежностью, так и разным уровнем развития культуры. Важная роль в этом процессе отведена культурным представительствам, функционирующим при посольствах ИРИ по всему миру – во многих странах Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, а также в Австралии. Именно они являются реальными проводниками иранской культуры и культивируемой в стране идеологии за пределами страны. Фундаментом для наиболее успешной реализации этого культурного и идеологического проекта стало во многих случаях не только единое конфессиональное поле, но и общие историческое прошлое и культурные традиции,

а также наличие значительной иранской диаспоры и некоторые другие обстоятельства.

И в этом случае значительная роль вновь отводится языковому фактору, но уже персидскому языку, являющемуся для иранцев национальным достоянием, признаком иранской нации, интегрирующим и консолидирующим фактором. Очень своевременным было уже отмеченное выше принятие на вооружение руководством страны тезиса о том, что персидский язык, наряду с арабским, является языком ислама и мусульманской цивилизации. Он все больше начинает рассматриваться как второй по значимости после арабского язык исламского мира, что способствует росту его престижа среди неарабоговорящих исламских стран (Пакистан, Турция и другие) и стран со значительной долей мусульманского населения, как, например, Индия. Вместе с тем арабский язык теряет свои прежние позиции в Иране, поскольку его чужеродность и недоступность для понимания большинству населения ИРИ не позволили ему, подобно персидскому, приобрести более широкие общественные функции.

Годы, связанные с президентством Хасана Роухани (2013 – по н./время), характеризуются стремлением как сохранить достигнутые Ираном результаты в различных областях развития иранского общества, так и приумножить их с целью содействия успешному продвижению страны по пути становления крупнейшей региональной державой. Не случайно еще в предвыборных программах Х. Роухани как кандидата на пост президента, которые в дальнейшем становятся основой деятельности возглавляемых им правительств, значительное место уделено проблемам культуры и культурной политики, вопросам развития науки и образования¹⁸. О пристальном внимании духовного лидера аятоллы Хаменеи

¹⁸ Ruhani Hassan. Barname-ye dowlat-e davazdahom “«Azadi va amniyyat. Aramesh va pishraft». Tehran, 2017. S. 124–168. URL: <http://www.isna.ir/news/96022213789> (дата обращения: 10.06.2017).

и правительства Х. Роухани к проблемам культуры свидетельствуют многие факты. Среди них следует отметить тщательный подход руководства страны к подбору кандидатур в первый кабинет министров нового президента (в 2013 г.) для двух ключевых для будущего иранской культуры постов – министра культуры и исламской ориентации и министра образования, появление знаковых публикаций в СМИ, в которых политическая элита и представители высшего духовенства высказывали свои соображения по поводу состояния и перспектив развития иранской культуры. Аятолла Хаменеи не раз давал высокую оценку ее роли в движении Ирана по пути прогресса, отмечая, что культура не является приложением к политике и экономике, не занимает пограничных позиций по отношению к ним. Рахбар отводит культуре центральную роль в развитии иранского общества¹⁹. Президент также считает обращение власти к культурному фактору необходимым при решении вопросов, имеющих отношение к другим сферам функционирования иранского общества – к исполнительной власти, экономике и социальным проблемам.

Вместе с тем в руководстве страны растет понимание необходимости укрепления связей с Западом и осуществления реальных шагов в этом направлении. Наблюдается постепенное, но в значительной степени дозированное снижение накала антизападных настроений. Этому способствовали венские договоренности 2015 г., т.е. принятие Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана, предусматривающего последующее постепенное снятие санкций со страны и как результат открывающего более широкие возможности для сотрудничества с западными странами. Проходит серия встреч Х. Роухани с высокопоставленными европейскими политиками в Тегеране. Об интересе к налаживанию

¹⁹ Rahbar: Daneshgahha be hich dalil-i julangah-e jarayanha-ye siyasi nashavad URL: <http://www.asriran.com>. 11.12.2013 (дата обращения: 08.01.2014).

диалога с Западом свидетельствует как сам факт осуществления президентом ряда визитов в европейские страны – Францию, Италию – уже в начале 2016 г., так и их итоги. Заслуживает внимания также и тот факт, что в материалах по результатам этих визитов в большей или меньшей степени затрагивается проблема развития двусторонних культурных связей. Так, например, с итальянской стороной были достигнуты договоренности о создании совместных программ в области культуры, образования и научно-исследовательской деятельности. Было предложено осуществлять сотрудничество в сфере защиты культурного наследия и археологических памятников, организации археологических выставок на основе обмена между музеями Иран Бастан в Тегеране и Миланским музеем. Стороны также договорились осуществлять переводы произведений персидской и итальянской литературы, развивать академическое сотрудничество и связи между образовательными учреждениями, обмен студентами и профессорско-преподавательским составом²⁰. Знаковым был также визит Х. Роухани во Францию, где среди 20 подписанных о взаимном сотрудничестве документов были и те, которые затрагивали вопросы двусторонних культурных связей – о сотрудничестве в области образования и академической деятельности и о сотрудничестве между Лувром и Организацией по культурному наследию и туризму Ирана. Особое значение для налаживания культурного диалога между двумя странами во время визита президента Ирана во Францию имела его встреча с руководством ЮНЕСКО, которая подтвердила готовность страны сотрудничать с этой международной организацией²¹.

Следует отметить, что сотрудничество ИРИ с международными организациями является одним из важных

²⁰ Official site of Iran's President. URL: <http://www.president.ir/en/91585> (дата обращения: 27.01.2016).

²¹ Official site of Iran's President. URL: <http://www.president.ir/en/91675> (дата обращения: 28.01.2016).

направлений культурной политики руководства страны. Иран имеет налаженные связи, нередко в первую очередь именно в сфере культуры, с такими из них, как ООН в лице уже отмеченной выше ЮНЕСКО, Организацией экономического сотрудничества (ЭКО), Организацией исламского сотрудничества (ОИС) и Организацией культурного сотрудничества персоязычных народов. Намечается также участие ИРИ в реализации культурных программ Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которой она до настоящего времени находится в статусе наблюдателя. Уровень и интенсивность сотрудничества Ирана с каждой из этих организаций дифференцируется в зависимости от складывающейся обстановки в мире и месте Ирана в системе международных отношений, а также от существующих отношений внутри них. Наиболее тесные и налаженные культурные контакты у ИРИ существуют с ЮНЕСКО и Организацией исламского сотрудничества. Менее успешной следует считать консолидацию в рамках Организации культурного сотрудничества персоязычных народов, объединяющей страны с близкими культурными и цивилизационными традициями, отношения которых, однако, на двустороннем и трехстороннем уровнях наталкиваются на политические и частично религиозные противоречия²².

В это благодатное для Ирана время с точки зрения сложившейся вокруг него международной ситуации в общественном и политическом сознании реанимируется теория диалога цивилизаций. М. Санай также отмечает востребованность существования диалога между народами. Он пишет, что борьба и распри на мировой арене не помогают диалогу между цивилизациями и подчеркивает его необходимость, поскольку другого пути для выхода из серии кризисов

²² Каменева М. С. Иран и международные организации: культурный аспект // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М., 2016. С. 181–190.

и проблем не существует. По его мнению, «эпоха господства геополитических факторов окончилась, и если когда-то относительный порядок в мире обеспечивался подобным способом, то сегодня он уже не является путем для установления мира и стабильности»²³.

В последнее десятилетие вопрос о дозированности вестернизации – это в значительной степени вопрос противостояния иранских либералов, к которым относят президента Х. Роухани, и консерваторов во главе с духовным лидером аятоллой Хаменеи, который является ярким антизападником. В сфере культуры это получило отражение в нескольких общественных дискуссиях. Их главным объектом стал английский язык, официально признанный мировым и являющийся важным компонентом мировых глобализационных процессов, который иранские антизападники, однако, считают инструментом «тлетворного влияния Запада и его ценностей».

Рахбар неоднократно заявлял, что английский язык не должен преподаваться в учебных заведениях страны, поскольку является наследием последнего иранского шаха, а его распространение способствует росту «сатанинской Америки». Он настоятельно обращал внимание общества на недопустимость чрезмерного влияния, «агрессии» западной культуры в отношении иранской культуры и подчеркивал важную роль персидского языка, необходимость усиления внимания к нему, особенно в свете влияния на него западноевропейских языков²⁴. Однако, несмотря на такую позицию духовного лидера, вопрос о необходимости изучения иностранных языков в школах и высших учебных заведениях Ирана и подготовки комплексной программы по обучению пяти западноевропейским языкам в июле

²³ Санаи М. Мусульманское право и политика. История и современность. М., 2016. С. 156.

²⁴ Rahbar: Daneshgahha be hich dalil-i julangah-e jarayanha-ye siyasi nashavad URL: <http://www.asriran.com>. 11.12.2013 (дата обращения: 08.01.2014).

2016 г. был вынесен на обсуждение и утверждение Высшего совета культурной революции. При этом было подчеркнуто, что программа должна будет зафиксировать равные возможности в учебном процессе для всех предлагаемых языков без какой-либо монополии одного из них и не в ущерб персидскому языку и национальным интересам страны²⁵. В этом же ключе следует рассматривать и решение иранских властей в начале 2018 г. запретить изучение английского языка в начальных государственных и частных школах страны. По мнению многих аналитиков, такое решение явилось следствием протестных акций конца декабря 2017 г. – начала января 2018 г., которые, как считается в определенных эшелонах власти страны и кругах иранского общества, были инспирированы Западом²⁶.

Представляет интерес также ситуация, которая сложилась вокруг Документа 2030 по образованию, разработанного ЮНЕСКО еще в 2015 г. и предложенного для поэтапной реализации в мае 2017 г. Ее можно рассматривать в качестве продолжения вышеуказанной дискуссии и решений, касающихся обучения европейским языкам. Предложенный ЮНЕСКО документ представляет образовательные стандарты для мирового сообщества до 2030 г., которые будут реализовываться в условиях нарастания глобализационных процессов. Иран, первоначально одобрив этот международный документ, в дальнейшем, назвав его неэтичным, по рекомендации духовного лидера отказался от его принятия и подписания, как несоответствующего образовательным стандартам Ирана, принятым Высшим советом культурной революции,

²⁵ Bahs-e showra dar bare-ye gonjandan-e amuzesh-e panj zaban-e khareji dar madares va daneshgahha) URL: <http://www.president.ir/fa/94287> (дата обращения: 12.07.2016).

²⁶ Mamnuyyat-e tadrise zaban-e englisi dar barkhi madares URL: <http://norooznews.org/news/2018/01/2/5506> (дата обращения: 05.02.2018).

и в целом принципам, по которым живет страна²⁷. Вместе с тем, как и в дискуссии о роли западноевропейских языков в образовательной системе ИРИ, сначала возникли расхождения в подходе аятоллы Хаменеи и Х. Роухани и его правительства к Документу. Президент заявлял в этой связи, что Иран принимает его с оговоркой, то есть принимаются те разделы Документа, которые не противоречат внутренним законам ИРИ. Одновременно с приостановкой его подписания под давлением рахбара и консервативного духовенства правительством был разработан и предложен свой, аналогичного типа, документ под названием «Фундаментальные преобразования в сфере образования», под реализацию которого был даже увеличен бюджет страны²⁸.

В этом же ключе можно рассматривать и ситуацию, сложившуюся вокруг конференций, объединяющих страны и отдельные организации, отрицающие существование Холокоста. Объявив о необходимости осуществления корректив в реализации внешней политики для нормального взаимодействия с внешним миром, президент и его правительство приняли решение закрыть и больше не проводить в стране такого рода конференций, которые были инициированы в 2006 г. тогдашним президентом М. Ахмадинежадом. Иранские консервативные силы назвали такое решение огромной ошибкой, так как это негативно скажется на антиизраильском дискурсе иранской внешней политики²⁹.

Что касается сферы повседневной жизни и быта, то жители Ирана, прежде всего молодежь в крупных городах, с одной стороны, несмотря на противодействия официальной

²⁷ Iran won't submit to agendas like UNESCO 2030: Ayatollah Khamenei. URL: <http://www.english.khamenei.ir/news/4796> (дата обращения: 12.06.2017).

²⁸ Showra-ye enghelab-e farhangi-ye Iran sanad-e 2030 Yunesco ra az dastur-e kar kharej kard. URL: <http://www.bbc.com/persian/iran-40267378> (дата обращения: 14.06.2017).

²⁹ Месамед В. И. Фестиваль «Искусство сопротивления» в Тегеране. URL: <http://www.iimes.ru/?p=31462> (дата обращения: 10.01.2017).

власти, активно воспринимают западные инновации. Они, например, отмечают День Святого Валентина и европейский Новый год. Изменяется отношение в обществе к обязательному участию в шиитских траурных мероприятиях месяца мохаррама (месяца траура по принявшему муки имаму Хосейну, третьего имама, почитаемого шиитами). Посещение театрально-религиозного представления, посвященного мученической смерти имама Хосейна, – *таазийе* – рассматривается скорее не как религиозная обязанность, а как развлечение³⁰. Западные веяния, по наблюдениям автора статьи, посетившего Иран дважды в течение 2019 г., проявляются также в распространении сетей фастфуда на западный манер, небольших европейского типа кафе, расположенных частично на открытом воздухе и работающих исключительно по предварительной записи из-за большого наплыва посетителей, в открытии крупных торговых центров, как, например, «Палладиум» на севере Тегерана, в создании центра отдыха и развлечений с большим количеством современных ресторанов и магазинов у подножья горы Демавенд, который называется Бамланд. По свидетельствам жителей Тегерана, в городе не видно представителей полиции нравов. В повседневной жизни женщины стали намного свободнее в одежде и употреблении косметики. В женской одежде появились яркие цвета – красный, васильковый, желтый и другие, ее фасон стал значительно ближе к стилю в одежде европейцев. Иностранки чаще более традиционны в дресс-коде, чем многие тегеранки. Девушки активнее пользуются велосипедом как средством отдыха и передвижения, хотя, по мнению религиозного лидера Ирана, езда на велосипедах в общественных местах для женщин неприемлема, и в сентябре 2016 г. он даже издал фетву по этому поводу. Юноши и девушки более

³⁰ Дунаева Е. В. Новые политические и социокультурные реалии современного Ирана. Вызовы или перспективы // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М., 2016. С. 84–85.

открыто проявляют взаимную симпатию и дружеские чувства на людях.

Вместе с тем иранцы, в том числе иранская молодежь, демонстрируют все больше интереса к доисламским традициям и религиозным культам, что, в свою очередь, связано с соответствующими тенденциями в развитии внутривнутриполитической доктрины ИРИ. Так, зороастрийский праздник зажигания огня проводится в более широких масштабах, в выходные и памятные дни наблюдаются массовые посещения памятных мест доисламской цивилизации на территории страны³¹.

С другой стороны, наблюдаются попытки властных структур, в том числе с использованием насильственных методов, оградить население от контактов с Западом и западной культурой. Ярким примером этому может служить массовое уничтожение спутниковых тарелок в июле 2016 г. под предлогом сохранения общественной морали, исламских ценностей и иранской культуры, в искажении которых и развращении общества иранские консервативные силы регулярно обвиняют спутниковое телевидение, хотя президент Х. Роухани неоднократно заявлял о неэффективности и контрпродуктивности запрета на его использование³². Борьба с международными социальными сетями и мессенджерами и предложения по усилению контроля над СМИ – это еще одно направление антизападной политики. Весьма интересной и показательной в этом ключе является ситуация, сложившаяся вокруг Telegram, который, по мнению иранской власти, играет деструктивную роль и против которого вводятся различные технические ограничения и предпринимаются попытки заменить его отечественным аналогом. И это происходит на фоне его необычайной популярности в стране,

³¹ Там же.

³² The Express Tribune. 25.07.2016. URL: <http://tribune.com/pk/story/1148299> (дата обращения: 28.07.2016).

особенно среди молодежи³³. Сам иранский Интернет подвергается постоянным нападкам. Так, например, во время так называемых бензиновых волнений в ноябре 2019 г. Интернет в Иране был просто отключен на несколько дней и заработал лишь с ослаблением протестных выступлений. Уничтожаются даже обнаруженные компакт-диски с записями западной эстрады при помощи катков для укладки асфальта.

Сформировавшись в первое десятилетие после исламской революции 1979 г. и получив дальнейшее развитие в последующие десятилетия, международный аспект культурной политики ИРИ становится все более важным действенным фактором политической доктрины страны и ее внешнеполитической деятельности. По мнению М. Санаи, «окончание холодной войны и распад СССР, трансформация принципов международных отношений, глобализация культуры и возникновение понятия о мировой культуре стали тремя главными факторами изменения прежних позиций и укрепления роли культуры в сфере международных отношений». И рассуждая дальше, он отмечает, что «культура, которая, по мнению этнографов, определяет дух, стремления и поведение различных народов, напрямую связана с внешней политикой государства»³⁴.

И возможно, в той непростой ситуации, в которой в наши дни оказался Иран на мировой арене (сначала продолжительные международные санкции, затем постепенное снятие санкций в результате заключения венских договоренностей 2015 г., далее выход США из СВПД по Ирану в 2019 г.), а также по периметру своих границ, а именно обострение суннитско-шиитских противоречий, ухудшение отношений с рядом соседних государств в контексте участия страны

³³ Месамед В. И. Иран: власти против Telegram. URL: <http://www.iimes.ru/?p=43977> (дата обращения: 02.05.2018).

³⁴ Санаи М. Мусульманское право и политика. История и современность. М., 2016. С. 158–159.

в йеменском, а также в сирийском конфликтах, существующие двусторонние межгосударственные разногласия, культурный фактор может выйти на первый план и сыграть свою положительную роль. Надо сказать, что еще в 2005 г. в программном документе «Двадцатилетняя перспектива» руководство ИРИ выступило с амбициозным заявлением, что «через 20 лет Иран должен стать развитой страной и занять первое место в регионе... Он станет вдохновителем и цивилизационнообразующим государством с революционной иранской идентичностью»³⁵. Таким образом, идея экспансии иранской культуры была включена в повестку дня на государственном уровне. И для реализации этой задачи в Иране существует целый ряд объективных предпосылок. Прежде всего к ним можно отнести тот факт, что иранская цивилизация и иранская культура относятся к древнейшим в мире. Кроме того, ислам, одна из ведущих и наиболее развитых религий в мире, является государственной религией страны. Наконец, во многих странах мира проживает значительная иранская диаспора, что создает благодатную почву для восприятия и воспроизводства там иранской культуры.

Об озабоченности руководства Ирана созданием единого культурного пространства как для жителей страны, так и для этнических иранцев, проживающих за рубежом, говорит тот факт, что в конце 2007 г. на государственном уровне была принята специальная Программа по обучению молодого поколения иранцев, проживающих в разных странах мира, с целью «сохранить неразрывность их связей с культурой родной земли», а осуществление этого проекта было взято под контроль Министерством культуры и исламской ориентации ИРИ³⁶. Кроме того, в иранских СМИ не раз появлялись сообщения о необходимости создания условий для специалистов

³⁵ Iran.ru (сайт). URL: <http://www.iran.ru>. 13.12.2005 (дата обращения: 10.01.2006).

³⁶ Ettelaat. 09.09.2007.

высокого уровня для работы на родине и таким образом препятствовать их эмиграции, с одной стороны, и о реализации Программы по приглашению профессионалов (этнических иранцев), живущих и работающих за рубежом, для преподавания в учебных заведениях Ирана – с другой³⁷.

Культурные связи Ирана со многими странами мира, прежде всего соседями по региону и по евразийскому пространству, имеют давнюю традицию. Иранская культура в целом и персидский язык как важный компонент межкультурного аспекта культурной политики являются предметом внимания в таких арабских странах, как Египет, Иордания, Тунис, ОАЭ, Катар, Кувейт, Ливан, с определенной корректировкой на современную ситуацию, Сирия и в некоторых других. В последнее время активизировалось двустороннее культурное сотрудничество с Алжиром и Ираком. Причем не всегда уровень отношений между Ираном и странами Арабского Востока в сфере культуры соответствует уровню дипломатических отношений, нередко перекрывая их по интенсивности.

У Ирана существуют хорошо налаженные культурные контакты и с целым рядом неарабоговорящих мусульманских стран, в том числе с Пакистаном, Турцией, Бангладеш, Малайзией и другими. Что касается Афганистана, то сложная внутривнутриполитическая обстановка в стране не способствует не только продвижению иранской культуры в страну, но и развитию собственной афганской культуры. Однако иранская сторона предпринимает определенные положительные шаги для налаживания связей в сфере культуры между двумя странами.

Среди центральноазиатских государств особый интерес представляет история развития отношений между Ираном и Таджикистаном, которые всегда были достаточно

³⁷ Tabnak.ir (сайт). URL: <http://www.tabnak.ir.5341> (дата обращения: 07.02.2016); Ettelaat. 01.08.2018.

тесными. Таджикистан был первой страной этого региона, где Иран в 1992 г. открыл посольство. Иран также провел большую работу для урегулирования внутритаджикского конфликта, а вместе с Россией предпринял значительные усилия с целью не допустить вмешательства талибов во внутренние дела страны. Несмотря на реализацию ряда успешных культурных проектов, вместе с тем в настоящее время на фоне общего ухудшения отношений между Таджикистаном и Ираном снижается градус и их культурного взаимодействия. Это связано, по мнению аналитиков, в значительной степени с желанием ИРИ, используя фактор исторической, этнической и языковой идентичности, вести шиитизацию населения республики, прежде всего молодежи³⁸.

Особое место занимает Индия, которую связывают с Ираном прочные культурно-исторические традиции, продолжающиеся активно развиваться и в наши дни. Достаточно неплохо отлаженные культурные связи существуют между ИРИ и многими европейскими странами (Великобритания, Германия, Испания, Румыния, Украина, Финляндия и др.), развивается культурный диалог со многими азиатскими немусульманскими странами, как, например, Япония и Китай. Отдельно хотелось бы отметить Россию, где иранистика как наука делала свои первые шаги в начале XIX в., а первые переводчики с персидского языка появились еще при Петре I в первой половине XVIII в.

Вместе с тем культурный фактор не всегда играет конструктивную, консолидирующую роль. Он может стать причиной возникновения недопонимания и даже конфликта между Ираном и отдельными странами. В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся с представленным известным иранским режиссером Маджидом Маджиди

³⁸ Каменева М. С. Взаимоотношения Ирана с сопредельными странами: культурный аспект // Мусульманский мир на исторических рубежах России. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5. М., 2017. С. 247–248.

фильмом (первая часть из трилогии) «Мохаммад. Путь Всевышнего», который не был принят в целом ряде мусульманских суннитских стран, к примеру в Египте, Саудовской Аравии и некоторых других.

Таким образом, анализ культурной политики, проводимой в стране на протяжении 40 лет ее существования в рамках исламского режима, позволяет сделать вывод, что культурный фактор играет далеко не последнюю роль как во внутренней политике, так и во внешней политической доктрине ИРИ. Иранская культура постепенно превращается в важный компонент политики «мягкой силы», которая активно поддерживается и руководством ИРИ, а также находит положительный отклик среди части иранского общества. При этом следует подчеркнуть особое место языкового фактора, то есть роль персидского, арабского и английского языков в этом процессе.

Программа реализации принципов исламской иранской культуры

Одним из основных лозунгов исламской революции, провозглашённых имамом Хомейни, был лозунг «возвращение к себе», под которым понималось возвращение к традиционным нормам жизни иранского народа, которые во время правления шаха Мохаммеда Резы Пехлеви подверглись сильному воздействию искусственно насаждавшейся западной культуры в её наиболее одиозных формах. Усиленная «вестернизация» Ирана, предпринятая шахом, вела к размыванию традиционных иранских исламских культурных норм и правил и вызывала недовольство большей части иранцев, воспитанных на традиционных принципах культуры и культурных моделях поведения во всех сферах жизни. Влияние западной культуры проявлялось в изменении стиля одежды,

норм повседневного поведения, принципов морали, отношения к религии и во многом другом. В Иране были открыты казино, появились практически легально публичные дома, в норму вошло употребление алкоголя; кинотеатры заполнили западные, в основном американские, фильмы со сценами секса, разбоя, насилия, наживы, неуважительного отношения к родителям и близким и сюжетами, резко контрастировавшими с традиционной моралью иранского общества. По существу, в Иране налицо был процесс «культурного империализма», во главе которого стояли американские покровители шаха и представители правящей элиты. Значительная часть иранского общества стала объектом негативного воздействия чужеродной ему культуры, но в то же время в обществе зрел протест против навязывания чужой культуры и чужих стандартов и норм поведения.

В этих условиях лозунг «возвращение к себе» встретил поддержку большинства населения. Почти одновременно с победой исламской революции были предприняты жёсткие меры против наиболее одиозных проявлений западной культуры. Были разгромлены вино-водочные производства и винные магазины, закрыто большинство кинотеатров и значных мест, запрещены азартные игры, введена цензура, стало обязательным соблюдение исламского дресс-кода для женщин (хиджаб) и приняты ограничения для одежды мужчин (запрещены рубашки с коротким рукавом, шорты и ношение галстуков). Запрещалось женское пение и танцы на публике, ограничивалось исполнение музыкальных произведений. Все эти меры предпринимались в рамках шиитских религиозных воззрений, которые в основном были известны и практиковались верующими в Иране в силу традиции и преимущественно добровольно. После же установления исламского правления религиозные нормы жизни стали административно и законодательно обязательными для всех граждан Ирана, несмотря на их религиозную принадлежность (для

христиан, зороастрийцев, евреев и представителей других религий и культур), а также для иностранцев.

Большая часть перечисленных норм действует на административно-законодательном уровне по сей день: хиджаб для женщин обязателен, женское пение запрещено, выступления музыкальных коллективов по телевидению практически не транслируются, мужчины и женщины на официальных свадебных церемониях празднуют это важное событие отдельно (существуют два отдельных свадебных банкетных зала: для мужчин и для женщин), употребление и ввоз спиртных напитков под запретом. Надо отметить, что большая часть из этих норм действует преимущественно в публичной сфере, а в частной жизни далеко не всегда соблюдается.

Несмотря на то что указанные ограничения носят внешний, бытовой, поведенческий, показной характер, тем не менее, они играют важную роль в установлении определённого поведенческого стандарта, поведенческой нормы, основанной на принципах шиитской доктрины.

Существуют и более глубокие ирано-исламские культурные и поведенческие нормы и принципы морально-этического и религиозного характера, которые власти считают необходимым внедрять в общество, и политика по их проведению в жизнь сформулирована достаточно подробно и комплексно в принятом в 2003 г. Плате культурного развития страны до 2025 г.³⁹ Мы постараемся проиллюстрировать направления политики в области усиления исламской и собственно иранской составляющей культуры в современном Иране на примере разделов 5 и 11 этого Плана.

Культурная политика властей относительно исламского стиля жизни на уровне личности, семьи и общества в соответствии с исламскими нормами, сформулированная в базовой и национальной стратегии раздела 5 Плана, включает

³⁹ Naghshe-ye mohandesi-ye farhangi-ye keshvar. Tehran, 2013.

в себя комплекс мер и предусматривает следующие стратегические мероприятия в сфере культурной политики:

1. Изменение моделей потребления в соответствии с реальными потребностями.
2. Пропаганда здорового питания, здорового образа жизни общества на основе исламского учения.
3. Разработка норм целомудренного поведения, одежды и исламского хиджаба в рамках социальных контактов и отношений.
4. Поддержание баланса в таких областях деятельности, как самореализация, религия, работа, увлечения, спорт, правильное свободное времяпрепровождение на уровне отдельной личности, семьи и общества в целом.
5. Распространение различных видов спорта и культурного отдыха на основе исламских норм.
6. Планирование моделей архитектуры и исламского градостроительства в Иране.
7. Создание перспективного плана независимого экономического развития, внедрение культуры производства и потребления, повышение уровня сознательности, уверенности в достижении поставленных целей; постоянное освещение тенденций и путей реализации планов экономического развития⁴⁰.

Исходя из базовой стратегии, в Плане уточняются национальные мероприятия в сфере культурной политики относительно внедрения исламского стиля жизни. Большая часть этих мероприятий представляет интерес и сочетает в себе морально-этические нормы в свете исламского учения и особенностей иранского общества на данном этапе развития. Культурная политика в вопросе внедрения исламского стиля жизни, в соответствии со стратегией раздела 5, включает в себя воспитание высоких моральных качеств, укрепление традиционных форм жизни на селе и в племенах, соблюдение норм

⁴⁰ Ibid. S. 73.

шариата, укрепление сотрудничества с НПО, внедрение разумных норм потребления, заботу о правильном питании, досуге и спорте, развитии исламской моды, особое внимание к воспитанию детей и школьников и т.д. Ниже приводятся эти направления культурной политики в национальном измерении в развёрнутом виде.

1. Внедрение модели социального взаимодействия, основанной на мусульманско-иранской культуре с акцентом на чувство собственного достоинства, коллективизм, надежду, дальновидность и готовность к рискам.
2. Укрепление традиционного сельского и племенного образа жизни в соответствии с мусульманско-иранскими критериями и требованиями.
3. Усиление взаимодействия духовенства на местном уровне при центральной роли мечетей; укрепление родственных связей, поощрение общения между родственниками.
4. Регламентирование и соблюдение рамок шариата гражданами на рабочих местах и при виртуальной коммуникации.
5. Регулирование деятельности и поддержка неправительственных организаций, специализирующихся в социальной, политической и экономической сферах, с целью укрепления ценностей исламской культуры и контроля над ними.
6. Подготовка и реализация всеобъемлющей программы, содержащей рекомендации, касающиеся разумного потребления и противодействия консюмеризму, чрезмерности в потреблении и расточительству.
7. Планирование увеличения доли культурно-религиозных товаров в потребительской корзине семьи, особенно в селах и среди племен.
8. Разработка и реализация комплексной программы, ставящей целью популяризацию и распространение модели

- питания и мусульманско-иранского рациона, разъяснение значения халяльной пищи для здоровья людей; запрещённой пищи харам и вредной пищи, предотвращение ее производства, распространения и потребления.
9. Обязательное исполнение постановлений Высшего совета культурной революции, равно как и других законов и постановлений, связанных с внедрением культуры целомудрия и хиджаба.
 10. Определение критериев моды и одежды, популяризация видов одежды, сопоставимой с исламскими и национальными учениями, содействие ее производству и распространению, а также разумное противостояние импорту, производству и распространению неприличной и немусульманской одежды.
 11. Реформирование системы образования, преподавания и воспитания с упором на исламско-иранскую систему ценностей; исключение символов западной культуры и предотвращение потери собственной идентичности перед лицом чуждой культуры.
 12. Расширение сети детских садов и централизованное регулирование их деятельности в государственном и общественном секторе с учетом их основополагающей роли в прививании культуры детям.
 13. Разработка и реализация комплексной программы по обогащению индивидуального, семейного и общественного досуга и здоровых развлечений для разных возрастных групп на основе мусульманско-иранских учений, а также содействие развитию целевых учреждений и организаций в этой области.
 14. Подготовка и реализация комплексной программы по общедоступному спорту, спорту высоких достижений, местным видам спорта с акцентом на нравственность и мусульманское учение и в соответствии

с потребностями населения в районах, городах и деревнях⁴¹.

Особое внимание в Плате уделено развитию исламской архитектуры и градостроительству, и это не случайно, так как в архитектуре, особенно городской, на наш взгляд, в целом продолжает преобладать некий строительный «технологический» рационализм и устоявшиеся архитектурные стереотипы, мало ассоциирующиеся с исламом и иранской традицией, за исключением редких и долго строящихся культовых сооружений.

К сожалению, можно констатировать, что зданий, построенных исключительно в исламских традициях в Иране после революции, найти довольно трудно, но архитектурные сооружения (преимущественно коммерческого предназначения), созданные в иранских национальных традициях, появляются регулярно, что свидетельствует о живучести национальных иранских архитектурных идей и образцов. Надо отметить, что в Тегеране появляются и новые архитектурные постройки преимущественно «интернационального» урбанистического характера. Среди них можно отметить «Бордже Меллят» как чисто функциональный коммерческий объект и очень оригинальный и удачный проект иранского архитектора «Поле Табийат».

Учитывая актуальность темы, считаем необходимым привести разделы национальных мероприятий раздела 5 Плате, отражающие задачи в области архитектуры и градостроительства как части исламской политики в области культуры:

- подготовка и принятие комплексного документа иранско-мусульманской модели градостроения и жилищного строительства;
- подготовка документов, определяющих стили архитектуры, комплексного плана улучшения вида города

⁴¹ Ibid. S. 74–75.

- (для городов с предусмотренным комплексным планированием);
- содействие строительству, соответствующему климатическим условиям и традиционной модели мусульманско-иранской архитектуры, предотвращение строительства объектов, чуждых и противоречащих национальной культуре;
 - рассмотрение и принятие важных общественных и государственных проектов зданий, совершенствование архитектурного облика городов и деревень с учётом принятых норм;
 - подготовка архитектурных образцов современных жилых зданий согласно исламским и иранским представлениям и традициям⁴².

Даже при первом взгляде на приведённые положения Плана, направленные на внедрение исламских норм в повседневную жизнь, очевидно, что он подтверждает нацеленность на реализацию некоторых традиционных норм, например соблюдение хиджаба, норм питания и пр. В то же время в отношении музыки в Плане зафиксированы достаточно «толерантные» идеи, которые на практике пока не реализуются в самом Иране, однако иранские музыкальные коллективы успешно выступают, например, в России, в частности в Московской государственной консерватории, где можно услышать и женское, преимущественно групповое, пение в сопровождении оркестров национальных иранских инструментов. В Тегеране регулярно создаются трудности для работы и репетиций Симфонического оркестра, вероятно, из-за его классического европейского репертуара и наличия в нём исполнителей-христиан. Однако отношение к серьёзной европейской музыке вполне лояльное, и она звучит в концертных залах Тегерана в исполнении иностранных музыкантов. Иранские музыканты часто выступают в Москве

⁴² Ibid. S. 76–77.

и в других городах России. Например, в 2018 г. во время проведения 21-го чемпионата мира по футболу, в Московской консерватории успешно выступал Тегеранский симфонический оркестр. Тем не менее, когда речь заходит о женском пении, то этот вопрос даже для гастролей российских певцов в Иране остаётся табу.

Вместе с тем представляется интересным, как видят разработчики культурной политики ИРИ возможности воздействия выработанных в Иране после исламской революции культурных ценностей на исламский мир и на международном уровне, на процесс глобализации исламского дискурса по мировым и общечеловеческим проблемам. Этому вопросу посвящён раздел 11 Плана, в котором так же, как и в других частях программы, в соответствии с принятой в Плане структурой, имеются две составляющие: национальная стратегия и национальные мероприятия.

Национальная стратегия даёт общее направление деятельности по культурному взаимодействию внутри исламского мира и по сотрудничеству с неисламскими сообществами на международной арене. Сюда входит достаточно широкий комплекс мероприятий, перечисленных ниже:

- разъяснение, распространение и углубление исламского и революционного дискурса в области таких понятий, как справедливость, мир, международная безопасность, свобода совести и воззрений на семью и место женщин в обществе, главенство идеи веры в Бога и справедливость в мире и надежда на светлое будущее человечества;
- сохранение, углубление и поднятие роли и места культуры и культурной дипломатии для сотрудничества и укрепления внешних связей ИРИ;
- эффективное противодействие враждебным действиям по отношению к исламу, шиизму и иранофобии;

- взвешенное и эффективное использование возможностей пропаганды и потенциала религии и СМИ, виртуальной среды, науки, образования, культуры, искусства, общественных национальных организаций, а также культурных международных и региональных организаций для демонстрации верного и правильного облика ИРИ и ознакомления с достижениями, положительными примерами и высокохудожественными произведениями культуры исламской и иранской цивилизации на мировой арене;
- усилия для сохранения и укрепления религиозной и национальной самобытности иранцев, живущих за границей, и повышение уровня их культурного воздействия. Распространение персидской письменности, языка и литературы;
- эффективное использование потенциалов разных культур и цивилизаций народов Ирана, религии и движений за справедливость с опорой на общность;
- разъяснение примеров исламского народовластия в свете требований культуры и социально-экономической жизни исламских стран и представление ИРИ в качестве реального примера достижения этих целей;
- закрепление идеи сотрудничества и единства мусульманской уммы для реализации новой исламской цивилизации;
- закрепление и всесторонняя поддержка культуры сопротивления, веры в свои силы, сохранение исламской бдительности, осуществление чаяний народа Палестины и обеспечение прав мусульман и обездоленных;
- противодействие и всесторонняя борьба с мировым порядком угнетения и международным сионизмом;

- разъяснение и распространение культуры Святого Коранического учения и всесторонние усилия для реализации коранического дискурса в исламском обществе;
- многовекторность и интернационализм в отношениях культурного сотрудничества между странами с расширением наднациональных и многосторонних коалиций, организаций и сетей.

Национальные мероприятия включают в себя:

- разработку, разъяснение и распространение дискурса глобализации в свете распространения в мире идеи справедливости, прихода последнего Имама и установления мира на земле;
- организацию порядка наблюдения и контроля за футурологическими тенденциями в области культуры на международном уровне;
- планирование мер для привлечения и развития туризма, особенно приглашение шиитов и других мусульман для ознакомления с религиозными ценностями, для совершения паломничества, лечения, а также для научного и культурного туризма;
- ознакомление, кодификацию и создание условий для культурного дискурса на международном уровне на основании чистого ислама и пропаганды целей и дискурса исламской революции, а также личности и идей имама Хомейни и нынешнего духовного лидера Ирана;
- планирование и проведение необходимых работ и мероприятий для достойного ознакомления с истинным исламом пророка Мохаммада и представление коранической культуры международному сообществу путем разработки и осуществления стратегического плана разъяснения и распространения исламской культуры и учения, особенно коранической культуры;

- использование культурных ценностей, произведений искусства и новых информационных технологий;
- планирование в целях упорядочения и поддержки центров и организаций, вовлечённых в процесс диалога цивилизаций по проблемам канонического ислама, с упором на участие в их работе региональных учебных заведений. Создание и развитие виртуальных сетей и деятельности СМИ, поощрение искусства яркого отображения в СМИ, создание дискурса чистого ислама и исламской революции и показ их положительных примеров и успехов в различных сферах;
 - упорядочение направления и всестороннюю поддержку процесса организации и создание учебных и исследовательских центров, кабинетов Ирана, библиотек, кафедр, отделений, курсов обучения в области исламоведения, шиитских исследований, иранистики, изучения идей исламской революции вне страны в рамках данного Плана;
 - разработку и планирование создания опережающих возможностей по противодействию исламофобии, неприятия ислама и шиизма, иранофобии, а также противодействие деятельности раскольнических течений и группировок;
 - поддержку созданию и деятельности мечетей, местных центров, организаций, объединений сторонников пророка Мохаммада с акцентом на использование местных возможностей;
 - планирование мер по выявлению и эффективному отслеживанию деятельности враждебных организаций, СМИ и их продукции, противоречащих нормам, принципам и ценностям учения Пророка;
 - проведение международных курсов на различных языках, соревнований, олимпиад, конкурсов и международных научных фестивалей в области исламоведения,

- изучения шиизма, учения Пророка, ирановедения, а также по персидскому языку и литературе;
- разработку и осуществление программ и мер по защите исламской уммы против раскольнических заговоров, выявление и активное противодействие такой деятельности с использованием институтов культуры, морального воздействия, исламских законодательных и правовых норм, политических мер и мер обеспечения безопасности, а также возможностей правительств, организаций, религиозных течений, групп и движений, готовых к сотрудничеству;
 - разработку и осуществление дорожной карты достижения единства среди мусульман и монотеистов и поднятие их роли в сплочении исламского мира, в сотрудничестве со странами, движениями, влиятельными лицами. Упорядочение поддержки видных деятелей, влиятельных структур, сетей, групп и течений, придерживающихся идей Пророка, а также выявление и возвращение местного человеческого капитала в каждой стране для разъяснения и пропаганды ислама. Разработка и реализация документа и комплексной программы развития туризма в соответствии с настоящим Планом;
 - поддержку, качественное улучшение и увеличение местных услуг и продуктов в странах-попутчиках в пяти основных направлениях (религиозная пропаганда, СМИ, виртуальное пространство, наука и обучение, культура и искусство) для последователей учения Пророка с опорой на все общество;
 - разработку и реализацию комплексного документа качественного и количественного научного и университетского обмена со стороны ИРИ с другими странами, с целенаправленным предоставлением стипендий для обучения иностранных студентов

- и расширение сети отделений национальных университетов ИРИ в других странах;
- расширение и осуществление системы контроля и оценки деятельности, услуг и культурной продукции зарубежной направленности в госсекторе и частном секторе ИРИ;
- планирование в целях создания рынка высоконравственных культурных брендов исламской культуры совместно с исламскими странами и институтами. Разработку и реализацию стратегического документа для иранцев, проживающих за рубежом в рамках положений Плана. Разработку и реализацию документа относительно персидской письменности, персидского языка и литературы за рубежом в соответствии с Планом. Разработку и распространение идеи осуществления хаджа и паломничества в целях расширения связей внутри исламской уммы, а также увеличения потенциала и деятельности по реализации исламских лозунгов и, особенно, по совершенствованию традиционного хаджа;
- разработку и внедрение дорожной карты единения исламской уммы в сотрудничестве с правительствами, религиозными течениями, институтами, СМИ, исламской элитой и учёными;
- разработку, разъяснение и распространение примеров успехов и цивилизаторской роли ислама в соответствии с учением видных деятелей исламского мира;
- планирование и целенаправленную поддержку отдельных лиц, организаций и сообществ по укреплению религиозных течений в исламских районах и странах. Разработку и создание союзов и программ совместной общественной, экономической, научной и правовой деятельности в исламском мире при

- участии мусульманских правительств, организаций, институтов и исламской элиты;
- создание и развитие международных и многосторонних союзов, сетей, сообществ и организаций народов, народных движений в исламском мире и руководство ими. Планирование мер по разъяснению и распространению борьбы с сионизмом и империалистическими движениями, поддержку народа Палестины и исламской бдительности и сопротивления через качественное и количественное движение товаров и услуг в сфере обучения, исследовательской деятельности, в области науки и искусства и, особенно, в виртуальном пространстве;
 - разработку и внедрение комплексного всеобъемлющего порядка поддержания ИРИ международных отношений с другими странами через обеспечение согласованных и взаимодополняющих действий между активными организациями и институтами за границей, работающими в сфере культуры⁴³.

Кроме этого, мероприятия в «национальном» масштабе, содержащиеся в разделе 11 Плана, предусматривают и другие мероприятия – по сути – интернационального характера, но разрабатываемые и реализуемые соответствующими органами внутри страны для внешнего воздействия: разработка и внедрение норм совершения хаджа, направленных на расширение связей внутри исламской уммы; планирование мер по укреплению исламского единства при содействии правительств, религиозных сообществ, общественных институтов, СМИ, исламских учёных и авторитетов; планирование и внедрение достижений в целях сближения и развития исламского цивилизационного строительства при участии исламских авторитетов на базе исламского образования; планирование

⁴³ Ibid. S. 100–103.

деятельности и целенаправленная поддержка отдельной личности и организаций, а также литературных произведений, выступающих за сближение религиозных сообществ в отдельных регионах, странах и исламских сообществах; планирование и внедрение программ сотрудничества в сфере культуры, общественной жизни, экономики, исламской науки и права при участии правительств и исламских институтов, а также авторитетов в этой области; расширение руководства международными совместными и многосторонними коалициями, сетями, организациями при опоре на мир ислама; планирование мер по распространению и внедрению практик по борьбе с сионизмом и империализмом, поддержка сопротивления народа Палестины, соблюдение исламской бдительности с опорой на качественное и количественное увеличение востребованных товаров и услуг для обучения и научных исследований, особенно в сфере культуры в виртуальном пространстве; планирование и внедрение единых образцов исламских связей ИРИ при взаимодействии и координации работы с активными организациями и институтами за границей⁴⁴.

Разумеется, степень практической реализации всех этих глобальных задач требует серьёзного пошагового изучения, и в рамках статьи мы ставим своей задачей познакомить иранистов и всех интересующихся проблемами ИРИ лишь с некоторыми направлениями культурной политики, зафиксированными в анализируемом Плани. Не исключено, что большая часть подробно сформулированных задач останется нереализованной, но приведённый в статье материал поможет понять заинтересованному читателю, в каком направлении строится сейчас и, вероятно, будет строиться культурная политика ИРИ после 2025 г.⁴⁵

⁴⁴ Ibid. S. 103–104.

⁴⁵ Полищук А. И. Перспективный план реализации культурной политики Исламской Республики Иран: общая стратегия и пути решения проблем демографии // Иран в мировой политике XXI века. М., 2017. С. 242–254.

Дискурс «исламская республика» в персидских политических текстах

Дискурс «исламская республика» неразрывно связан с дискурсом «исламская революция», подробно рассмотренным в первую очередь в трудах имама Хомейни, а также в многочисленных работах иранских теологов и политологов.

В настоящей статье предполагается рассмотреть классификацию дискурса «исламская республика» во внешнеполитическом аспекте, а также основные его компоненты в рамках концепции «государство-нация».

За основу исследования внешнеполитического аспекта дискурса «исламская республика» была взята монография «Дискурсивный цикл внешней политики Исламской Республики Иран (от правительства Базаргана до правительства Роухани)» профессора Университета Алламе Табатабаи С. Дж. Дехгани Фирузабади⁴⁶.

Отмечая, что внешнеполитический дискурс «исламская республика» является составной частью дискурса «исламская революция», автор предлагает несколько его классификаций.

По периодизации выделяются два следующих мегадискурса: реалистический *kalāngoftemān-e vāqe'garāyi* и идеологический исламский *kalāngoftemān-e ideoložik-e eslāmi*⁴⁷.

Реалистический мегадискурс *kalāngoftemān-e vāqe'garāyi* опирается на принцип «государство-нация» *dowlat – mellat-e Irān*, и его приоритетом являются национальные интересы Ирана во внешней политике *manāfe'-e melli-ye Irān dar siyāsat-e xāreji*.

⁴⁶ Seyyed Jalāl Dehqāni Firuzābādi. Čarxe-ye goftemāni-ye siyāsat-e xāreji-ye Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān az dowlat-e Bāzargān tā dowlat-e Rowhāni. Tehran, 2014.

⁴⁷ Ibid. S. 22.

Модель «государство-нация» (state-nation) в трактовке международно-правовых документов подразумевает синонимичность понятий «нации» и «государства». Это «социокультурный синтез, поднимающийся над этническими различиями... В политическом смысле эта концепция нашла выражение в идее народного суверенитета»⁴⁸. Модель «государство-нация» применима к многонациональным и мультиэтническим государствам, таким как Индия, Бельгия, Испания, и более характерна для парламентской республики⁴⁹.

Следует отметить, что государственное устройство Исламской Республики Иран, являясь уникальным в своем роде, не вписывается в жесткие рамки европейских политических моделей. Напротив, как отмечает С. С. Хакикат, как парадигма исламской республики противопоставлялась парадигме абсолютизма, так и «парадигма исламской республики – западной парадигме»⁵⁰.

Идеологический исламский мегадискурс *goftemān-e ideoložik-e eslāmi* базируется на принципах исламской уммы, ценностях и интересах ислама *asālat-e ommat-e eslāmi va owlaviyyat-e arzešh-o masāleh-e eslāmi*.

В рамках указанных мегадискурсов в монографии предлагаются две типологические классификации внешнеполитического дискурса ИРИ: первичная классификация *gunešenāsi-ye toqaddamāti* и комбинаторная *gunešenāsi-ye talfiqi*.

В первичной типологической классификации выделяется шесть дискурсов внешней политики ИРИ: реалистический *vāqe'garā (manfa'atmehvar)*, идеалистический *ārmāngarā*

⁴⁸ Кокошин А. А. Государства-нации в современной системе мировой политики. URL: <http://viperson.ru/articles/a-a-kokoshin-gosudarstva-natsii-v-sovremennoy-sisteme-mirovoy-politiki>.

⁴⁹ Миллер А. Нация-государство или государство-нация? // Россия в глобальной политике. 2008. № 5. URL: https://globalaffairs.ru/n_11632

⁵⁰ Хагигат С. С. Дискурсивный анализ Исламской революции // Иран-наме. 2008. № 4 (8). С. 242.

(*arzešmehvar*), прагматический '*amalgarā* (*'amalgarāyi-eqtesādi, maslahatmehvar*), культурно-политический прагматизм '*amalgarāyi-e siyāsi-farhangi* (*farhanggarā, farhangmehvar*), фундаменталистский (консервативный) *osulgarā* (*'adālatmehvar*), умеренный *e'tedālgarā* (*ta'ādolmehvar*)⁵¹.

В реалистическом дискурсе *goftemān-e vāqe'garā* (период временного правительства и правительства Банисадра – 1979–1981) национальные интересы имеют приоритет над исламскими.

Идеалистический дискурс *goftemān-e ārmāngarā*, напротив, сосредоточивает свое внимание на интересах ислама и мусульманской общины. В рамках этого дискурса выделяются два субдискурса – общемусульманский *ārmāngarā-ye ommatmehvar* и центристский идеализм *ārmāngarā-ye markazmehvar*, также ориентированные на принципы исламских ценностей и интересы исламской общины. Этот дискурс доминировал во время ирано-иракской войны (1981–1988).

Прагматический дискурс *goftemān-e 'amalgarā*, преобладавший в период нахождения у власти «правительства созидания» *dowlat-e sāzandegi* под руководством А. Хашеми Рафсанджани (1988–1997), представляет собой нечто среднее между идеалистическим и реалистическим. Его идея – реализм в осуществлении политических целей на основе норм и ценностей ислама. Он опирается на то, что при условии веры в исламские ценности и уважения идеалов ислама необходимо учитывать национальные интересы и нужды народа.

Мирный *goftemān-e solhlgarā* или культурно ориентированный дискурс *goftemān-e farhanggarā* опирается на культурно-цивилизационную составляющую. Его центральная тема – разрядка напряженности *tanešzedāyi*,

⁵¹ Seyyed Jalāl Dehqāni Firuzābādi. Čarxe-ye goftemāni-ye siyāsat-e xāreji-ye Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān az dowlat-e Bāzargān tā dowlat-e Rowhāni. S. 25.

создание доверия *e'temādsāzi* и мирное сосуществование *hamzisti-ye mosālematāmiz* на основе диалога *goftogu*. В соответствии со сценариями этого дискурса, «Исламская Республика Иран... должна стремиться к созданию мирового гражданского общества» – *Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān ... bāyad barā-ye ijād-e yek jāme'e-ye madani jahāni talāš konad*⁵². Культурно-ориентированный дискурс преобладал в период «правления реформ» *dowlat-e eslāhāt*, когда президентом Ирана был С. М. Хатами (1997–2005).

Консервативный дискурс *goftemān-e osulgarā*, ориентированный на справедливость (*ʿadālatmehvar*), доминировал в период президентства М. Ахмадинежада (1998–2013). В его основе – требование справедливости в системе международных отношений.

Центральной темой умеренного дискурса *goftemān-e e'tedālgarā* является «умеренность и равновесие» *ta'ādol-o tavāzon*, подразумевающее сбалансированность идеалов и реальности *ārmān-o vāqe'iyat*. Этот дискурс стал доминирующим после прихода к власти в 2013 г. действующего президента ИРИ Х. Роухани.

Отмечая, что указанная типологическая классификация нуждается в дополнении, С. Дж. Дехгани Фирузабади разработал обобщающую комбинаторную типологическую классификацию *gunešenāsi-ye talfiqi* политического дискурса, включающую в себя два мегадискурса *abargoftemān*: «национал-либерализм» *melligarāyi-ye liberāl* и «исланизм» *eslāmgarāyi*.

Национал-либерализм *melligarāyi-ye liberāl* преобладал во внешней политике ИРИ с 1979 до 1981 г. – отставки президента Банисадра, после этого периода доминирующим политическим дискурсом стал исланизм *eslāmgarāyi*, включивший в себя шесть субдискурсов: идеалистический *ārmāngarā*, реалистический *maslahatgarā*, прагматический *ʿamalgarā*, мирный

⁵² Ibid. S. 26.

solhgarā, консервативный *osulgarā* и умеренный *e'tedālgarā*, по периодизации соотносящиеся с дискурсами первичной типологической классификации⁵³.

С. Дж. Дехгани Фирузабади отмечает, что принципиальные различия в составляющих дискурса «исламская республика» наблюдаются только на уровне «государство-нация» *dowlat – mellat* и «исламизм» *eslāmgarāyi*, в то время как различия в субдискурсах сводятся к частным вопросам⁵⁴.

Остановимся на важнейших характеристиках дискурса «исламская республика» в рамках концепции «государство-нация» *dowlat – mellat*.

Во внешнеполитическом дискурсе «исламская республика» выделяются три основные составляющие: «национальная идентичность» *hoviyyat-e melli*, «сущность» *māhiyyat* и «национальные интересы» *manāfe'-e melli*⁵⁵.

Элементами «национальной идентичности» *hoviyyat-e melli* являются *eslāmiyyat* и *irāniyyat*, «сущности» – «исламская» *eslāmi* и «национальная» *melli*, «интересы» – «исламские» *eslāmi* и «интересы Ирана» *manāfe'-e Irān*.

В первую очередь представляется уместным рассмотреть трактовку терминов *eslāmiyyat* и *irāniyyat*, достаточно сложных для перевода на русский язык.

Термину *eslāmiyyat* в толковых словарях персидского языка дается развернутое определение – «наличие характеристик принадлежности к исламу» *dārā-ye xosusiyyāt-e eslāmi budan*⁵⁶, «мусульманство» *mosalmāni*⁵⁷, однако в политической терминологии более уместным представляется перевод «исламская идентичность», так как перевод «исламизм»

⁵³ Ibid. S. 25–28.

⁵⁴ Ibid. S. 29.

⁵⁵ Ibid. S. 30.

⁵⁶ Anvari H. Farhang-e feshorde-ye sokhan. Do Jeldi [Short Dictionary 'Sokhan']. V. 1. Tehran. S.146.

⁵⁷ Sadri Afshar Q., Hakami Nasrin, Hakami Nastaran. Farhang-e Farsi-ye do Jeldi [Persian Dictionary. Two volumes]. V. 1. Tehran, 2009. S. 166.

уже закрепился за термином *eslāmgarāyi*. При этом необходимо учитывать, что термин *eslāmiyyat* – «исламская идентичность» – применим исключительно для персидского политического дискурса ввиду его тесной связи со спецификой национальной идентичности *hoviyyat-e melli*, подразумевающей синкретизм религии – ислама и доисламских традиций.

Термину *irāniyyat*, на наш взгляд, можно условно поставить знак равенства с термином «национальная идентичность» *hoviyyat-e melli*, поскольку в толковых словарях персидского языка он трактуется как «совокупность специфических черт иранцев и иранской культуры» *majmi'-e vižegihā-ye irāniyān-o farhang-e irāni*⁵⁸.

Далее рассмотрим лингвистический аспект дискурса «исламская республика» как составляющую поля «государство-нация» *dowlat – mellat*.

В дискурсе «исламская республика» можно выделить два модуля политических терминов: 1) в рамках мегадискурса *kalāngoftemān*: «демократия, основанная на вере» (альтернативный термин – «религиозная демократия») *mardomsālāri-ye dini*; 2) в рамках субдискурса *pādgofte mān*: *eslāmiyyat* – «исламская идентичность» («мусульманство») и *jomhuriyyat* – «республиканизм».

1. Специфика демократии, основанной на вере *mardomsālāri-ye dini*, заключается в том, что этот тип демократии, с одной стороны, опирается на «народное равенство в выборах президента, меджлиса исламского совета, Совета экспертов...» *barābari-ye mardomi dar entexābāt-e ra'is-e jomhuri, namāyandegān-e majles-e šowrā-ye eslāmi va xobregān-e rahbari*, с другой стороны, на веру, в принципах и доктринах которой «особое место отводится правам народа» *dar osul-o āmuzehā-ye dini niz hoqiq-e mardom az arzeš-o jāygāh-e viže-i barxordār-ast*. Иными словами, «демократия, основанная

⁵⁸ Anvari H. Farhang-e feshorde-ye sokhan. Do Jeldi [Short Dictionary 'Sokhan']. V. 1. S. 245.

на вере» – своего рода синкретический вид государственного устройства, где народовластие (*mardomsālāri*) сочетается с верой и соблюдением религиозных законов и предписаний (*din*). Народ наряду с верой считается одним из столпов демократического устройства: «В действительности важнейшим, влиятельным столпом этого [государственного] строя после веры является народ» *dar vāqe' mardom pas az din rokn-e mohemm-o ta'sirgozār dar in nezām be šomār miravand*⁵⁹.

В подтверждение демократичности государственного устройства исламской республики, помимо следования законам и установлениям ислама, отмечается необходимость соблюдения гражданских прав и требований народа – *yek-i az elzāmāt-e jāme'e-ye madani re'āyat-e hoquq-o motālebāt-e šahrivandi-st*, а также максимальное равенство и справедливость для всех людей независимо от культурных, религиозных, этнических и языковых различий – *hoquq-e mardom 'am az har farhang, mazhab-o qowm-o zabān dar nahāyat-e 'adālat-o barābari ta'min šavad*.

Еще одну характеристику демократичности дискурса «исламская республика» можно проиллюстрировать высказыванием верховного лидера ИРИ об эффективности перераспределения ресурсов – децентрализации национального богатства страны: «Исламская республика в числе наиболее успешных форм правления в мире провела перераспределение национального достояния из центра во все районы страны – из наиболее благоустроенных городов в менее развитые регионы» – *jomhuri-ye eslāmi dar šomār-e movaffaqatarin hākemiyyathā-ye jahān dar jābejāyi-ye xedmat-o servat az markaz be hamejā-ye kevšar-o az manāteq-e moraffahnešin-e šahrhā be manāteq-e pāyindast-e ān bude-ast*.

Во внешнеполитическом аспекте важно отметить тезис «революционного шиизма» – *šī'e-ye enqelābi*, также

⁵⁹ Jāygāh-e ra'-ye 'omumi dar māmāyi va ostovāri-ye Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān. URL: <http://www.irna.ir/fa/news/ID=82680512>.

характеризующий государственное устройство исламской республики – *Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān be 'onvān-e nezām-e hokumati-ye mobtani bar goftemān-e šī'e-ye enqelābi*. Этот сценарий можно «интерпретировать в рамках борьбы с угнетением и создания системы, основанной на требованиях большинства народа, в противостоянии концепциям и действиям экстремизма» – *in goftemān bā erā'e-ye badil-i ... barā-ye mobāreze bā zolm-o ijād-e nezām-i mobtani bar xāst-e aksariyyat-e mardom dar barābar-e tafakkor-o koneš-e efrātgarāyi*⁶⁰.

Как видно из приведенной цитаты, здесь подчеркивается роль большинства народа (см. ниже).

2. Далее остановимся на характеристиках субдискурса *eslāmiyyat* – «исламская идентичность (мусульманство)» и *jomhuriyyat* – «республиканизм». Приведем цитату из выступления президента ИРИ Х. Роухани: «Наша власть основана на двух принципах: республиканизма и исламизма» – *hokumat-e mā mobtani bar do asl-e jomhuriyyat-o eslāmiyyat-ast*⁶¹.

Термин *jomhuriyyat* тесно связан с термином *eslāmiyyat*. Цитируя президента Роухани, «республиканизм есть продолжение исламских традиций» – *in jomhuriyyat-ast ke dar tadāvom-e eslāmiyyat qarār dārad*.

Термин *jomhuriyyat* – «республиканизм», в частности в трактовке президента Роухани, подразумевает «требования большинства и авторитет народного голосования в определении способов правления страной, а также сменяемость должностных лиц» – *jomhuriyyat ... az xāst-e aksariyyat-o asālat-e ray'-e mardom dar ta'yyin-e rāh-o raveš-e hokumat va ta'yyin-e dowrei-ye mas'ulān-i hekāyat dārad*.

⁶⁰ Seyyed Jalāl Dehqāni Firuzābādi. Čarxe-ye goftemāni-ye siyāsāt-e xāreji-ye Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān az dowlāt-e Bāzargān tā dowlāt-e Rowhāni. S. 25.

⁶¹ Jāygāh-e ra'-ye 'omumi dar mānāyi va ostovāri-ye Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān. URL: <http://www.irna.ir/fa/news/ID=82680512>.

Основной акцент при этом ставится на участии народа в политической жизни страны: «Именно республиканизм... гарантировал политическое участие народа в основных делах государства ... Участие различных слоев населения в политической жизни страны можно считать одной из разгадок тайны стабильности (выживаемости) государственного устройства Исламской Республики Иран» – *hamin jomhuriyyat mošārekāt-e siyāsi-ye mardom dar omur-e asli-ye kešvar rā tazmīn karde-ast... sotuh-e moxtalef-i az mošārekāt-e puyā-ye mardom dar omur-e siyāsi-ye kešvar rā ... mitavān be ‘onvān-e yek-i az rāzhā-ye māndegāri-ye nezām-e Jomhuri-ye Eslāmi Irān yād kard*⁶².

Как уже отмечалось, народу в дискурсе «исламская республика» отводится важнейшая роль: «В учении (букв. доктринах) ислама Бог дал народу право распоряжаться своим трудом. Народ распоряжается своей жизнью и имуществом и передает право распоряжения государству...» – *Dar āmuzehā-ye eslāmi xodāvand extiyār-e kār rā be mardom dāde-ast. Mardom be māl-o jān-e xod solte dārand-o in solte rā be dowlāt vāgozār mikonand*⁶³; «хозяин этой страны – народ» – *sāheb-e in kešvar mellat hastand*⁶⁴.

Характеристики роли (участия) народа – *naqš-e (mošārekāt-e) mardom (mellat)* можно представить в виде следующей классификации:

1) роль народа в поддержании государственного строя: «Поддержание республиканизма и даже исламской идентичности государственного строя зависит от участия народа в политической жизни страны» – *hefz-e jomhuriyyat-o hattā eslāmiyyat-e nezām dar gerov-e tadāvom-e hozur-o mošārekāt-e mardom dar omur-e siyāsi-ye kešvar-ast*⁶⁵;

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Mašru’iyyat-e nezām; motazammen-e ārā’-ye mardom. URL: <http://www.irna.ir/fa/News/ID=82656243>] 10.09.2017.

⁶⁵ Jāygāh-e ra’-ye ‘omumi dar mānāyi va ostovāri-ye Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān. URL: [<http://www.irna.ir/fa/news/ID=82680512>].

2) роль народа в обосновании легитимности государственного строя исламской республики: «Голос народа обеспечивает законность существования государственного строя и правительства» – *mašru'yyatbaxši-ye ra'ye mellat be towjudiyyat-e nezām-o dowlat*⁶⁶. При этом подчеркивается отражение значения народного голосования в нормах ислама: «Требования и голос народа считаются элементом легитимности в исламе» – *xāst-o ra'ye mardom 'onsor-i mašru'yyatbaxš dar eslām talaqqi mišavad*⁶⁷; «народное голосование есть наша легитимность по [светским] законам и шариату» – *ra'-ye mardom mašru'yyat-e qānuni-o šar'i-ye mā-st*;

3) в обосновании роли большинства: «В основе легитимности Исламской Республики Иран, которая зиждется на требованиях большинства народа, с самого основания был глас народа» – *Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān ke bonyān-e ān bar pāye-ye xāst-e aksariyyat-e mardom nahāde šod, az hamān ebtedā ray'-e mardom rā mabnā-ye mašrutiiyyat-e xod qarār dād*⁶⁸.

Следует отметить еще две важных составляющих характеристики роли народа в дискурсе «исламская республика»:

1. Служение власти народу: «Хотя глас народа является гарантом легитимности с точки зрения закона и шариата.. если мы (руководство) не будем служить народу, наш труд не может быть легитимным» – *agarče ra'ye mardom barā-ye mas'ulin-e nezām az nazar-e qānuni-o šar'i mašru'yyatbaxš-ast... agar mā xādem-e mardom nabāšim... kār-e m nāmašru'-ast*⁶⁹. Другой пример: «Убежденность ответственных лиц

⁶⁶ Jāygāh-e ra'-ye 'omumi dar mānāyi va ostovāri-ye Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān. URL: [http://www.irna.ir/fa/news/ID=82680512].

⁶⁷ Mašru'yyat-e nezām; motazammen-e ārā'-ye mardom. URL: http://www.irna.ir/fa/News/ID=82656243] 10.09.2017.

⁶⁸ Jāygāh-e ra'-ye 'omumi dar mānāyi va ostovāri-ye Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān. URL: http://www.irna.ir/fa/news/ID=82680512.

⁶⁹ Там же.

в необходимости служения нации» – *bāvarmandi-ye mas'ulān be xedmatgozāri-ye mellat*⁷⁰.

2. Подотчетность органов власти народу: «Вопрос, которому следует уделять внимание нашему государственному строю – рост роли контроля народа и принуждение ответственных лиц к выполнению своих обязательств, подотчетности и принятию ответственности перед лицом требований народа и национальных интересов» – *porrang šodan-e naqš-e nazārati-ye mardom va vādār sāxtan-e mas'ulān be ta'hhod-o pāsoxguyi-o mas'uliyatpaziri dar qabāl-e motālebāt-e mardom-o manāfe'-e melli mowzu'-i-st ke tavajjoh be ān dar in nezām zaruri-st*⁷¹.

Исходя из анализа политических текстов, можно предположить, что форма демократического устройства Исламской Республики Иран соотносится с формой правления, известной под названием «первичной демократии или демократии участия», где принятие политических решений осуществляется «гражданами, действующими в соответствии с правилами правления большинства»⁷². В качестве иллюстрации можно привести широко распространенный в персидском политическом дискурсе термин «участие народа» – *mošārekat-e mardom*.

Хотелось бы также остановиться на еще одной характеристике дискурса «исламская республика» – его метафоричности. Приведем несколько примеров:

Появление Исламской Республики Иран на политической карте мира характеризуется метафорой «появление Исламской Республики Иран на небосклоне мировой политики» – *zohur-e Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān dar sepehr-e siyāsat-e jahāni*.

⁷⁰ Mašru'iyat-e nezām; motazammen-e ārā'-ye mardom. URL: <http://www.irna.ir/fa/News/ID=82656243>.

⁷¹ Там же.

⁷² Гаджиев К. С. Политология: краткий курс лекций. М., 2013. С. 106.

В заявлении верховного лидера А. Хаменеи, посвященном 40-летию исламской революции, отмечается, что исламская республика не статична (букв. «не является окаменелостью») – *jomhuri-ye eslāmi... motahajjer nist*.

В одной из публикаций, посвященных 38-й годовщине исламской революции, исламская республика сравнивается с саженцем, за многие годы набравшим силу, превратившись в мощное дерево, сумевшее выстоять в вихре событий и водовороте кризисов и явившее миру пример мужества – *šajare-ye jomhuri-ye eslāmi tay-e in sālā be deraxt-i tanumand badal šode-ast; deraxt-i ke dar tondbād-e havādes-o kurān-e bohrānhā pā bar jā mānde va mafhum-e istādegi rā mesdāq baxšide-ast*⁷³.

Связь правительства и народа характеризуется метафорой «связь агента (исполнителя) и работодателя» – *rābete-ye kārgozār-o kārfarmā miyān-e dowlāt-o mellāt*⁷⁴.

В заключение важно отметить, что дискурс «исламская республика» характеризуется динамичностью и гибкостью. Так, в упомянутом выше заявлении верховного лидера отмечается, что исламская республика вступает в новый этап своего существования, при этом ей не чуждо понимание новых реалий, на которые она чутко реагирует: *jomhuri-ye eslāmi dar āqāz-e fasl-e jadid-i az zendegi... dar barābar-e padidehā-o towqe'yyathā-ye now... fāqed-e ehsās-o edrāk nist, ammā be osul-e xod be šeddat pāyband ...ast*. «Политическая деятельность Ирана осуществляется на основе взаимодействия традиционных принципов шариата с задачами, формирующимися в соответствии с реалиями, вытекающими из государственной необходимости и особенностей текущего

⁷³ Sanad-i jahāni – melli barā-ye halāvat-e mozā'ef-e si-o haštomin bahār-e enqelāb. URL: <https://www.irna.ir/news/82416351>.

⁷⁴ Mašru'iyyat-e nezām; motazammen-e ār'-ye mardom. URL: <http://www.irna.ir/fa/News/ID=82656243>.

века», – отмечает в одной из своих статей бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол ИРИ в России М. Санаи⁷⁵.

Дискурс «исламская республика» представляет собой широкое поле для исследования как в политологическом, так и в лингвистическом аспекте.

Литература

- Гаджиев К. С. Политология: краткий курс лекций. М., 2013.
- Дунаева Е. В. Новые политические и социокультурные реалии современного Ирана. Вызовы или перспективы? // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М., 2016.
- Каменева М. С. Политика исламизации в Иране и ее лингвистические последствия // Народы Азии и Африки. 1981. № 5.
- Каменева М. С. Хомейни о современном культурном развитии Ирана // Современный ислам: проблемы политики и идеологии. М., 1982.
- Каменева М. С. О трех подходах к понятию «культура» в ИРИ // Иран при М. Ахмадинежаде. М., 2014.
- Каменева М. С. Иран и международные организации: культурный аспект // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М., 2016.
- Каменева М. С. Взаимоотношения Ирана с сопредельными странами: культурный аспект // Мусульманский мир на исторических рубежах России. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5. М., 2017.
- Кляшторина В. Б. Иран 60–80-х годов. От культурного плюрализма к исламским духовным ценностям. М., 1990.
- Кокошин А. А. Государства-нации в современной системе мировой политики. URL: <http://viperson.ru/articles/a-a-kokoshin-gosudarstva-natsii-v-sovremennoy-sisteme-mirovoy-politiki> (дата обращения: 20.08.2019).
- Месамед В. И. Фестиваль «Искусство сопротивления» в Тегеране. URL: <http://www.iimes.ru/?p=31462> (дата обращения: 10.01.2017).
- Месамед В. И. Иран: власти против Telegram. URL: <http://www.iimes.ru/?p=43977> (дата обращения: 02.05.2018).

⁷⁵ Санаи М. Исламская революция, международное право и диалог цивилизаций // Иран: прошлое и настоящее. М., 2018. С. 263.

Миллер А. Нация-государство или государство-нация? / Россия в глобальной политике. 2008. № 5. URL: https://globalaffairs.ru/n_11632 (дата обращения: 12.08.2019).

Санаи М. Исламская революция, международное право и диалог цивилизаций // Иран: прошлое и настоящее. М., 2018.

Санаи М. Мусульманское право и политика. История и современность. М., 2016.

Хакикат С. С. Дискурсивный анализ Исламской революции // Иран-наме 2008. № 4 (8).

Хатами С. М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. М., 2001.

Anvari H. Farhang-e feshorde-ye sokhan. Do Jeldi [Short Dictionary 'Sokhan']. Tehran.

Iran won't submit to agendas like UNESCO 2030: Ayatollah Khamenei. URL: <http://www.english.khamenei.ir/news/4796> (дата обращения: 12.06.17).

M. Ahmadinejad's Speech at a Ceremony of Commemorating Saadi. URL: <http://www.president.ir/en/21.04.2012> (дата обращения: 06.05.2012).

Bahs-e showra dar bare-ye gonjandan-e amuzesh-e panj zaban-e khareji dar madares va daneshgahha. URL: <http://www.president.ir/fa/94287> (дата обращения: 12.07.2016).

Barname-ye sheshom-e panjsale-ye towsee-ye Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. URL: <http://www.majlis.ir.com> (дата обращения: 02.02.2012).

Jāyghāh-e ra'-ye 'omumi dar mānāyi va ostovāri-ye Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān. URL: <http://www.irna.ir/fa/news/ID=82680512> (дата обращения: 14.09.2017).

Rahbar: Daneshgahha be hich dalili julangah-e jarayanha-ye siyasi nashavad. URL: <http://www.asriran.com>. 11.12.2013 (дата обращения: 08.01.2014).

Ruhani Hassan, Barname-ye dowlāt-e davazdahom "Azadi va amniyyat. Aramesh va pishraft". Tehran, 2017. URL: <http://www.isna.ir/news/96022213789> (дата обращения: 10.06.2017).

Sadri Afshar Q., Hakami Nasrin, Hakami Nastaran. Farhang-e Farsi-ye do jeldi [Persian Dictionary. Two volumes]. V. 1. Tehran, 2009.

Sanad-i jahāni – melli barā-ye halāvat-e mozā'ef-e si-o haštomin bahār-e enqelāb. URL: <https://www.irna.ir/news/82416351> (дата обращения: 14.09.2019).

Sanai Mehdi. Ravabet-e Iran va Asya-ye Markazi: ravandha va cheshmandazha, Daftar-e motaleat-e siyasi va beynolmellali. Tehran, 2011.

Seyyed Jalāl Dehqāni Firuzābādi. Čarxe-ye goftemāni-ye siyāsāt-e xāreji-ye Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān az dowlāt-e Bāzargān tā dowlāt-e Rowhāni. Tehran, 2014.

Siyasat va hokumat dar Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. Daneshgah-e imam Sadegh. Tehran, 2012.

Showra-ye enghelab-e farhangi-ye Iran sanad-e 2030 Yunesco ra az dastur-e kar kharej kard. URL: <http://www.bbc.com/persian/iran-40267378> (дата обращения: 14.06.2017).

Ghanun-e asasi-ye Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. Fasl-e dovvom. Zaban, khatt, tarikh va parcham, 1979.

Mašru'iyyat-e nezām; motazammen-e ārā'-ye mardom. URL: <http://www.irna.ir/fa/News/ID=82656243> (дата обращения: 10.09.2017).

Mamnuiyyat-e tadrīs-e zaban-e englīsī dar barkhi madares-e Iran. URL: <http://norooznews.org/news/2018/01/2/5506> (дата обращения: 05.02.2018)

Naghshe-ye mohandesi-ye farhangi-ye keshvar. Tehran, 2013.

КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Основные форматы и особенности иранской дипломатии

Во второй декаде XXI в. внешнеполитическая деятельность Ирана реализовывалась по целому ряду стратегических направлений, таких как расширение участия страны в процессах мировой политики, обеспечение национальной и региональной безопасности, участие в международных интеграционных процессах, урегулирование международной ситуации вокруг иранской ядерной проблемы, выстраивание отношений со странами-соседями, решение проблемы Каспия. В рамках каждого из этих направлений были реализованы различные подходы к формированию пространства для переговоров и сотрудничества, что позволяет говорить о многоформатной дипломатии Исламской Республики Иран (далее – ИРИ). В рамках данной статьи специальное внимание уделено рассмотрению формата дипломатии треугольников во внешней политике ИРИ в контексте выстраивания двусторонних и региональных отношений. Отметим, что внешняя политика Ирана конца XX – начала XXI в. в российской историографии получила освещение в серии сборников статей, составленных по итогам конференций под эгидой сектора Ирана Института востоковедения Российской академии наук, посвященных Ирану: «Иран: ислам и власть», «Иран: диалог цивилизаций», «Иран: эволюция исламского правления», «Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее» и др. Особое место занимают исследования Института Ближнего Востока (Серия «Ближний Восток и современность», монографические исследования), Фонда стратегической культуры, а также сборники статей Российского университета дружбы народов:

«Диалог цивилизаций: исторический опыт и перспективы XXI века» и «Глобализация и справедливость»¹. Однако проведение комплексного анализа иранской дипломатии периода ИРИ остается пока актуальной задачей отечественной иранистики.

Дипломатия Ирана

Формирование внешней политики и дипломатии Исламской Республики Иран в рассматриваемый период (1979–2019) происходило под влиянием трех основных факторов – исламизации, геополитизации и глобализации², в соответствии с положениями Конституции ИРИ и соотнесенности с государственным курсом на самообеспечение и опору на собственные силы³. За прошедшие сорок лет в сфере внешней политики ИРИ пришлось решать сложные разноаспектные проблемы, что предопределило многоформатность иранской внешнеполитической деятельности. В сфере дипломатии ИРИ это нашло отражение прежде всего в поиске приемлемых для Тегерана форматов сотрудничества при решении задач обеспечения национального развития и безопасности, выстраивании двусторонних и многосторонних отношений в условиях нараставшей региональной турбулентности и трансформации международных отношений. Следует подчеркнуть, что специфика иранской внешней политики в рассматриваемый период

¹ Глобализация и справедливость. М., 2007; Диалог цивилизаций: исторический опыт и перспективы XXI века: доклады и выступления // Российско-иранский междунар. науч. симпозиум, 1–2 февраля 2002. М., 2002.

² Юртаев В. И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М., 2018.

³ Юртаев В. И. Иран в Евразии: вызовы «исламского пробуждения» // Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. М., 2013; Современные российско-иранские отношения: вызовы и возможности // Рабочая тетрадь № XIV, РСМД. М., 2014.

во многом определялась также задачей по выходу страны из международной изоляции, что стало следствием санкционной политики против ИРИ со стороны США и их союзников.

Основной узел стратегических вызовов ИРИ завязан вокруг вопроса о сохранении ее как суверенного и целостного исламского государства, одного из естественных лидеров возможной исламской интеграции. Для строя исламской республики именно принципы независимости и невмешательства во внутренние дела государства являются базовыми, определяющими в системе исламского обоснования внешней политики.

Внешняя политика ИРИ реализуется по пяти уровням. На первом уровне выстраивались отношения двустороннего сотрудничества Ирана со странами-соседями, в число которых входили: Ирак, арабские страны Персидского залива, Пакистан, Афганистан, Туркменистан, Казахстан, Россия, Азербайджан, Армения, Турция. К собственно региональному следует отнести второй уровень присутствия ИРИ в международных отношениях (Ближневосточный регион), поскольку уровни 3, 4 и 5 («мир ислама», «третий мир» и «глобальный мир») отражают различные составляющие глобального измерения внешней политики Ирана и регионально не локализованы. При этом 3-й и 4-й уровни представляют собой разные мир-регионы, а 5-й уровень соотнесен с современными международными отношениями, реализуемыми под эгидой Организации Объединенных Наций⁴. Однако в ИРИ не сложилась «дипломатия пяти уровней», возможно, в силу динамичной и сложной международной ситуации в отношении и вокруг Ирана.

⁴ Юртаев В. И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). М., 2012.

Дипломатия нового международного порядка

Анализ положенной в основание государственного курса ИРИ концепции исламской власти имама Р. Хомейни показывает, что первый рахбар ИРИ (рахбар – высший руководитель) видел будущее Ирана как лидера мира ислама, ведущего участника исламской революции, подающего пример следования исламским путем к объединению мира, где место глобального государства – *Pax Americana*, *Pax Britannica* – займет община мусульман – *Pax Umma Islamica*. Иран стал первым участником исламской революции, экспорт которой во имя создания всемирной мусульманской уммы (общины), согласно Конституции ИРИ, является обязанностью правительства страны (ст. 11). Соответствующая концепция для сферы внешней политики была разработана к 2008 г., согласно которой Иран позиционировал себя в качестве лидера мира ислама.

Отмечая имевшиеся в 1980-е гг. разногласия и противоречия между Ираном и соседними странами Центральной и Западной Азии, зоны Персидского залива, следует особо отметить проблему выхода исламского государства на международную арену, где страны взаимодействовали в рамках секулярной дипломатии. Сведя к минимуму внешнеполитические контакты с США (путем разрыва дипломатических отношений с «Большим сатаной») и СССР («Малым сатаной»), Иран в известной степени упростил себе задачу. Однако ввести исламский стиль в международные отношения методами экспорта исламской революции оказалось невозможным. Более того, Тегеран оказался в международной изоляции. Годы ирано-иракской войны и исламизации «с опорой на собственные силы» только закрепили изоляцию ИРИ на международной арене.

Процесс создания новой дипломатии растянулся на десятилетия. Строя исламскую республику, Иран должен был

демонтировать всю систему шахской дипломатии и подготовить дипломатов новой формации для проведения исламской внешней политики, основы которой после создания ИРИ еще только предстояло заложить, найти свое место в системе международных отношений биполярного мира, выстроенных на геополитическом основании, и войти в процесс глобализации, ставший после 1991 г. (с распадом СССР) мейнстримом развития человечества. Как отмечалось выше, внешнеполитическая деятельность Ирана в период после победы исламской революции развивалась под влиянием трех основных факторов – исламизации, геополитизации и глобализации, – которые имели как объективное, так и практическое измерения.

Первые же шаги Исламской Республики Иран на международной арене показали всю сложность решения этой триединой задачи. Сказалось и отсутствие опыта, в том числе дипломатического, и «революционное нетерпение», что привело к острому противостоянию с США и рядом арабских стран, включая Саудовскую Аравию и Ирак. Поэтому начиная с 1979 г. дипломатии ИРИ пришлось много сил отдавать решению проблемы выхода из ситуации международной изоляции, которая стала следствием проводимой в отношении Ирана американской политики. Эта задача оставалась главной задачей иранской внешней политики вплоть до подписания Совместного Всеобъемлющего плана действий (СВПД)⁵ в 2015 г.

Практически с именем каждого нового президента ИРИ связана очередная попытка найти формат вхождения

⁵ Судя по всему, окончательное решение проблемы выхода из международной изоляции для ИРИ откладывается на неопределенное время. 16 мая 2018 г. президент США Д. Трамп вывел Соединенные Штаты из соглашения по урегулированию иранской ядерной программы, которое заключил его предшественник на этом посту Б. Обама, под предлогом того, что необходимо заключить новый расширенный договор для достижения всеобъемлющей безопасности. Под ней США понимают одновременный контроль над ядерной программой и над программой развития вооружения в Иране.

исламской республики в мировую политику. Устремленность иранского руководства на развитие присутствия Ирана в мире была обусловлена не только нацеленностью на совершение исламской революции. Необходимо было вывести растущую национальную экономику на внешние рынки, снизить давление внутренних социально-экономических и политических проблем.

Здесь необходимо отметить не давшую ожидаемого результата попытку внесения в мировую повестку дня глобальной инициативы «Диалог цивилизаций» (с 1998 г.), предпринятую в канун миллениума тогдашним президентом ИРИ М. Хатами (1997–2005). Начавшийся весьма позитивно (инициатива была поддержана ООН), этот процесс впоследствии был серьезно деформирован в условиях международного давления на Иран с начала 2000-х гг. под предлогом предотвращения доступа ИРИ к ядерным технологиям. Более того, Иран в период президентства Б. Клинтона (1993–2001) прочно попал в список стран-изгоев, который США навязывали миру, желая заклеить враждебные им государства как якобы находящиеся вне международного поля. Последние иллюзии и расчеты Тегерана на дипломатию «диалога цивилизаций» должны были исчезнуть в ходе событий 2003 г., когда ИРИ на международной арене пришлось отстаивать право иметь собственную ядерную программу.

Жесткая позиция и давление со стороны стран Запада не позволили Ирану урегулировать эту проблему на начальной фазе. Проблема иранского «ядерного досье» оказалась неразрывно связана с вопросами обеспечения национальной безопасности, когда возникла угроза прямого военного вторжения и бомбардировок Ирана. Не лишним будет напомнить здесь о созданном США и их союзниками «военном навесе» на западе (Ирак, 2003 г.) и на востоке (Афганистан, 2001 г.) Ирана, а также антииранскую позицию арабских союзников политики Вашингтона на юге, со стороны Персидского

залива. В этих условиях сформировалась ядерная дипломатия ИРИ, не имевшая аналогов в истории мировой дипломатии⁶.

В период президентства М. Ахмадинежада (2005–2013) внешняя политика Ирана проводилась под лозунгом справедливости в рамках доктрины созидательного взаимодействия (с 2009 г.). Новый этап во внешней политике Ирана начался с заявления М. Ахмадинежада летом 2005 г. о «втором старте» ирано-исламской цивилизации. Миссия ИРИ была определена как «создание условий для установления всемирной справедливой власти путем нового возвышения исламской цивилизации»⁷. «Ядерная дипломатия», явившаяся отличительной особенностью иранской внешней политики во второй половине первого десятилетия XXI в., определяла динамику глобального и регионального измерений во внешней политике ИРИ, продолжавшей следовать путем исламской революции. Ядерная программа Ирана в начале XXI в. оказалась квинтэссенцией стратегии развития ИРИ – стратегии, нацеленной на построение глобального общества социальной справедливости на основе «великих традиций исламской цивилизации». Именно в феномене «ядерной дипломатии» проявился тоухидный (то есть целостный, свойственный модели, основанной на исламских ценностях) характер внешней политики ИРИ. Заключение СВПД стало значимым достижением иранской дипломатии, показало ее зрелость и готовность к решению высоких задач международного уровня.

В этой связи можно отметить, что в рамках ядерной дипломатии в качестве вероятного предполагалась реализация сценария «Вовлеченность США – включенность Ирана»

⁶ Об «ядерной дипломатии» Ирана подробнее см.: Современные российско-иранские отношения: вызовы и возможности // Рабочая тетрадь № XIV. РСМД. М., 2014; Юртаев В. И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). М., 2012.

⁷ Юртаев В. И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. С. 22–25.

(предложен в канун начала 2010-х гг. группой ученых под руководством Майкла Оппенгеймера из Нью-Йоркского университета). Однако сделав первый шаг, достигнув подписания СВПД и завершив конфликт по иранской «ядерной программе», Вашингтон не сделал прогнозируемый шаг по признанию интересов Ирана в регионе и выстраиванию на этой основе здесь новой системы региональной стабильности и международной кооперации. Напротив, президент США Д. Трамп отозвал подпись США под этим документом.

После выступлений М. Ахмадинежада в ООН и писем, адресованных народам ряда стран, стало возможно говорить о том, что в период его президентства Иран предложил миру дипломатию справедливости.

Восточная дипломатия стала формироваться в период президентства М. Ахмадинежада и Х. Роухани (с 2013 г.), когда Иран столкнулся с консолидированной негативной в целом позицией стран Запада. Поэтому Тегеран все заметнее стремился к расширению своих отношений с ключевыми странами Азии, такими как Китай (после 2002 г.) и Индия, что дало основание говорить о «повороте на восток – 1» и «повороте на восток – 2» соответственно.

Проведенный анализ показывает, что в ИРИ были реализованы вариативные модели дипломатии, основные характеристики которых задавались положенным в их основание одним или несколькими принципами веры шиитского ислама. Можно предположить, что в логике иранской шиитской теоретической мысли основанием для «идеальной» модели дипломатии Исламской Республики Иран будет синтез всех пяти «принципов веры» (тоухид + адл' + нобовват + имамат + ма' ад).

Вместе с тем необходимо провести тонкую грань между курсом ИРИ на всемирную исламскую революцию и участием в регионализации на пространстве Евразии. В 2010 г.

президент ИРИ М. Ахмадинежад заявил о благоприятной ситуации для начала деятельности по созданию нового международного порядка и выхода из-под господства капиталистического строя. Первым шагом на этом пути должна была стать экономическая самообеспеченность. Тегеран предложил создать союз стран Юго-Западной Азии как «мир-экономику» в будущем мире ислама. Исламская модель развития должна была формироваться в соответствии с иранской моделью, где в основу государственной стратегии развития положен принцип «опоры на собственные силы», что позволяет снижать внешнюю зависимость и выстраивать удобные схемы сотрудничества. Привлекательность такого пути подчеркивали заявленные генеральные ориентиры ИРИ – занять первое место к 2025 г. в экономике, науке и технологиях в регионе в целом, стать «исламской Японией».

Так сформировалась многосторонняя кризисная дипломатия Ирана, квинтэссенцией которой в начале XXI в. стала «ядерная дипломатия» Ирана. В свою очередь, актуальным вызовом оставались отношения со странами-соседями и проблема борьбы за лидерство в Юго-Западной Азии.

Региональная и национальная безопасность

С распадом СССР иранская традиционная внешнеполитическая концепция балансирования между двумя соперничающими силами (в XIX в. между Россией и Англией, с середины XX в. – США и СССР) стала неприемлема в новом мировом порядке. Во-первых, частично потерял свою актуальность один из главных принципов внешней политики ИРИ – «Ни Запад, ни Восток – Ислам» (исчез «Восток»). Во-вторых, с ослаблением Ирака теряла смысл традиционная для геополитики XX в. триада «Иран – Ирак – Саудовская Аравия» (как источник проблем и угроз в рамках стратегии «баланса сил»). Наконец, на фоне угроз Ирану, связанных

с военными заявлениями Израиля и «военным навесом» США на иранских границах, проблема безопасности приобретала глобальное измерение. Неудивительно, что Тегеран начал рассматривать региональные риски в широком стратегическом контексте.

В ситуации дисбаланса сил на Ближнем и Среднем Востоке, что стало закономерным результатом военно-политического присутствия США в регионе с 1990-х гг., Ирану требовалось найти новую парадигму выстраивания международных отношений не только на Среднем Востоке, но со всеми своими стратегическими партнерами. Традиционно в этот круг входили страны ЕС, прежде всего Великобритания, Германия и Франция, а также Япония. В начале XXI века в него вошли ведущие государства Азии, сначала Китай, а затем и Индия, ряд стран Африки. Был взят курс на выстраивание отношений стратегического партнерства с Россией. Новая ситуация выдвинула на повестку дня задачу создания новой региональной системы безопасности и сотрудничества с участием Ирана.

В 1990-х гг. Иран пытался утвердиться в качестве лидера в Центральной Азии (среднеазиатские республики бывшего СССР) и в зоне Персидского залива. А в сфере двусторонних отношений Иран, как и Турция, не смог добиться доминирующих позиций, уступив лидерство Китаю. Как представляется, вхождение в состав организаций арабских стран Персидского залива было в 1990-е гг. одной из главных целей иранской внешней политики. Президент А. А. Хахеми-Рафсанджани заявлял, что Иран стремится к расширению отношений со всеми государствами ССАГПЗ⁸, а также с Советом в целом. В результате этих усилий к середине 1990-х гг. Иран вышел на активный диалог со странами Азии, предлагая различные

⁸ Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Был создан в 1981 г. В него вошли Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Бахрейн, Оман и Катар.

форматы сотрудничества. Иран и арабские страны координировали свою нефтяную политику в рамках ОПЕК, учитывая особенности региональной ситуации, что позволяет говорить, например, о нефтяной дипломатии Ирана. В целом безопасность Ближневосточного региона, с точки зрения ИРИ, должна быть обеспечена исключительно силами региональных государств с обязательным участием Ирана.

Важно подчеркнуть, что уже в 1990-х гг. Иран начал проводить политику формирования вокруг ИРИ регионального союза, «намереваясь в будущем превратить его в блок исламских государств». Для этого была создана ОЭС, интерес к которой усилился в период президентства М. Ахмадинежада (2005–2013)⁹. Однако она оказалась неконкурентоспособной в условиях начавшегося процесса глобализации.

В этой связи отметим, что правительство М. Ахмадинежада реализовывало «идеологический курс» во внешней политике, что означало приоритетность развития отношений с соседними мусульманскими государствами и особое внимание вопросам региональной безопасности.

Напротив, в период президентства А. А. Хашеми Рафсанджани и М. Хатами деятельность Ирана в ОЭС более определялась исходя из приоритетов прагматического подхода и экономической целесообразности.

В период президентства М. Хатами в политический лексикон ИРИ вошел термин, определявший иранскую внешнюю политику как «ирано-исламскую дипломатию»¹⁰.

Ирано-исламское наполнение внешнеполитического курса страны, сохраняя приверженность целям исламской революции, было призвано сохранить каналы диалога с внешним миром в рамках классической светской дипломатии.

⁹ Дунаева Е. В. Иран и ОЭС // Ближний Восток и современность: сб. статей. 2007. Вып. 31. С. 196–201. URL: http://book.iimes.su/wp-content/uploads/2007/r2007sbor_2.pdf (дата обращения: 12.01.2020).

¹⁰ URL: https://studbooks.net/2225220/ekonomika/irano-islamskaya_diplomatiya (дата обращения: 19.01.2019).

В этой ситуации в самом Иране после 1991 г. началась «вторая волна исламского возрождения в ИРИ», что нашло свое проявление в требованиях возрождения «Великого Ирана – от моря до моря».

Все заметнее проявлялся интерес ИРИ и к региону Индийского океана, о чем свидетельствовала активизация внешней политики Тегерана в отношении Индии, стран Африки и Латинской Америки (Венесуэла, Бразилия и др.). Иран активно пытался привлечь на свою сторону страны «третьего мира», страны «мира ислама» и соседей, голоса поддержки которых в ООН и других международных организациях были необходимы ИРИ для прорыва международной изоляции. Среди развивающихся стран такую поддержку Иран получил прежде всего на Африканском континенте.

Культурная и медийная дипломатия

Наряду с использованием методов традиционной официальной дипломатии во внешней политике ИРИ сложилось новое направление – медийная дипломатия, структурирование которой произошло в период 2006–2012 гг. Ведущая роль закреплялась за МИД ИРИ как системным координатором реализации программы действий в области медийной дипломатии¹¹.

Политика Ирана в области культуры делала ставку на персидский язык как один из каналов пропаганды исламских

¹¹ Российские исследователи предложили рассматривать «мягкую силу» во внешней политике Ирана, тогда как иранские исследователи чаще используют термин «культурная дипломатия» или «медийная дипломатия». Амир Хушенг Афшарпур. Медийная дипломатия. URL: <https://articlekz.com/article/10957> (дата обращения: 11.01.2020); Курылев К. П., Никулин М. А., Гончарова А. А. «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 46–55.

идей в соседнем государстве и создание сети культурных представительств ИРИ и исламских университетов.

Треугольная дипломатия

В Азии треугольные альянсы с участием Ирана в том числе были известны и в условиях биполярного мира второй половины XX в., но инициировались они, как правило, на глобальном уровне, и прежде всего – США. Важно отметить, что традиционно в фокусе внимания оказывалась их геополитическая направленность. Найденный Е. М. Примаковым формат стратегического треугольника («треугольник Примакова») сработал не только в варианте Россия – Индия – Китай, но в середине 2010-х гг. стал одним из самых распространенных форматов, воспринятых иранской дипломатией, который отчасти определяет процесс структурирования новой системы международных отношений в Евразии.

Итак, значимым инструментом внешней политики ИРИ стала треугольная дипломатия. Фактически она складывается в 1990-е гг. Идея создания стратегического треугольника Иран – Китай – Россия впервые была высказана в 1997 г. президентом ИРИ А. А. Хашеми-Рафсанджани¹², решавшем ставшую «традиционной» проблему выхода страны из международной изоляции. Оценивая усилия Тегерана, наблюдатели в 2007 г. сделали предположение о возникающем стратегическом альянсе на Ближнем Востоке по оси Тегеран – Багдад – Дамаск (Иран – Ирак – Сирия).

Руководство ИРИ привлекал и четырехсторонний формат (Баку – Ереван – Москва – Тегеран), поэтому допускалось и расширение формата нового альянса: Анкара – Багдад – Дамаск – Тегеран. После прихода к власти исламских сил

¹² Mjhsen Sahriatinia. Iran – China – US Triangle. October 28, 2011. URL: http://www.iranreview.org/content/Documents/Iran%E2%80%93China%E2%80%93US_Triangle.htm (дата обращения: 19.01.2020).

в Египте в 2011 г. экспертное сообщество начало обсуждать перспективы египетско-ирано-турецкого треугольника¹³.

Во второй декаде XXI в., после присоединения России к международным усилиям в противодействии Исламскому государству (запрещено в РФ) в Сирии, эксперты стали называть новые возможные стратегические треугольники, среди которых «сирийский» треугольник Иран – Россия – США. В условиях формирующейся новой Евразии меняется и иранское видение региональной безопасности. Иран настойчиво говорит об актуальности формирования альянса Пекин – Москва – Тегеран¹⁴. Следует подчеркнуть, что концепция «Великого шелкового пути» подразумевает экономическую интеграцию, финансовое и политическое взаимодействие, общую логистику и инфраструктуру.

В Азии традиционно выделяются «центры силы» или государства, отношения между которыми определяют баланс сил в том или ином регионе. Так, на Среднем Востоке было принято говорить о стратегическом треугольнике Ирак – Иран – Саудовская Аравия. Данный треугольник образовывали страны-лидеры зоны Персидского залива, включенные в контекст системы международных отношений биполярного мира. Шахский Иран рассматривался США в качестве «жандарма региона» и одновременно призван был выполнять роль центрального игрока в треугольнике обеспечения безопасности Индийского океана (Австралия – Иран – ЮАР). При шахе Иран активно продвигался в Индийском океане, вплоть до ЮАР, и претендовал на роль регионального

¹³ Пепе Эскобар. Как Китай, Россия, Индия и Иран обкладывают Вашингтон со всех сторон. URL: <http://russia-insider.com/ru/politika/kak-kitay-rossiya-indiya-i-iran-obkladyvayut-vashington-so-vseh-storon/ri9105> (дата обращения: 12.12.2019).

¹⁴ Mustafa al-Labbad. February 19, 2013. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/politics/2013/02/egypt-turkey-iran-relations.html> (дата обращения: 19.12.2019).

силового центра, которого подчас именовали в прессе «жандармом Среднего Востока»¹⁵.

Таким образом, треугольные альянсы были известны в Азии в XX в., но инициировались они, как правило, на глобальном уровне лидерами биполярного мира, прежде всего – США. Важно отметить, что традиционно в фокусе внимания оказывалась их геополитическая, т.е. конфликтная составляющая и направленность. Подобный акцент наблюдался и в других форматах международных отношений – между двумя соседними государствами (Северная и Южная Кореи, Индия – Пакистан, Иран – Ирак и др.) – в региональных спорах (на Ближнем Востоке и др.).

Тенденция к привлечению третьих стран к сотрудничеству Ирана со своими северными соседями проявилась и в отношениях с Арменией. За прошедшие годы сложилась достаточно устойчивая политическая и экономическая ось – Армения – Иран – Греция. Геополитические соображения лежали, например, в основе попытки Тегерана выстроить квадрат Тегеран – Москва – Баку – Ереван с целью противодействия гегемонии США в регионе. В свою очередь, Армения демонстрировала заинтересованность в укреплении геополитических позиций Ирана, расценивая это как противовес региональному влиянию Турции и, шире, турецко-азербайджанскому тандему¹⁶.

Формат Иран – Туркменистан – Казахстан призван обеспечить реализацию транзитного потенциала стран региона с учетом проблемы наземного сообщения между Ираном и ЕАЭС, вопросов, связанных с принципиальной туркменской политикой неприсоединения и возможностями сотрудничества в рамках международной инициативы КНР «Один пояс – один путь».

¹⁵ Mohammad Reza Pahlavi. *Be sy-ye tamaddon-e bozorg*. Tehran, 1968. S. 218.

¹⁶ URL: <http://www.azerizv.az/article.php?id=412&print=1> (дата обращения: 20.12.2019).

В начале 2019 г. действовал трехсторонний формат на президентском уровне Иран – Азербайджан – Россия, на министерском уровне Иран – Азербайджан – Турция (создан в 2011 г. на трехсторонней встрече министров иностранных дел в г. Урмия, Иран).

Иран полагал целесообразным и возможным создание трехстороннего механизма Иран – Армения – Грузия. Здесь приоритетом является соединение иранских портов в Оманском проливе и Персидском заливе (Чабахар, Бендер-Аббас, Бушер, Имам Хомейни, Хорремшехр) с грузинским портом Батуми на Черном море. Проект «Южная дорога» из Армении в Иран с дальнейшим выходом на грузинскую железнодорожную систему позволит создать транзитную сеть Ирана, Армении и Грузии.

Формат Иран – Армения – Россия призван обеспечить формирование зоны свободной торговли между тремя странами и реализацию инвестиционной программы Международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг» по маршруту Иран – Армения – Грузия – Россия, а также строительство коридора Иран – Азербайджан – Россия.

Платформа Азербайджан – Турция – Иран дала возможность Ирану выйти на участие в мировых транснациональных инфраструктурных проектах.

Как отмечали исследователи, важное место в активной региональной политике, сочетающей элементы традиционного для Ирана стремления к доминированию в регионе и панисламского лидерства, занимает преимущественно идеологический концепт «арийского единства», подразумевающий интеграцию стран этого иранофонного региона и создание в перспективе некой этноориентированной оси Тегеран – Кабул – Душанбе. В июле 2006 г. по итогам встречи президентов Афганистана, Ирана и Таджикистана в Душанбе было принято решение о создании трехсторонней комиссии

по сотрудничеству с координационным центром в Кабуле¹⁷. 22 мая 2016 г. на встрече президентов Афганистана, Индии и Ирана в Тегеране был дан старт трехстороннему формату Иран – Индия – Афганистан.

На южном фланге Иран стремится к более тесному взаимодействию с Индией, в том числе учитывая ее особые отношения с США. Одним из оснований геополитической стратегии Индии в Центральной Евразии является противодействие силам политического ислама и международного терроризма с целью сохранения действующей системы региональных международных отношений в регионе на принципах неконфессиональности. Фактически в Центральной Евразии материализуется тенденция к достижению «тройственного согласия» Индии, Ирана и России, союз которых способен сдерживать геоэкономическую и геополитическую экспансию Китая в регионе. Намечающийся союз между Ираном и Индией опирается на геоэкономические проектные основания (энергетическая безопасность, газопровод Иран – Пакистан – Индия, МТК «Север – Юг») и может быть развернут в любом направлении. Одним из важных направлений сотрудничества в рамках треугольника Индия – Иран – Россия может стать выработка общей политики в отношении Афганистана, нацеленной на достижение урегулирования конфликтной ситуации в этой стране.

Еще одним треугольником с участием ИРИ может стать союз по линии Иран – Пакистан – Китай. Иран и Пакистан все более заметно демонстрируют обоюдную заинтересованность в более сбалансированных отношениях и сотрудничестве¹⁸. В планах сторон также масштабные энергетические и транспортные проекты, проблема Афганистана.

¹⁷ РИА Новости. 26.07.2006.

¹⁸ Россия – Иран: тонкости восточной дипломатии. 30 марта 2017. URL: <http://polit-mir.ru/rossiya-iran-tonkosti-vostochnoy-diplomatii-7777.html> (дата обращения: 12.12.2019).

Результаты переговоров в формате треугольника Иран – Россия – Турция свидетельствовали об эффективности этого сотрудничества. Так, например, удалось предотвратить военную операцию в сирийской провинции Идлиб и достичь договоренности о создании здесь демилитаризованной зоны вдоль линии соприкосновения правительственных войск Сирии и вооруженной оппозиции. Значимость этого шага подчеркивается тем, что фактически речь идет о восстановлении Дамаском контроля над этой территорией и окончании масштабного военного противостояния в Сирии¹⁹.

В заключение можно отметить, что интерес к созданию многосторонних механизмов с участием Ирана стал особенно заметен в 2016 г. Треугольная дипломатия ИРИ все заметнее выстраивается по региональному принципу: Индостан, Среднеазиатский регион, Кавказ, Ближний Восток. Подобно России²⁰, Иран находится на перекрестье критических линий Азии, образующих с древности матрицу Великого шелкового пути. Новая «сборка», скорее всего, произойдет по этому континентальному пути (Индия – Иран – Россия и др.). Какую модель дипломатии предложит миру Х. Роухани, заявивший в 2013 г. о готовности внести изменения в иранскую внешнюю политику? Полагаю, что принцип тоухидности применительно к сфере дипломатии будет выполнять методологическую функцию, обеспечивая гармоничное воплощение всех пяти принципов веры в идеологии и практике внешнеполитической деятельности как неотъемлемой составляющей государственного курса Исламской Республики Иран.

¹⁹ Глава МИД Ирана заявил, что дипломатия помогла предотвратить войну в Идлибе. URL: <https://www.discred.ru/2018/09/18/glava-mid-irana-zayavil-cto-diplomatiya-pomogla-predotvratit-voynu-v-idlibe/> (дата обращения: 12.12.2019).

²⁰ Kaura Vinay. India and Iran: Challenges and Opportunity. September 11, 2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/09/india-iran-relations-challenges-and-opportunity/> (дата обращения: 21.12.2019).

В канун 40-летия Исламской Республики Иран диверсификация стратегических ориентиров ИРИ в сфере внешней политики происходила как под влиянием менявшейся международной ситуации в регионе, так и евразийских инициатив, предложенных Китаем («Один путь», 2013 г.) и Россией (создание Евразийского экономического сообщества – ЕАЭС, 2014 г.). Одновременно Тегеран должен был противостоять планам США по его сдерживанию. Как представляется, международная изоляция и растущая нестабильность на границах, не соответствовавшая представлениям иранского руководства о величии и безопасности страны, потребности развития, способствовала возникновению нового стратегического направления во внешней политике ИРИ – «треугольной дипломатии», что не имело аналогов в международной практике.

Влияние революции 1979 г. на внешнюю политику

Исламская революция 1979 г. коренным образом изменила внешнеполитический курс Ирана и перестроила всю систему международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Это объясняется тем, что пришедшее к власти в Иране шиитское духовенство полностью отмежевалось от приоритетов внутренней и внешней политики шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Исламское руководство страны небезосновательно считало, что сохранение предшествующего курса создаст почву для сил, стремящихся отстранить религиозных деятелей от власти, подорвет исламский режим и приведет к восстановлению прежней системы государственного управления.

Основы внешней политики были сформулированы в речах верховного лидера ИРИ и в конституции страны. В первую очередь аятолла Хомейни, стоящий во главе

Исламской Республики Иран, выступал за продолжение исламской революции как внутри страны, так и за ее пределами. Он считал, что распространение идеологием революции имеет ключевое значение для образования единой исламской уммы и установления нового мирового порядка, основанного на мусульманских ценностях. Это положение, известное как концепция «экспорта исламской революции», во многом определило важнейшие направления внешней политики правительства ИРИ. Другая первостепенная цель состояла в спасении угнетенных народов во всем мире при «полном отрицании колониализма и предотвращении иностранного влияния». Последнее, в частности, подразумевало отрицание любых видов «господства над Ираном либо со стороны Ирана», сохранении независимости и территориальной целостности государств, защите прав всех мусульман и непринятии на себя обязательств перед «гегемонистскими державами»²¹. «Ни Запад, ни Восток, а исламский Иран», – говорил аятолла Хомейни²².

Эти положения вошли в свод законов Исламской Республики Иран, который был принят 15 ноября 1979 г., а позднее – в Перспективный план развития Ирана до 2025 г., одобренный в 2005 г. В обоих документах подчеркивалось, что цели внешней политики могут быть реализованы только в сочетании с «опорой на собственные силы» исламского государства и при обеспечении самодостаточности в науке, технике, промышленности, сельском хозяйстве и военной области.

С первых дней существования Исламской Республики Иран руководство страны активно претворяло в жизнь свои задачи. В центре внимания Тегерана находились регионы

²¹ Конституция Исламской Республики Иран. Глава 10. Статья 152. С. 48. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

²² Авдеев Г. П. Шиитское духовенство и ирано-американские противоречия // Азия и Африка сегодня. 2007. № 1. С. 28.

Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, отношения с Соединенными Штатами Америки и политика в отношении Израиля.

С 1979 г. методы проведения внешней политики Ирана видоизменялись и диверсифицировались, что определялось основными векторами развития международной обстановки и соотношением сил между сторонниками консерваторов и либералов в руководстве Ирана. Но ее основные принципы и задачи оставались неизменными на протяжении четырех десятилетий.

Авторы данной главы сконцентрировали свое внимание на региональном треке политики ИРИ и на противостоянии Тегерана и Вашингтона как системообразующих факторов всей парадигмы иранской внешней политики.

Антиамериканизм – важнейший вектор иранской внешней политики

Антиамериканизм проходит красной нитью через всю историю Исламской Республики Иран и является важнейшей доминантой иранской внешней политики.

Сразу после революции руководство Ирана денонсировало ирано-американские экономические и военно-политические договоры, заключенные шахом Мохаммедом Реза Пехлеви и шахом Реза Пехлеви, вышло из СЕНТО, ликвидировало американские базы на территории страны, разорвало дипломатические отношения с США. Стоит при этом отметить, что, представ в своей полной противоположности, отношения с США продолжали оставаться центральным аспектом иранской внешней политики, от которого зависели многие другие направления внешнеполитической парадигмы Тегерана, в частности в области отношений с Европой. При этом политика Ирана в отношении США в послереволюционный период оказалась теснейшим образом связанной

с внутривнутриполитической обстановкой в ИРИ, с борьбой различных сил за влияние и доминирующее положение в государственном аппарате. Религиозное руководство широко использовало развернутые антиамериканские кампании для упрочения своих позиций. Характерным примером этому стал захват заложников в американском посольстве 4 ноября 1979 г. Он произошел на фоне обсуждения проекта Основного закона ИРИ, и многие представители либеральной буржуазии высказывали недовольство тем, что верховная власть в стране определялась принципом «веляят-е факих» и сосредотачивалась в руках одного лица. В этих условиях захват заложников получил одобрение Хомейни и его сторонников и был использован ими для упрочения своего влияния. А документы, захваченные в американском посольстве в Тегеране, дали возможность скомпрометировать многих противников верховного лидера. Превращение американских дипломатов в заложников, несмотря на безусловное нарушение международных норм, стало в глазах иранского народа символом победы над американской сверхдержавой. Оно отвлекло массы от оставшихся нерешенными внутривнутриполитических проблем и послужило фактором сплочения народа вокруг традиционного духовенства.

Стоит отметить своеобразную преемственность во внешней политике руководства ИРИ и шахского Ирана. Шах Мохаммад Реза Пехлеви рекламировал дружбу с США и особые отношения с этой страной для укрепления своих позиций, а Хомейни и его группировка эксплуатировали в этих же целях чувство ненависти к США. При этом традиционная для Ирана модель использования иностранного государства внутренними силами в борьбе за власть осталась неизменной.

Антиамериканская позиция Тегерана стала триггером разработки Вашингтоном комплекса политических, экономических и военных мероприятий, получивших название «кризисного реагирования». Их основная задача была добиться

всесторонней изоляции Ирана на международной арене. Помимо этого, политика Тегерана стала одной из причин реализации «доктрины Картера», одобряющей применение американской военной силы в Юго-Западной Азии для защиты национальных интересов США, и привела к расширению американского военного присутствия в регионе. «Пусть наша позиция будет абсолютно ясной: попытки каких-либо внешних сил получить контроль над регионом Персидского залива будут рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено любыми военными средствами, в том числе военной силой», – подчеркивал президент Дж. Картер в своем послании Конгрессу 23 января 1980 г.²³

В развитии ирано-американских отношений наблюдались различные периоды. Иногда конфронтация снижалась и казалось, что стороны могут начать двусторонний диалог по наиболее важным вопросам. Например, с приходом президента М. Хатами, выступившего в 1998 г. с трибуны 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с предложением начать «диалог цивилизаций» и не допустить их «столкновения»²⁴, напряженность смягчилась. В ответ на это М. Олбрайт (государственный секретарь США в 1997–2001 гг.) 17 марта 2000 г. отметила, что президент Клинтон одобряет начало диалога между американским и иранским народами через расширение научных, культурных и спортивных контактов²⁵. Помимо этого, государственный секретарь извинилась перед Ираном за ключевую роль США в перевороте 1953 г. в Иране, в результате которого премьер-министр М. Моссадек потерял власть, и отметила, что этот переворот приостановил

²³ URL.: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v18/d45> (дата обращения: 17.11.2019).

²⁴ Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. N.-Y., 1997.

²⁵ URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/2000/000317.html> (дата обращения: 02.03.2019).

поступательное политическое развитие Ирана²⁶. Со своей стороны, Тегеран поддержал военную операцию США в Афганистане после событий 11 сентября 2001 г. и активизировал контакты с представителями Вашингтона в целях противодействия Движению Талибан. Иранская сторона добровольно представляла развединформацию о лидерах движения, оказавшуюся весьма полезной для Пентагона²⁷. А впоследствии сыграла значительную роль в подготовке и проведении Боннской конференции по Афганистану в 2001 г. Американские дипломаты высоко оценили усилия Ирана по урегулированию ситуации в Афганистане. Так, Дж. Доббинс, в то время – посол США в Афганистане, возглавлявший американскую делегацию, отметил значительную роль Тегерана в достижении результатов конференции, на которой был согласован состав и полномочия переходного правительства в Кабуле и определена последовательность государственных реформ. Он называет 2000–2001 гг. периодом самых конструктивных отношений между США и ИРИ после революции 1979 г. в Иране²⁸.

Однако сближения сторон не произошло, и, наоборот, отношения резко обострились после того, как президент Дж. Буш-младший (2001–2009 гг.) в 2002 г. в обращении к Конгрессу заявил, что руководство Ирана проявляет агрессивное стремление овладеть оружием массового поражения, экспортирует террор и продолжает подавлять надежду иранского народа на свободу. В этой речи он впервые включил Иран в «Ось зла», наряду с Ираком и КНДР²⁹. Такое

²⁶ Там же.

²⁷ URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/01/03/when-united-states-qasem-soleimani-worked-together/> (дата обращения: 17.04.2019).

²⁸ URL: <https://www.rand.org/blog/2007/07/how-to-talk-to-iran.html> Chtwb-fkmysq (дата обращения: 07.12.2019).

²⁹ Text of president G. W. Bush's State of the Union Address 29.01.2002. URL: <http://www.johnstonsarchive.net/policy/bushstun2002.html> (дата обращения: 15.04.2019).

ужесточение позиции Вашингтона объяснялось не только различными подходами к отношениям с Ираном между Демократической партией, к которой принадлежал 42-й президент США Б. Клинтон, и Республиканской партией, стоящей за 43-м президентом Дж. Бушем, но и тем, что в начале 2000-х гг. появились факты, предоставленные Организацией моджахедов иранского народа³⁰, об активных действиях Тегерана по реализации его ядерной программы.

Период радикально настроенного президента М. Ахмадинежада (2005–2013) в Иране характеризовался резким противостоянием США и ИРИ. Напряженность усилилась после решения президента ИРИ расконсервировать программу по обогащению урана на территории ИРИ, замороженную президентом М. Хатами. При этом М. Ахмадинежад сопровождал свои действия яркой антиамериканской риторикой. Например, в 2010 г. с трибуны 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН он заявил, что правительство США стояло за организацией террористической атаки 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. В ответ на действия Тегерана администрация Дж. Буша ввела новые санкции против иранских банков и компаний, имеющих отношение к атомной и оборонной промышленности Ирана.

Новое смягчение отношений между Ираном и США произошло начиная с 2013 г., когда в Иране после М. Ахмадинежада был избран более прагматичный президент Х. Роухани. А в США президент Б. Обама, принадлежащий к Демократической партии, не выходя за рамки общего направления политики Белого дома в отношении Ирана, достаточно реалистично рассматривал опасность распространения ядерного оружия в регионе Ближнего и Среднего Востока. Он осознавал необходимость заключения соглашения с руководством

³⁰ Организация моджахедов иранского народа – иранская леворадикальная организация, ведущая борьбу против Исламской Республики Иран, признана террористической организацией в Иране и Ираке.

Ирана, которое могло бы поставить ядерную политику Ирана под контроль мирового сообщества. В русле этой политики в результате длительных международных переговоров с участием Великобритании, Германии, Европейского союза, Китая, России, Франции и США такой документ, получивший название Совместного Всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (СВПД), был принят в 2015 г. С одной стороны, он снимал часть важнейших экономических санкций, введенных против Ирана, с другой – исключал для Ирана возможность разработки ядерного оружия. А президенты Ирана и США рассматривали принятие взаимных обязательств Тегераном и ведущими мировыми державами как свое основное достижение в области внешней политики.

После вступления в должность в январе 2017 г. президента Д. Трампа, жестко отстаивающего ценности Республиканской партии, ситуация в ирано-американских отношениях резко изменилась из-за отказа президента США продолжить курс прежней администрации на ведение конструктивного диалога с Ираном. Для Вашингтона оказалось неприемлемым усиление Тегерана в результате получения политических, финансовых и экономических дивидендов от заключения «ядерной сделки». Это связано с тем, что вашингтонский истеблишмент рассматривал и рассматривает правящий режим в ИРИ как экзистенциальную угрозу своим интересам и интересам своих ближайших союзников в регионе, в первую очередь Израиля и Саудовской Аравии. Он считает, что действия Тегерана представляют значительно бóльшую опасность, чем деятельность исламистских террористических организаций, поскольку существование последних имеет лишь временный характер.

Эта стратегия нашла свое отражение в важнейших внешнеполитических документах США: Акте о дестабилизирующих

действиях Ирана³¹ в июне 2017 г., одоббившим санкции против КСИР и индивидуальные санкции против тех, кто был связан с программой баллистических ракет Ирана в так называемой Новой стратегии по Ирану³² в октябре 2017 г. и Стратегии национальной безопасности США в декабре 2017 г.³³ Опасность, как полагают в Вашингтоне, заключается в укреплении позиций и расширении возможностей Тегерана в регионе, в первую очередь в Сирии и Ираке, а также поддержки Ираном организации Хезболла и развитии его ракетной программы. Особое беспокойство в этом контексте вызвали участвовавшие в 2017 г. контакты между представителями КНДР и ИРИ, которые, по мнению американцев, сопровождались обменом ракетными технологиями.

Намерение американского руководства не только вводить новые санкции против Ирана, но и восстановить весь комплекс финансовых и экономических ограничений, отмененных после заключения СВПД, привело к решению президента Д. Трампа 8 мая 2018 г. выйти из соглашения по иранской ядерной программе. На наш взгляд, на решение президента США во многом повлияли его предвыборные обещания и желание показать несостоятельность всех внешнеполитических шагов президента Б. Обамы и политики Демократической партии в целом.

Иран, в свою очередь, оставался долгое время приверженным выполнению всех обязательств в рамках договоренности, что неоднократно подтверждалось МАГАТЭ, рассчитывая продолжить сотрудничество с международным сообществом. Однако, столкнувшись с зависимой позицией

³¹ Countering Iran's Destabilizing Activities Act of 2017. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/congress-the-middle-east-s-722> (дата обращения: 13.12.2019).

³² URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-new-strategy-iran/> (дата обращения: 09.09.2019).

³³ URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-trump-on-the-administrations-national-security-strategy-ru/> (дата обращения: 03.11.2019).

иностранных компаний, не желавших попадать под вторичные американские санкции, начиная с мая 2019 г. стал поэтапно сокращать свои обязательства, не прекращая при этом сотрудничества с Агентством.

Напряженность в отношениях ИРИ и США достигла своего пика в самом начале 2020 г. после ликвидации Военно-воздушными силами США командующего силами специального назначения Кодс Корпуса стражей исламской революции генерала К. Сулеймани в результате ударов беспилотников в районе международного аэропорта Багдада. Вместе с иранским генералом погиб заместитель руководителя коалиции Аль-Хашд аш-Шааби (Силы народной мобилизации Ирака) Махди Аль-Мухандис и еще 10 человек из их окружения. Впервые Белый дом отдал приказ ликвидировать крупного государственного деятеля независимого государства на территории другого независимого государства, нарушив не только общепринятые международные нормы, но и исторически сложившиеся правила межнационального поведения на Востоке.

Кризис в американо-иранских отношениях, наступивший после этого террористического акта, имел шансы перерасти в более широкий региональный или даже мировой конфликт. Однако позиция обеих сторон по выходу из этой сложной ситуации показала, что в тот момент, несмотря на остроту противоречий, прагматизм и рациональность являлись основой стратегических внешнеполитических решений как в Тегеране, так и в Вашингтоне.

Региональная политика ИРИ

Наряду с американским треком региональная политика ИРИ занимает важнейшее место в иранских внешнеполитических приоритетах. Как до исламской революции, так и после нее иранское руководство рассматривало отношения

со странами региона с точки зрения распространения своего идеологического влияния, продвижения национальных интересов Ирана и как средство укрепления безопасности страны.

Мы уже отмечали, что после революции 1979 г. руководство ИРИ изменило всю парадигму внешней политики Ирана. Были разорваны отношения с Израилем и Египтом, переориентированы двусторонние отношения с арабскими странами, изменена позиция в арабо-израильском конфликте и подходы к его урегулированию³⁴.

Тегеран взял на себя роль «лидера борьбы исламских народов против сионизма, за освобождение Иерусалима» и восстановление «попранных прав мусульманского народа Палестины». «Существует только одно решение палестинской проблемы, решение, которое мы предложили несколько лет назад. Нужно провести референдум с участием всех коренных палестинцев, включая мусульман, иудеев и христиан, а также тех палестинцев, которые живут на оккупированных территориях и за их пределами. Правительство, которое придет к власти по результатам референдума, независимо от того, будет ли оно мусульманским, христианским, еврейским или коалиционным, будет опираться на волю палестинского народа», – писал аятолла Хомейни³⁵.

Поддержка палестинского народа не ограничилась устными заявлениями. ИРИ заявила об официальном признании ООП, разрешила ей открыть свое представительство со статусом посольства в Тегеране, а также пригласило Ясира Арафата в Тегеран в феврале 1979 г. Моральная и дипломатическая поддержка сочеталась с финансовой и военной, которая ярко проявилась в помощи при обеспечении деятельности Хезболлы в Ливане. Лидеры Хезболлы ставили своей

³⁴ Стоит отметить, что шахское правительство в противоположность этому пыталось совместить тесные отношения с Израилем и проарабскую позицию в Палестинском вопросе.

³⁵ URL: <https://sajjadi.livejournal.com/100414.html> (дата обращения: 06.06.2019).

целью покончить с израильским присутствием в Ливане и в конечном итоге создать там государство, основанное на принципе «веляят-е факих». Во многом благодаря Ирану Хезболла – изначально маргинализованный вооруженная группировка – к концу XX в. превратилась в мощную военно-политическую силу, играющую существенную роль при решении конфликтов в зоне Ближнего Востока. В русле этой политики Иран резко выступил против плана президента Трампа по мирному урегулированию между Израилем и Палестиной, обнародованного 28 января 2020 г. В речи 5 февраля 2020 г., обращаясь к представителям различных социальных слоев, верховный лидер Али Хаменеи призвал палестинские вооруженные группировки сопротивляться плану Трампа, а все мусульманские страны поддержать палестинцев. Он заявил о готовности усиливать поддержку Ирана в борьбе палестинского народа: «Мы верим, что палестинские вооруженные группировки продолжают свое сопротивление, а Исламская Республика Иран рассматривает поддержку палестинцев как свой долг... Мы будем поддерживать их всеми силами так долго, как сможем. Это желание исламского режима и иранской нации»³⁶. Верховный лидер жестко осудил те арабские страны, которые одобрили план Трампа, сделав особый акцент на неконструктивной политике руководства Омана, Бахрейна и ОАЭ.

На наш взгляд, безоговорочная поддержка ООП и анти-израильская позиция Ирана определяется не столько идеологическим или религиозным противостоянием Тель-Авива и Тегерана, сколько желанием сделать шиитский Иран лидером борьбы исламских народов против сионизма, за освобождение Иерусалима и восстановление прав народа Палестины. Это особенно важно в регионе, где большинство населения составляют арабы-сунниты.

³⁶ URL: <http://english.khamenei.ir/news/7353/Everyone-who-is-interested-in-Iran-and-its-security-should-participate> (дата обращения: 03.03.2019).

В Перспективном плане развития до 2025 г. говорится, что Иран должен стать в середине 20-х гг. лидером региона. Это направление стало ключевым после повторного избрания президента Х. Роухани в 2017 г., когда «Новый поворот на Восток» и развитие отношений с сопредельными странами были объявлены первостепенными задачами иранской внешней политики. В условиях осложнения отношений с Западом Иран сконцентрировался на укреплении шиитской дуги от иранских до израильских границ и обеспечении функционирования сухопутного транспортного коридора Иран – Ирак – Сирия – Ливан с выходом в Средиземное море. В этой связи отношения с Сирией, Ираком и Афганистаном стали приоритетными для иранского руководства. При этом санкции, введенные президентом США Д. Трампом после выхода из СВПД, приводят к сокращению финансовых возможностей Ирана, что непосредственным образом ограничивает поддержку проиранских сил в регионе как по линии правительственных организаций, так и по линии исламских фондов.

Поскольку сирийский вектор иранской политики будет подробно рассмотрен ниже, остановимся лишь на нескольких ключевых моментах ирано-сирийских отношений. После революции 1979 г. отношения с САР в целом развивались в позитивном поступательном направлении, несмотря на различия в характере правящих режимов: религиозного исламского – в Тегеране и светского режима партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения) – в Дамаске. Основу взаимодействия составили противоречия Х. Асада и Б. Асада с ведущими арабскими государствами, а также антиамериканские и антиизраильские взгляды лидеров Сирии и Ирана. К началу гражданской войны в 2011 г. Иран стал одним из главных игроков в Сирии. Он оказывал сирийскому правительству обширную военную и финансовую помощь и приобрел мощные рычаги влияния

на официальный Дамаск. При помощи Тегерана на территории САР была создана военная инфраструктура для иранских вооруженных сил и для многочисленных проиранских шиитских группировок: Хезболлы, бригад Фатимиюн и Зайнабиюн³⁷.

Военную и финансовую помощь Сирии руководство Ирана сочетало и сочетает с развитием экономических отношений и распространением своего идеологического влияния. С этой целью активно проводится шиитизация сирийцев. Иранские религиозные организации открывают школы, шиитские религиозные центры, скупают земли и передают их шиитам из Афганистана и Ирака, получившим сирийское гражданство во время войны.

Руководство ИРИ рассматривает сирийский конфликт в широком региональном контексте идеологического, религиозного, геостратегического противостояния со своими традиционными противниками: монархиями Персидского залива, радикальными исламистами, США и Израилем. В этой связи Тегеран заинтересован в сохранении своих позиций в Сирии при всех возможных вариантах развития событий.

Ирано-иракские отношения

Отношения Ирана с Республикой Ирак носят сложный комплексный характер. После революции 1979 г. руководство ИРИ стало рассматривать Ирак, в котором преобладает шиитское население, как потенциальную зону экспорта идей исламской революции и как страну, лежащую на пути из Тегерана к Средиземному морю для связи со своими военно-политическими союзниками в Ливане и возможной транспортировки энергоресурсов к берегам Средиземного моря.

³⁷ Фатимиюн и Зайнабиюн – военизированные группировки, созданные при помощи КСИР для участия в военных действиях в Сирии на стороне правительственных войск. Фатимиюн состоит в основном из афганских шиитов-хазарейцев, Зайнабиюн – из пакистанских шиитов.

Однако противоречия между суннитским руководством Ирака и Тегераном носили во многом экзистенциальный характер и резко обострились в начале 1980 г. А ирано-иракская война, длившаяся более восьми лет (1980–1988), казалось, окончательно исключила возможность нормализации отношений.

Свержение войсками коалиции во главе с США Саддама Хусейна и отстранение суннитской верхушки Ирака от власти открыло окно возможностей для Тегерана, и руководство ИРИ начало проводить активную политику на развитие отношений с новой властью в Багдаде. Постепенно обе страны не только наладили двусторонние дружеские отношения, но и во многом стали взаимодействовать на международной арене. Их объединяет общий взгляд на необходимость многополярного мироустройства, повышение роли развивающихся стран, общая позиция по палестинскому вопросу, совместная борьба против Исламского государства и взаимодействие на сирийском треке.

Непосредственная цель Ирана состоит в объединении под своим руководством шиитских группировок Ирака, увеличении их роли в госструктурах Багдада и расширении экономического сотрудничества с прицелом на ослабление влияния американских санкций на свою экономику.

В этой связи Иран активно развивает экономическое сотрудничество. С марта 2018 г. по март 2019 г. торговый оборот составил, по разным оценкам, от 11 до 12 млрд долл.³⁸ Ирак получает из Ирана электроэнергию, бензин, природный газ, сельхозпродукцию.

При проведении своей политики Тегеран опирается на центральное правительство Ирака и проиранские силы в иракском парламенте («Альянс ФАТХ»). При этом неотъемлемой частью его политики является активный поиск точек соприкосновения с широким спектром политических

³⁸ URL: <https://ru.irna.ir/news/83568858/> (дата обращения: 04.04.2019).

сил в Ираке. Тегеран поддерживает отношения с шиитским националистическим лидером М. ас-Садром и его партией «Альянс ас Сайрун», акцентируя их общую антиамериканскую позицию. Религиозное руководство ИРИ старается преодолеть противоречия и развивать контакты с ведущим шиитским авторитетом Ирака аятоллой Али Систани, подчеркивая необходимость борьбы с такрифитской идеологией. Тегеран придает большое значение сохранению сбалансированных отношений с руководством обеих основных политических партий Иракского Курдистана: Патриотическим союзом Курдистана (ПСК) и Демократической партией Курдистана (ДПК). Во многом благодаря посреднической роли Ирана были достигнуты заморозка результатов референдума о независимости Иракского Курдистана в 2017 г. и договоренность о формировании политической власти в Ираке после парламентских выборов 2018 г. Выверенная и взвешенная политика Ирана в Ираке привела к тому, что, несмотря на разногласия Тегерана с ведущими религиозными и политическими деятелями Ирака, они выступили против использования США территории Ирака как плацдарма в войне с Ираном и отказались, в случае возможного ирано-американского конфликта, поддержать какую-либо сторону. А в ответ на убийство на иракской территории генерала К. Сулеймани, санкционированное американским президентом Д. Трампом, парламент Ирака проголосовал за вывод американских войск с территории страны³⁹, а Али Систани назвал этот террористический акт «вероломной агрессией и нарушением суверенитета Ирака»⁴⁰.

Военное влияние Иран осуществляет через созданные в 2014 г. при содействии КСИР, Кодс военизированные

³⁹ URL: <https://edition.cnn.com/2020/01/06/middleeast/iraq-us-troops-explainer-intl/index.html> (дата обращения: 12.12.2019).

⁴⁰ URL: <https://en.irna.ir/news/83619984/Ayatollah-Sistani-says-US-violated-Iraqi-sovereignty-by-targeting> (дата обращения: 11.11.2019).

формирования «Силы народной мобилизации» («Аль Хашд аль Шааби»), насчитывающие 100–120 тыс. чел., финансируемые на 80% Тегераном и лишь формально входящие в состав вооруженных сил Ирака.

Существенным ограничением иранского влияния являются военно-политические и экономические договорные обязательства Багдада перед США. На территории Ирака располагаются около 5 тыс. американских военных, пользующихся дипломатическим иммунитетом. Одна из основных задач их нахождения там и политики США в Ираке, сформулированная при назначении М. Туэллера послом США в Республике Ирак в 2018 г., состояла в сведении к минимуму влияния Ирана в Ираке и создании буфера против расширения иранского влияния на соседние страны⁴¹.

Кризисная ситуация в Ираке в октябре–ноябре 2019 г. вызвала особое беспокойство Ирана в связи с тем, что протестные акции, имеющие экономическую подоплеку, были подхвачены националистическими силами и в ряде случаев получили антииранскую направленность. Была попытка захвата иранских консульств в Кербеле и Неджефе – крупнейших шиитских религиозных центрах. По иранским данным, в протестах принимали участие недовольные зависимостью военно-политической элиты Ирака от Ирана националистически настроенные шииты, сунниты, ранее сражавшиеся в структурах ИГ, а также члены группировки Моджахеддин-е Хальк. Опасаясь усиления антииранских тенденций и возможности провоцирования ими протестных акций на территории Ирана, Тегеран предпринял усилия по участию формирований Аль Хашд аль Шааби в подавлении протестов и поддержке правительства в Багдаде. Признавая законность экономических и политических требований иракской улицы, руководство ИРИ поддержало курс правительства

⁴¹ URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/030619_Tueller_Testimony1.pdf (дата обращения: 05.05.2019).

Республики Ирак на проведение политических реформ с прицелом на изменение формы государственного правления с парламентской на президентскую республику⁴². В Тегеране полагают, что эта форма может более полно отвечать интересам Ирана. Помимо этого, Тегеран предпринял активные действия по налаживанию контактов между ведущими политическими силами в Багдаде, сыграл особую роль в решении премьер-министра Махди уйти в отставку и в назначении нового премьер-министра Мохаммада Аляуи.

Ирак наряду с Сирией является важнейшим приоритетом иранской внешней политики. Страна, имеющая протяженную границу с Ираном, является зоной непосредственного соприкосновения не только американских и иранских интересов, но и территорией, на которой расположены как американские войска, так и проиранские вооруженные формирования. Это буферная зона, в которой в случае военного конфликта между Вашингтоном и Тегераном могут развернуться военные действия. В этой связи Иран будет прилагать все возможные усилия для укрепления своего влияния в Ираке и сокращения присутствия США с тем, чтобы не допустить нарушения единства Ирака и исключить возможность создания зон, подконтрольных США, в частности в Курдском автономном районе.

Ирано-афганские отношения

Развитие ситуации в Исламской Республике Афганистан (ИРА) – стране, которая многие годы охвачена гражданской войной, – находится в центре внимания руководства Исламской Республики Иран. Протяженная пограничная линия, проходящая по территориям, на которых власть Тегерана и Кабула ослаблена, приводит к тому, что из Афганистана

⁴² URL: http://www.ng.ru/world/2019-11-27/100_191127law.html (дата обращения: 17.12.2019).

в Иран идет поток беженцев и нелегальных мигрантов, поток наркотиков. А в ряде случаев террористические военизированные группировки действуют по обе стороны границы. События там непосредственным образом влияют на внутриаполитическую стабильность в Иране и на стабильность в регионе Центральной Азии в целом. Выход США из СВПД и последовавший за ним рост напряженности в ирано-американских отношениях стал еще одним фактором, повышающим значение Афганистана в парадигме внешней политики Ирана.

Тегеран беспокоит не только наркотрафик и нелегальная миграция с территории сопредельной страны. Тесные связи режима в Кабуле с Вашингтоном, присутствие американских войск на территории ИРА, в частности наличие авиабазы Шинданд в провинции Герат в 80 милях от границы с Ираном, вызывают серьезные опасения у иранских властей. Ведь в случае военного конфликта США могут использовать территорию ИРА в качестве плацдарма для осуществления своих военных угроз в адрес ИРИ и ее геополитических интересов в регионе. В плане безопасности озабоченность Тегерана связана не только с присутствием в Афганистане войск коалиции, но и распространением влияния Исламского государства. В 2015 г. руководители этой террористической организации объявили о создании «Вилайета Хорасан», включив в зону своих притязаний Афганистан, Пакистан, восточные провинции Ирана и часть территории Центральной Азии и Индии. Сообщения об активной переброске боевиков ИГ из Сирии и Ирака являются дополнительным фактором, диктующим необходимость развития отношений между Тегераном и Кабулом. Для создания контрбаланса данным угрозам Иран предпринимает активные шаги по укреплению влияния в Афганистане. В первую очередь руководство ИРИ заинтересовано в сохранении стабильности в ИРА. С этой целью иранское руководство поддержало центральное правительство

в Кабуле и заключило с ним ряд соглашений. Самые важные – Соглашение о стратегическом партнерстве, подписанное 5 августа 2013 г., на следующий день после вступления Х. Роухани в должность на второй срок, и ряд договоренностей по совместной борьбе с терроризмом и наркотрафиком. Для расширения своего политического и идеологического влияния Иран использует не только экономические средства, но и «мягкую силу», в первую очередь укрепляя свое влияние среди афганских шиитов и близких ему по языку афганских таджиков. Иранское руководство поддерживает достаточно тесные связи с ними, инвестируя деньги в места их компактного проживания. Однако не стоит ни преуменьшать, ни преувеличивать то влияние, которое Иран на них оказывает. Далеко не все шиитские богословы Афганистана признают концепцию «веляят-е факих». Часть из них ориентирована на Запад, часть имеет более тесные связи с иракскими шиитами, в частности с аятоллой Али Систани. В плане диверсификации контактов Иран поддерживает отношения с талибами Афганистана. Акцент делается на общности антиамериканских стратегий и борьбе с афганскими группировками, воюющими под флагом ИГ, и боевиками ИГ, переброшенными из Сирии и Ирака. На этом треке особенно ярко проявляется прагматизм, который и является доминирующим фактором иранской внешней политики.

Активные действия Саудовской Аравии на этом же направлении стали еще одним фактором, диктующим необходимость налаживания отношений между Ираном и талибами. При этом иранские дипломаты подчеркивают, что они поддерживают контакты с талибами в целях продвижения мирного процесса, чтобы привести их за стол переговоров с центральным правительством. По их мнению, талибы должны принимать участие в определении будущего устройства Афганистана, не имея руководящей роли в этом процессе. «Все в регионе понимают, что Афганистан под властью

талибов не отвечает интересам безопасности в регионе», – подчеркивает министр иностранных дел Ирана М. Зариф⁴³. При этом, соглашаясь с участием Талибана в политической жизни Афганистана, Иран стремится не допустить его доминирования в политическом устройстве ИРА. Это объясняется тем, что с религиозно-идеологической точки зрения и с точки зрения предпочтения политических и региональных союзников иранскую элиту ничего не связывает с Движением Талибан. Однако на данном этапе обе стороны заинтересованы в мирном сосуществовании друг с другом и являются ситуативными партнерами.

Следует отметить, что политика Ирана на афганском треке прагматична и взвешена. Тегеран рассматривает все возможные варианты и при любом развитии событий будет сохранять влияние на часть политической элиты Афганистана, близкой ему по этнокультурному и религиозному принципу: в первую очередь шиитов-хазарейцев и таджиков.

Тегеран обеспокоен тем, что США отводят центральное место в переговорах об афганском перемирии Саудовской Аравии и Объединенным Арабским Эмиратам, и стремится занять свое место в урегулировании афганской проблемы, считая, что у него как у непосредственного соседа больше прав на участие в решении афганской проблемы, чем у арабских государств Персидского залива.

Подводя итоги политики ИРИ на Ближнем и Среднем Востоке, представляется возможным отметить, что именно там сконцентрированы важнейшие стратегические, экономические и политические интересы Ирана. Тегеран рассматривает укрепление экономических и культурных связей со странами региона не только как средство усиления своего влияния, но и в качестве основы для восстановления

⁴³ URL: <https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-talks-iran/iran-says-taliban-must-have-afghan-role-but-cant-dominate-idUSKCN1P311Z>» (дата обращения: 11.05.2019).

регионального мира. Важнейшим положением стратегии Ирана является требование о выводе иностранных войск за пределы региона и призыв к лидерам региона взять ответственность за восстановление мира в свои руки. В этой связи руководство Ирана поддерживает предложенный Россией механизм коллективной безопасности в зоне Персидского залива. «Что касается безопасности в Персидском заливе, то наш взгляд очень близок с российским. Мы услышали инициативу России по безопасности в Персидском заливе, мы приветствуем эту инициативу», – отметил министр иностранных дел Ирана М. Зариф на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с главой МИД РФ Сергеем Лавровым в сентябре 2019 г.⁴⁴ В этом же выступлении он подчеркнул, что Иран готов подписать пакт о ненападении со странами региона.

Исламская революция в Иране и исламское движение на Ближнем и Среднем Востоке

В Преамбуле иранской конституции сказано, что «иранская революция... создает почву для продвижения этой революции внутри и за пределами страны, и в особенности стремится расширить международные связи с другими исламскими народными движениями, чтобы расчистить путь к созданию единой всемирной исламской общины». Однако сразу после победы иранской революции позитивным откликом на нее ответили только 4 страны: Сирия, Ливия, Алжир, и НДРЙ, а также возглавляемая тогда Я. Арафатом ООП. При чем имам Р. Хомейни во время первой встречи с Я. Арафатом в 1980 г. в Тегеране, заявив о передаче представительству ООП в Иране здания израильского посольства, призвал Арафата

⁴⁴ URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6832380> (дата обращения: 12.07.2019).

бороться не за создание Палестинского арабского государства, а за Исламскую палестинскую республику. Однако тогда не получил от палестинского лидера позитивного отклика на эту идею. Неудачи в войне с Ираком привели к отказу руководства ИРИ от экспорта исламской революции военными методами, и эта концепция получила свое новое название – исламская культурная революция, – что позволило Ирану распространять идеи об эффективности исламской модели развития в мусульманском мире мирными средствами.

Важную роль в пропаганде исламской культурной революции играет созданная в 1995 г. «Организация по проблемам культуры и исламских связей», под эгидой которой во многих странах мира, и в первую очередь на мусульманском Востоке, функционируют культурные представительства при посольствах ИРИ, выполняющих роль своеобразных проводников и пропагандистов иранской культуры за пределами Ирана⁴⁵. Общий контроль за распространением иранской культурной революции осуществляет Высший совет культурной революции во главе с президентом страны и канцелярия духовного лидера ИРИ аятоллы С. А. Хаменеи.

Значительный импульс в вопросе экспорта исламской культурной революции в направлении стран Ближнего и Среднего Востока был дан с приходом к власти в ИРИ президента М. Хатами в 1997 г. Как известно, он выдвинул идею «Диалога между цивилизациями», которая делала особый акцент на роль исламского мира в деле сближения различных мировых культур. Но в качестве первого шага М. Хатами предлагал провести диалог между самими мусульманскими странами и народами. Свое видение по данному вопросу он изложил вскоре после своего избрания на пост президента на восьмой сессии Организации Исламская Конференция (ОИК) в Тегеране в декабре 1997 г. Диалог внутри исламского

⁴⁵ Каменева М. С. Иран и мусульманские страны: проблемы культурного взаимодействия // Иран и исламские страны. М., 2009. С. 173.

мира, по мнению М. Хатами, должен вестись во имя сближения и объединения всех мусульманских народов в единую Умму или, по выражению М. Хатами, для возвращения в «общий исламский дом». Это является главной предпосылкой для возрождения величия исламской цивилизации. В то же время М. Хатами подчеркивал, что это возвращение не означает движения вспять, отказа от научных достижений и, ухода из современного мира и нацеленности на конфликт с другими нациями. Наоборот, по его мнению, сближение мусульманских стран и народов дает возможность перейти к реализации новой политической системы – «исламскому гражданскому обществу», которое «хотя и должно строиться вокруг стержня исламской мысли и культуры», но в нем будут невозможны личная и групповая диктатура. В таком обществе правительство является слугой народа, а не его хозяином, и при любых обстоятельствах подотчетно народу⁴⁶. И хотя идеи М. Хатами не имели каких-либо серьезных политических последствий, но в определенной степени поменяли отношение к ИРИ, в том числе и со стороны многих ближневосточных стран. Привлекательность самой идеи о диалоге цивилизаций привела к провозглашению ООН нового 2001 года, начавшего третье тысячелетие, Годом диалога цивилизаций.

Исламская революция в Иране дала толчок исламскому ренессансу в мире и на Ближнем и Среднем Востоке в частности. В ведущих мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока стали происходить события, которые трудно было себе представить до ее победы. Можно привести как насильственные проявления этого ренессанса, например попытку захвата Большой мечети в Мекке в ноябре 1979 г., успешные военные операции Хезболлы против израильских вторжений в Ливан, в частности в 2006 г., приход к власти афганских моджахедов, отвоевавших власть у просоветской НДПА в 1992 г., и укрепление позиций шиитской хазарейской партии

⁴⁶ Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001. С. 37.

«Вахдат» в этой стране, восстание хуситов в Йемене, выступления шиитов на Бахрейне, так и вполне демократические, парламентские методы, ознаменовавшие приход исламистов к власти в палестинском секторе Газа (ХАМАС) в 2006 г. и Партии справедливости и развития в 2002 г. в Турции, успех шиитов на парламентских выборах в Ираке и шиитской организации «АМАЛЬ» в Ливане, а также выход во второй тур парламентских выборов в Алжире в 1991 г. Исламского фронта национального спасения Алжира, получившего более 47% голосов избирателей, но не допущенного к участию во втором туре в результате военного переворота. В этот же ряд можно поставить события «Арабской весны», которые хотя и не позволили надолго удержаться у власти представителям политического ислама в переживших революционные события арабских странах, но дали им возможность громко заявить о себе и выдвинуть ряд требований, которые были услышаны широкими народными массами.

Ожидания ИРИ об оживлении отношений с арабскими странами после прихода к власти происламских движений, даже суннитского толка, оказались оправданными. Так, после победы на выборах в 2011 г. в Египте сторонников М. Мурси, представлявшего движение «Братьев-мусульман», новые власти Египта разрешили выезд представителям ХАМАС с территории сектора Газа через Каир в Иран, что было невозможно при правлении президента Х. Мубарака. Каир дал разрешение на проход через Суэцкий канал иранским военным кораблям в сирийский порт Латакию, несмотря на протесты Израиля и США. Впервые за 34 года возобновилось авиасообщение между двумя странами. Изменился тон египетской риторики в отношении ливанской Хезболлы с жесткого на более спокойный⁴⁷. Но и в период правления М. Мурси

⁴⁷ Кулагина Л. М., Ахметов В. М. Иран и революционные движения на Арабском Востоке // Политика РФ и ИРИ в региональном контексте (ЦА, Кавказ, Ближний Восток). М., 2011. С. 185.

между ИРИ и Египтом сохранялись определенные разногласия. Так, во время визита М. Мурси в Иран в августе 2012 г. для участия в саммите Движения неприсоединения в своем выступлении он критиковал режим Б. Асада, а на встрече с президентом М. Ахмадинежадом М. Мурси призвал Иран избегать вмешательства во внутренние дела Ирака и уладить все разногласия с ОАЭ по вопросу трех спорных островов в Персидском заливе, которые Иран так же, как и ОАЭ, считает неотъемлемой частью своей территории⁴⁸. Однако после свержения правительства Мурси египетскими военными противоречия во взглядах между ИРИ и Египтом значительно усилились. Связано это было прежде всего с тем, что в феврале 2014 г. судебные органы Египта вынесли бывшему президенту страны Мухаммеду Мурси обвинительный приговор, одним из пунктов которого значился шпионаж в пользу другого государства, передача ему секретных сведений об обороноспособности Египта. При этом судебные органы Египта не скрывали, что имеют в виду Исламскую Республику Иран.

Еще одним фактором, связанным с победой исламской революции в Иране и активизацией исламских движений на Ближнем и Среднем Востоке, стало все более усиливающееся противостояние, прежде всего на уровне общественного сознания мусульманских народов, внедрение в этом регионе псевдокультурных ценностей Запада и активная пропаганда исторического исламского наследия входящих в него стран.

Вместе с тем шиитская специфика иранского правления оказалась неприемлемой для большинства исламских государств, исповедующих суннизм, где формы современной государственности и религиозные традиции

⁴⁸ Кулагина Л. М., Ахмедов В. М. Внешняя политика ИРИ в условиях революционного подъема на Арабском Востоке // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М., ИВ РАН. 2014. С. 482.

не предусматривают прямого участия духовенства в руководстве страной⁴⁹.

При этом на усилившееся противодействие правящих в арабских странах режимов растущему влиянию Ирана на Ближнем Востоке указывает, в частности, их согласие на размещение на своих территориях американских военных баз в качестве гарантов от внутренних и внешних потрясений в этих государствах, а также рост репрессий против проживающего в них шиитского населения. Хотя очевидно, что такая политика серьезно подтачивает легитимность этих режимов прежде всего в глазах населения самих этих стран и проживающих в них шиитов, число которых составляет в Ираке 65% населения, в Бахрейне – 75%, в Кувейте – 30%, в Дубае – 30%, в Абу-Даби – 20%. Шиитская община Саудовской Аравии составляет, по разным данным, от 10 до 15% населения страны⁵⁰.

В 1980 г. шиитское духовенство Ирана поставило под сомнение статус короля Саудовской Аравии как хранителя мусульманских святынь, заявив, что священные города Мекка и Медина должны принадлежать всем мусульманам. Со своей стороны, правительство Саудовской Аравии, в ответ на активизацию деятельности саудовских шиитов, вылившуюся в 2009 г. в открытые выступления в восточных районах этой страны, начало широкомасштабные репрессии, одним из проявлений которых стала казнь шиитского проповедника Нимр аль Нимра в январе 2016 г. Весной 2011 г. в Бахрейне началось восстание шиитов, которое приняло такие масштабы, что правительство султана

⁴⁹ Дамиров Н. Ю. Ислам в социально-политическом развитии современного Ирана: автореф. дисс. М.: МГИМО(У) МИД РФ. 1998 / Российская библиотека диссертаций: сайт. URL: <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats/avtoref71.htm/> (дата обращения: 12.04.2019).

⁵⁰ Алиев А. Национальное и религиозное в системе межгосударственных отношений Ирана и Ирака в XX веке. М., 2006. С. 287.

Аль-Халифа обратилось за помощью к другим монархиям ССАГПЗ.

Для подавления восстания в страну вошли войска и силы полиции из соседних Саудовской Аравии и ОАЭ. 16 марта выступления были жестоко подавлены, десятки людей были убиты и ранены, сотни отправлены за решетку. Восемь руководителей шиитских выступлений были приговорены к пожизненному заключению.

Минусом подъема национальных и религиозных движений в арабских странах стало смещение акцента с арабско-израильского противостояния на суннитско-шиитскую вражду, что полностью соответствует как интересам самого Израиля, так и его американского покровителя.

В то же время надо отметить, что Иран главные материальные, финансовые и людские потери несет в борьбе с враждебными ему исламскими радикальными военно-политическими организациями, прежде всего такфиристского толка. На фоне главным образом словесной риторики со своими геополитическими противниками в лице США и Израиля иранские бойцы КСИР, Кодс и других военных организаций, а временами и мирное население гибнут в столкновениях с боевиками Исламского государства, «Аль-Каиды», Джундуллы, сирийской исламской оппозицией, с которыми ведутся постоянные широкомасштабные военные действия. В ходе этих операций расходуются сотни миллионов долларов и большие материальные ценности. Так что до достижения идеалов о создании единой исламской Уммы, отраженных в иранской конституции, еще очень далеко, несмотря на очевидный факт усиления позиций Исламской Республики Иран в современном мусульманском мире и его активную и в целом плодотворную политику на Ближнем и Среднем Востоке.

Сирийский кризис под углом иранских национальных интересов

1 апреля 1979 г. в результате революционных событий возникла Исламская Республика Иран, что кардинально изменило ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке. В регионе появился внешнеполитический игрок, который стал проводить политику, независимую от сверхдержав (Советского Союза и США). Процесс становления Исламской Республики был достаточно труден. Суровым испытанием для иранского народа стала крайне тяжелая война с Ираком, который получал масштабную помощь со стороны многих государств. Тем не менее, даже в таких условиях Исламская Республика смогла выстоять, а затем начала реализовывать свой промышленный потенциал. Формирование нового регионального лидера натолкнулось на противодействие со стороны США и их союзников, которые под предлогом укрепления режима ядерного нераспространения ввели против ИРИ жесткие финансово-экономические санкции.

Краткая предыстория ирано-сирийских отношений

С момента своего возникновения Исламская Республика оказывала серьезную поддержку палестинцам, афганцам, ливанцам и другим народам, которые находились под давлением со стороны иностранных государств. Это способствовало росту авторитета Исламской Республики на Ближнем и Среднем Востоке, но редко находило поддержку со стороны правящих элит, в силу множества причин не заинтересованных в усилении Ирана.

В рассматриваемом регионе только Сирийская Арабская Республика (САР) вначале при президенте Хафезе Асаде, а затем при его сыне – Башаре Асаде – выступила

за стратегический альянс с ИРИ с целью противодействия агрессивной политике Запада, Израиля, Турции и Саудовской Аравии и освобождения оккупированных Голанских высот. Этому способствовало и то, что в сирийском руководстве преобладали алавиты, т.е. сторонники исламского религиозного направления, близкого к шиизму. Как отмечает белорусский эксперт Ферас Саллум, «Дамаск представлял значительный интерес для Тегерана, которому был необходим союзник для проведения единой политики на международной арене и в регионе. В свою очередь, Дамаск видел в Тегеране своего политического и военного союзника и основного инвестора»⁵¹.

Нужно обратить внимание, что Сирия была единственной арабской страной, которая поддерживала Тегеран во время всей ирано-иракской войны. Так, в 1982 г. САР на своей территории перекрыла иракский трубопровод, что на 25% сократило доходы Багдада от экспорта нефти. Сирия поставляла Ирану боеприпасы, двигатели танков и зенитные орудия. И это не было случайным, так как президент САР Х. Асад считал силовое противостояние Ирана и Ирака «неправильной войной против неправильного врага» и «заговором против арабской и исламской нации»⁵². По его мнению, единственным врагом арабского и исламского мира в целом был Израиль.

Поддерживая Исламскую Республику, в Дамаске рассчитывали, что в дальнейшем смогут использовать Тегеран в борьбе с Тель-Авивом⁵³. Помимо этого, САР была крайне важна внешняя поддержка, особенно после выхода Египта из арабо-израильского противостояния, ухудшения

⁵¹ Саллум Ф. С. Особенности сирийско-иранских отношений (1979–2011 гг.): внешнеполитический фактор // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития. Вып. 5. Минск, 2017. С. 105–118.

⁵² Тлас М. Вот что говорил Х. Асад. Дамаск, 2000.

⁵³ Позднее эти надежды сирийского руководства полностью оправдались.

отношений с Ираком, продолжения гражданской войны в Ливане и попыток сирийских исламистов в лице «Братьев-мусульман» при поддержке Иордании и Израиля свергнуть светский режим президента Х. Асада.

В этот же период ИРИ приступила к созданию системы альянсов со странами и движениями, разделявшими ее внешнеполитические цели. Среди них особое место заняла Сирия ввиду своего выгодного геополитического положения, стойкого сопротивления империализму и сионизму, поддержке ливанского движения Хезболла и палестинских группировок ХАМАС и «Исламский джихад». Как следствие, ИРИ и САР попали под американские финансово-экономические санкции как государства, поддерживающие международный терроризм. Позднее указанные государства были причислены США к «оси зла».

При президенте Б. Асаде ирано-сирийские отношения существенно укрепились, в первую очередь ввиду усиления давления со стороны Вашингтона. Так, в конце 2003 г. Конгресс США принял Акт об ответственности Сирии в восстановлении ливанского суверенитета, а в 2004 г. Вашингтон ввел дополнительные санкции против Дамаска. В частности, администрация Дж. Буша-младшего обвиняла сирийское руководство в поддержке международного терроризма, стремлении к овладению ядерным оружием, в продолжении оккупации Ливана и подрыве международных мер по стабилизации Ирака. В это же время возник и иранский ядерный кризис.

В 2000-х гг. внешнеполитические условия требовали от ИРИ и САР тесной координации совместных действий. Во-первых, после свержения в 2003 г. режима С. Хусейна в Ираке в непосредственной близости от их национальных границ были размещены американские войска, для противодействия которым им оба государства стали поддерживать иракскую вооруженную оппозицию. Во-вторых, США стали

создавать независимый Иракский Курдистан, что угрожало внутренней стабильности Ирана и Сирии. В-третьих, вывод сирийских войск из Ливана в марте 2005 г. привел к ослаблению там влияния САР и укреплению позиций антисирийских и антииранских сил внутри Ливана. В период Второй ливанской войны в июле–августе 2006 г. Сирия и Иран выступили единым фронтом в поддержку движения Хезболла, что не позволило Израилю ликвидировать его вооруженные формирования. В результате возникла так называемая «ось сопротивления»⁵⁴, а отношения между Ираном и Сирией достигли «стратегической глубины».

Следует обратить внимание, что при Х. Асаде ирано-сирийские отношения носили партнерский характер. После прихода к власти Б. Асада в двусторонних отношениях стало усиливаться доминирование Тегерана как в военно-политической, так и экономической сферах. Так, в июле 2006 г. ИРИ реализовывала в САР 16 инфраструктурных проектов на общую сумму порядка 1 млрд долл. С 2009 г. Иран обязался ежегодно поставлять в Сирию 3 млрд куб. м природного газа. В конце 2010 г. Тегеран заключил с Дамаском соглашение на сумму 10 млрд долл. в газовой сфере, что предполагало строительство по сирийской территории магистрального газопровода. Помимо этого, иранская сторона собиралась предоставить САР материальную помощь в размере 5,8 млрд долл. через Иранский центр стратегических исследований. Была достигнута договоренность о создании в Дамаске ирано-сирийского банка, 60% уставного капитала которого должны были принадлежать правительству ИРИ⁵⁵.

⁵⁴ В «ось сопротивления» вошли Иран, Сирия и ливанское движение Хезболла. Ахмедов В. М., Кулагина Л. М. Сирия, Турция и Иран: новые подходы к межрегиональному сотрудничеству. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3433> (дата обращения: 25.09.2019).

⁵⁵ Рыжов И. В., Махнев С. Д. Развитие партнерских отношений Сирийской Арабской Республики и Исламской Республики Иран в период 1990–2011 гг. // Современные проблемы науки и образования, № 1 (часть 1).

Однако на практике это реализовать не удалось ввиду возникновения в марте 2011 г. сирийского кризиса, который вскоре приобрел характер регионального конфликта.

Сирийский кризис на современном этапе

Возникновение сирийского кризиса было обусловлено как внутренними причинами, так и иностранным вмешательством со стороны США, Великобритании, Франции, Саудовской Аравии, Турции, Катара, Израиля и ряда других государств, не заинтересованных в укреплении военно-политического альянса Дамаска и Тегерана. Вмешательство выражалось в создании и всесторонней поддержке в САР вооруженной оппозиции, которая постепенно радикализировалась. В результате большая часть страны попала под контроль Исламского государства, «Джебхат ан-Нусры» (обе запрещены в РФ) и других радикальных организаций. ИРИ оказывала САР масштабную помощь, в том числе с помощью различного рода вооруженных формирований, действовавших под контролем Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Но только после ввода в 2015 г. на территорию страны российских войск ситуация в сфере безопасности кардинально изменилась, что позволило начать процесс восстановления территориальной целостности Сирии.

В настоящее время продолжаются активные боевые действия в ряде провинций САР. Так, 22 августа 2019 г. на юге провинции Идлиб в ходе наступления Сирийская Арабская Армия овладела важным г. Хан-Шейхун и приступила к его зачистке и разминированию. Джихадисты и вооруженная оппозиция были вынуждены его оставить, как и север провинции Хама, чтобы не оказаться в окружении.

Турция попыталась остановить наступление сирийских войск в Идлибе. Для этого 19 августа автоколонна турецких армейских грузовиков с оружием и боеприпасами под прикрытием бронетехники, включая пять танков, пересекла сирийскую границу и направилась в сторону Хан-Шейхуна. Сирийские войска ее обстреляли, что привело к гибели «троих гражданских лиц» (водителей грузовых автомашин, представителей турецких частных военных компаний или боевиков протурецкого формирования «Фейлак аш-Шам»). Минобороны Турции заявило, что «заранее оповестило Россию о переброске». 21 августа Анкара потребовала вывести сирийские войска из провинции Идлиб. В окружении сирийских войск оказался турецкий наблюдательный пункт № 8 к югу от Хан-Шейхуна и № 9 в районе Морек провинции Хама⁵⁶.

26 августа на юге этой провинции сирийские военно-воздушные силы и артиллерия нанесли интенсивные удары по окрестностям г. Маарет-Нааман. 29 августа сирийские войска, развивая наступление к востоку от Хан-Шейхуна, освободили три деревни и г. Ат-Таманаа. 30 августа была отражена атака боевиков на позиции сирийских войск в районе этого города. Радикалы продолжают оказывать сирийской армии упорное сопротивление, совершая контратаки и обстреливая населенные пункты в провинциях Алеппо, Латакия, Хама и Идлиб.

С 6 часов утра 31 августа Сирийская Арабская Армия в одностороннем порядке прекратила огонь в зоне деэскалации Идлиб. Однако в этот же день авиация западной коалиции во главе с США нанесла ракетный удар по штабу экстремистской группировки «Хоррас ад-Дин» в окрестностях г. Идлиб. В результате атаки были уничтожены свыше 40

⁵⁶ Куделев В. В. О военной ситуации в Сирии (17–24 августа 2019 г.) 25.08.2019. URL: <http://www.iimes.ru/?p=61014> (дата обращения: 30.09.2019).

боевиков и полевых командиров⁵⁷. Фактически американцы сорвали ранее объявленное Дамаском перемирие.

На севере провинции Хама к 23 августа сирийские войска заняли г. Кфар-Зейта, выбив оттуда боевиков группировки «Хайат Тахрир аш-Шам». Были также освобождены деревни Латмане, Латмин, Телль-Фас и г. Морик. На севере провинции Хама под контролем боевиков к этому времени остались три деревни, которые были освобождены к исходу 23 августа.

22 августа на северо-востоке провинции Латакия сирийские войска окружили формирования «Исламской партии Восточного Туркестана» в районе населенного пункта Аль-Кабана.

Усиливается напряженность в отдельных районах провинции Деръа, где участились нападения на представителей официальной власти и бывших полевых командиров группировки «Южный фронт» и других оппозиционеров. Сирийское руководство было вынуждено направить армейские подкрепления в эту провинцию для борьбы с подпольной деятельностью противников режима.

В конце августа на основе договоренностей с Вашингтоном Анкара приступила к созданию так называемой зоны безопасности на сирийско-турецкой границе восточнее реки Евфрат. Для этого на базе 20-й бронетанковой бригады Вооруженных сил (ВС) Турции был создан совместный операционный центр. 29 августа военные из Турции и США на двух вертолетах облетели приграничные с Сирией территории в рамках реализации планов по созданию указанной зоны безопасности. Наблюдение длилось около часа и проводилось из воздушного пространства Турции. Одновременно два американских вертолета выполняли аналогичные задачи с другой стороны границы в воздушном пространстве Сирии. Под давлением со стороны США, заинтересованных в сохранении союзнических отношений с Турцией, курдские вооруженные

⁵⁷ Куделев В. В. О военной ситуации в Сирии (24–31 августа 2019 г.) 01.09. 2019. URL: <http://www.iimes.ru/?p=61014> (дата обращения: 30.09.2019).

формирования покинули г. Телль-Абъяд, Рас-эль-Айн и некоторые другие города на сирийско-турецкой границе.

Турецкое руководство ведет одновременно диалог по Сирии и с Россией, и с США. 27 августа в Москве состоялись переговоры между президентами России и Турции Владимиром Путиным и Реджепом Тайипом Эрдоганом. Они обсудили ситуацию в Сирии, особенно в провинции Идлиб. По итогам переговоров В. Путин заявил, что главная задача сирийского урегулирования – стабилизировать обстановку и обеспечить продвижение процесса политического урегулирования. Он также отметил: «Террористы продолжают обстрелы позиций сирийских правительственных войск, пытаются атаковать российские военные объекты. Убеждены, зона деэскалации (Идлиб) не должна служить прибежищем для боевиков, а тем более плацдармом для совершения новых нападений»⁵⁸. Со своей стороны, Р. Т. Эрдоган заявил, что турецкое правительство защитит военных, находящихся в сирийском Идлибе, если это потребуется.

29 августа президенты США и Турции Д. Трамп и Р. Т. Эрдоган в ходе телефонного разговора выразили «общую обеспокоенность гуманитарной ситуацией» в Идлибе и «достигли согласия по вопросу защиты гражданского населения в этой провинции». Они условились продолжать сотрудничество, чтобы не допустить нового гуманитарного кризиса. 30 августа Р. Т. Эрдоган подчеркнул, что «события в Идлибе разворачиваются не так, как нам хотелось бы. Они провоцируют массовый приток сирийцев в Турцию»⁵⁹. В этот же день министр иностранных дел Турции

⁵⁸ Зампостпреда РФ при ООН назвал число действующих в Сирии боевиков ИГ // Известия. 27.08.2019. URL: <https://iz.ru/914871/2019-08-27/zampostpreda-rf-pri-onn-nazval-chislo-deistvuiushchikh-v-sirii-boevikov-ig> (дата обращения: 30.09.2019).

⁵⁹ Эрдоган заявил, что два турецких наблюдательных пункта в Идлибе подверглись обстрелам // ТАСС. 30.08.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6824980> (дата обращения: 30.09.2019).

М. Чавушоглу заявил, что Россия дала Турции гарантии того, что сирийские войска не будут атаковать турецкие наблюдательные пункты в провинции Идлиб (с конца 2019 г. российские военные развернуты возле турецкого наблюдательного поста № 9 в Мореке).

На сирийской территории продолжается противостояние Израиля и Ирана. В частности, в ночь на 25 августа Израиль нанес удар по иранским силам специального назначения Кодс и шиитским формированиям в Сирии, якобы сорвав их планы атаки на израильские цели. В Тегеране утверждают, что в ходе этой атаки иранские объекты не пострадали. Противовоздушная оборона (ПВО) САР сбила несколько израильских ракет.

Ранее президент России Владимир Путин и премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху провели телефонный разговор, в ходе которого была «выражена обоюдная заинтересованность в поддержании российско-израильского взаимодействия на сирийском направлении, в совместной борьбе с международным терроризмом»⁶⁰. В интервью же израильскому телевидению Б. Нетаньяху заявил: «Я нигде не предоставляю Ирану иммунитет, Иран – это государство, которое поклялось уничтожить Израиль. Он пытается создать базы против нас повсюду: в самом Иране, в Ливане, в Сирии, в Ираке, в Йемене»⁶¹.

США наращивают численность сотрудников частных военных компаний (ЧВК) в Сирии на фоне планируемого вывода своих войск из этой страны. Численность персонала ЧВК в Сирии превышает 4 тыс. чел. Во второй половине июня 2019 г. туда прибыли 540 человек, в том числе 70

⁶⁰ Путин и Нетаньяху обсудили совместную борьбу с международным терроризмом // ТАСС. 23.08.2019. URL: <https://tass.ru/politika/6792432> (дата обращения: 30.09.2019).

⁶¹ Нетаньяху разрешил военным делать «все необходимое» для противодействия Ирану // ТАСС. 23.08.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-poroga/6791108> (дата обращения: 30.09.2019).

представителей командного и инструкторского состава. Как считают в МИД России, основными задачами ЧВК являются подготовка лояльных Вашингтону боевых отрядов, а также охрана объектов нефтегазовой инфраструктуры и обеспечение безопасности⁶². Руководит деятельностью ЧВК Объединенное центральное командование ВС США.

Проблема военного присутствия Ирана в Сирии

Заявляя о необходимости борьбы с радикальными исламистами, ИРИ стремится сохранить в САР свое военное присутствие на неопределенный срок. Для этого осуществляется набор лояльных правящему режиму сирийцев в вооруженные формирования, которые действуют под прямым административным и оперативным контролем КСИР. Так, в восточных районах Алеппо иранцами были созданы Силы местной обороны (СМО), которые входят в состав национальных ВС САР. Срок службы в них засчитывается в период пребывания в ВС. Согласно специальному меморандуму, утвержденному президентом Б. Асадом, семьи представителей СМО имеют право на компенсацию в случае их гибели как «борцов за веру».

Первоначально предполагалось, что подразделения СМО разместят во всех сирийских провинциях, доведя их численность до 89 тыс. чел. Помимо этого, с иранцами сотрудничают 52 тыс. бывших дезертиров и уклонистов от воинской службы и 37 тыс. чел. местного населения. В Тегеране хотят сформировать из их числа отдельные подразделения в составе СМО.

Общее командование СМО осуществляется иранскими военными служащими при координации с Министерством обороны (МО) САР. При этом материальные гарантии раненым, убитым, пропавшим без вести и их семьям обеспечивает

⁶² Захарова: США усиливают состав частных военных компаний в Сирии на фоне вывода войск // ТАСС. 17.07.2019. URL: <https://tass.ru/politika/6673630> (дата обращения: 30.09.2019).

иранская сторона. В целом общий состав СМО, включая аффилированные с ними провинциальные отряды, может превышать 170 тыс. чел. Кроме того, в САР находятся проиранские вооруженные формирования ливанского движения Хезболла, афганских хазарейцев и иракских шиитов.

В Израиле считают иранское военное присутствие в Сирии неприемлемым. Во-первых, вблизи его границ создается военная инфраструктура, которая может быть использована для нанесения по территории страны ударов с помощью ракет и БПЛА. Во-вторых, в САР завершается создание транспортного коридора для доставки военных грузов ливанскому движению Хезболла. Так, 30 сентября в районе АлбуКамаль (провинция Дейр-эз-Зор) под контролем иранцев открылся пограничный переход между Ираком и Сирией⁶³. Это угрожает нанесению по Израилю аналогичных ударов со стороны Ливана.

Пытаясь ограничить в САР военное присутствие ИРИ, Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) периодически наносит ракетно-бомбовые удары по проиранским вооруженным формированиям в Сирии, что провоцирует Тегеран на ответные действия. Обострение ситуации вынудило Тель-Авив развернуть несколько дополнительных батарей (дивизионов) системы противоракетной обороны (ПРО) «Железный купол» на севере страны. 31 августа 2019 г. Израиль приостановил полеты гражданских самолетов над Голанскими высотами (5 км и выше).

28 августа постоянный представитель Израиля при ООН Дани Данон направил в Совет Безопасности письменное обращение, в котором отметил продолжающуюся враждебную активность Ирана на сирийской территории. Там было подчеркнуто: «Иран продолжает угрожать глобальной безопасности

⁶³ Куделев В. В. О военной ситуации в Сирии (21–28 сентября 2019 г.). 29.09.2019. URL: <http://www.iimes.ru/?p=61014> (дата обращения: 30.09.2019).

в целом и на Ближнем Востоке в частности, систематически нарушая резолюции ООН». В письме было указано, что правительство Б. Асада должно нести ответственность за иранское присутствие на своей территории. По мнению израильских экспертов, пока в САР сохраняется иранское военное присутствие полноценное постконфликтное миростроительство в ней невозможно⁶⁴.

Пути реализации Тегераном в САР собственных национальных интересов

Иранское руководство заинтересовано в дальнейшем расширении в Сирии своего военно-политического и экономического влияния, в первую очередь с целью сдерживания Израиля. Оно выступает за сохранение в САР нынешнего правящего режима, поэтому поддерживает президента Б. Асада по вопросу его переизбрания на новый срок. Обязательным условием для этого является формирование Конституционного комитета Сирии⁶⁵.

В Комитет вошли по 50 чел. от правительства САР, оппозиции и гражданского общества. Каждая группа будет назначать по 15 экспертов для участия в заседаниях в узком составе (они будут проходить в закрытом режиме). Первое заседание Конституционного комитета было запланировано на 30 октября 2019 г. В рамках указанной структуры решения будут приниматься на основе консенсуса или подавляющего большинства (75% состава участников заседания)⁶⁶.

⁶⁴ Жидкова Л. Ю. Причины и последствия возложения Израилем ответственности за враждебную иранскую активность в Сирии на режим Б. Асада. 29.08.2019. URL: <http://www.iimes.ru/?p=59754> (дата обращения: 30.09.2019).

⁶⁵ 23 сентября 2019 г. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш объявил о создании Конституционного комитета Сирии.

⁶⁶ Куделев В. В. О военной ситуации в Сирии (21–28 сентября 2019 г.). 29.09.2019. URL: <http://www.iimes.ru/?p=61014> (дата обращения: 30.09.2019).

Как уже указывалось, иранская сторона не заинтересована как в смене нынешней правящей в САР элиты, так и окончательном урегулировании сирийского кризиса (в противном случае Тегерану придется вывести из страны (распустить) свои вооруженные формирования). Как следствие, ИРИ хотела бы придать деятельности Конституционного комитета сугубо формальный характер.

Помимо этого, с помощью астанинского формата переговоров Иран пытается сдерживать в Сирии США, Турцию и Саудовскую Аравию и не допустить создания в САР независимого Курдистана. 13-й раунд таких переговоров прошел 1–2 августа 2019 г. в Нур-Султане. В них приняли участие представители России, Ирана, Турции, правительства Сирии и вооруженной оппозиции. Делегации из ООН, Ливана и Ирака присутствовали на переговорах в качестве наблюдателей⁶⁷.

Следует обратить внимание, что указанные переговоры проходили как в многостороннем, так и двустороннем формате. Так, на встрече с иранской делегацией представитель Сирии Башар ал-Джафари обсуждал возможности расширения государственного суверенитета по всей стране, события на северо-востоке Сирии, вывод незаконных иностранных сил, процесс политического урегулирования и формирования Конституционного комитета, а также возврат беженцев и обмен пленными и похищенными⁶⁸.

Итоги очередного раунда переговоров, отраженные в совместном заявлении стран-гарантов – ИРИ, России и Турции, – иранскую сторону вполне устроили. В частности, была подтверждена приверженность суверенитету, независимости,

⁶⁷ Следующая встреча астанинского формата по Сирии пройдет в октябре // РИА Новости. 2.08.2019. URL: <https://ria.ru/20190802/1557104541.html> (дата обращения: 30.09.2019).

⁶⁸ Саркисян И. В. К итогам 13-го раунда переговоров по Сирии в астанинском формате. 04.08.2019. URL: <http://www.iimes.ru/?p=58789> (дата обращения: 30.09.2019).

единству и территориальной целостности САР; выражена серьезная обеспокоенность в связи с присутствием в зоне деэскалации Идлиб просаудовской радикальной организации «Хайат Тахрир-аш-Шам»; отвергнуты попытки создания в Сирии новых реалий «на земле» под предлогом борьбы с терроризмом⁶⁹.

Пятый саммит в рамках астанинского формата прошел 16 сентября 2019 г. в Анкаре. При его проведении стороны обсудили принципы мирного урегулирования в Сирии и перспективы по возвращению на родину сирийских беженцев⁷⁰. Важным достижением этого саммита стало окончательное согласование Конституционного комитета Сирии, заседания которого будут проходить в Женеве под эгидой ООН.

Иранским национальным интересам отвечает то, что на саммите Турция выступила категорически против создания в САР автономии сирийских курдов и подтвердила свою решимость сформировать восточнее реки Евфрат зону безопасности протяженностью 451 км, куда она собирается переселить до 2 млн сирийских беженцев. Реализация этих планов не только вызовет противодействие со стороны США, но и приведет к силовому противостоянию турок (протурецких вооруженных формирований) и сирийских курдов.

Таким образом, в Сирии обстановка постепенно улучшалась. Освобождение г. Хан-Шейхун в провинции Идлиб и севера провинции Хама, успехи Сирийской Арабской Армии на северо-востоке провинции Латакия. Это внушало надежду на то, что постепенно весь северо-восток САР, за исключением

⁶⁹ «Астана-13»: о чем договорились Россия, Турция и Иран / Sputnik Казахстан. 02.08.2019. URL: <https://ru.sputniknews.kz/politics/20190802/11144642/astaninskij-process-siriya-peregovory-idlib-russia-turciya-iran.html> (дата обращения: 30.09.2019).

⁷⁰ Какие решения приняли лидеры Турции, России и Ирана на саммите в Анкаре // Телерадиокомпания Турции (TRT). 19.09.2019. URL: <https://www.trt.net.tr/russian/programmy/2019/09/19/kakiie-rieshieniia-priniali-lidiery-turtsii-rossii-i-irana-na-sammitie-v-ankarie-1272687> (дата обращения: 30.09.2019).

буферной зоны на границе с Турцией, будет освобожден от радикальных исламистов. Это отвечало национальным интересам ИРИ, так как существенно ограничивает влияние Анкары в указанном регионе.

Тегерану выгодно как сокращение в САР численности военнослужащих США и их союзников, так и неизбежное обострение американо-турецких отношений при создании зоны безопасности восточнее реки Евфрат. Вашингтон продолжает оказывать всестороннюю помощь прокурдским «Силам Демократической Сирии», что вызывает недовольство как Анкары, так и местных арабских племен. Как полагают сирийские курды, ширина указанной зоны составит всего 5 км и в нее не войдут города. Но тогда турки не смогут переселить в нее 1 млн сирийских беженцев. Силовое давление на курдские отряды народной самообороны вынудит СДС вывести свои вооруженные формирования из восточной части провинции Дейр-эз-Зор и северной части провинции Ракка, что вернет нефтеносные районы под контроль Дамаска, а значит, и Тегерана.

В то же время сирийская территория все больше становится местом противостояния Ирана и Израиля. В составе Сил местной обороны проиранские вооруженные формирования разворачиваются в непосредственной близости от Голанских высот. В различных районах САР иранцы создают склады вооружений, включая баллистические ракеты, осуществляют разведывательные полеты БПЛА, в том числе с нарушением воздушного пространства Израиля, и транзит военных грузов для ливанского движения Хезболла. Используя это как повод, израильская авиация регулярно наносит ракетно-бомбовые удары по иранским военным объектам. Среди ведущих внешних игроков только Россия заинтересована в максимальном ослаблении противостояния между Тель-Авивом и Тегераном. Такой компромисс в принципе возможен на основе ограничения деятельности ЦАХАЛ в САР и отвода от Голанских высот проиранских вооруженных формирований.

Современные тенденции в отношениях Израиля и Ирана

За последние 10 лет изменилась внутренняя и внешне-политическая ситуация в Израиле, что соответственно диктовало изменения ближневосточной политики этой страны. В соответствии с конкретной исторической обстановкой по-новому формулировались задачи региональной политики Израиля. Обострилась конкурентная борьба трех основных центров силы на Ближнем Востоке – Ирана, Турции и Израиля, что прежде всего проявилось в действиях этих стран на территории Сирии.

Внешняя политика Израиля развивалась под сильным влиянием американского видения Ближнего Востока. За годы президентства Б. Обамы и Д. Трампа изменилась американо-израильская позиция в региональной политике: США и Израиль открыто встали на сторону суннитской части арабских государств, напрямую вовлеклись в религиозное противостояние между суннитами и шиитами, выступая на стороне так называемых «умеренных» суннитских арабских режимов, активно борющихся против нарастающего иранского влияния в регионе. США были предприняты попытки консолидации части суннитских арабских государств на борьбу против Ирана, даже строились планы создания некоего подобия «арабского НАТО». Поскольку отсутствие сбалансированных центров силы в Ближневосточном регионе, присущая ему конфликтность, формирующая хроническую ситуацию разнообразных взаимных претензий, являются устойчивой характеристикой региональных отношений⁷¹, к некоторым возможным общим мобилизационным факторам можно

⁷¹ Heller M. A. Israel as a Regional Power: Prospects and Problems // Fürtig H. (ed.) Regional Powers in the Middle East. The Modern Muslim World. N.Y., 2014.

отнести стремление Израиля препятствовать какой-либо одной стране, в данном случае Ирану, занять лидирующую роль в регионе. Это в принципе отвечает интересам американской ближневосточной политики. Поэтому Вашингтон активно поддерживал и поддерживает непримиримую антииранскую позицию Тель-Авива, так как способность Израиля самостоятельно влиять на региональный баланс и межарабские соотношения сил весьма ограничена⁷². Израиль является самым сильным военным и экономическим актором в регионе, но, несмотря на большую роль Соединенных Штатов в поддержке израильского лидирующего статуса, он долгое время занимал место регионального аутсайдера⁷³. В последние годы Израиль начал все более активно пытаться влиять на взаимоотношения арабских стран, прежде всего это действия, направленные на вытеснение Ирана и Хезболлы из Сирии.

Для руководства Израиля Иран – основной стратегический противник, экзистенциальная угроза его безопасности. Израильское руководство видит в ядерной программе Тегерана прямую угрозу своему существованию. Оно обвиняло ИРИ в том, что в иранский «набор» антиизраильской пропаганды, помимо протеста против израильской оккупации палестинских земель и «мирового заговора» сионистов, входят пропаганда против иудаизма (который объявлен «разновидностью расизма»), отрицание Холокоста и призывы к уничтожению еврейского государства. Иранская программа-максимум в период президентства М. Ахмадинежада открыто декларировала стремление полностью

⁷² Kappel R. Israel: Springer – 2014. The Partial Regional Power in the Middle East URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137484758_8 (дата обращения: 17.11.2019); Fawcett L. Regional leadership? Understanding power and transformation in the Middle East URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9780203815984/chapters/10.4324/9780203815984-18/> (дата обращения: 17.11.2019).

⁷³ Beck M. Israel. Regional Politics in a Highly Fragmented Region // Flemes D. (ed.). Regional Leadership in the Global System. Ideas, Interests and Strategies of Regional Powers. Surrey, 2010. P. 127–148.

освободить Палестину от евреев и заселить ее арабами. Для старшего партнера Израиля – США Иран не представляет жизненной угрозы, но его ядерная программа и политика на Ближнем Востоке противоречит интересам США.

Разногласия между правительством Израиля и администрацией Обамы по «иранской проблеме»

У израильского руководства с момента избрания президентом Барака Обамы (2009–2012) возникли серьезные противоречия с его администрацией по «иранскому вопросу». Премьер-министр Б. Нетаньяху и его ближайшее окружение (министр обороны Э. Барак, глава Моссада М. Даган и др.) считали перспективу превращения Ирана в ядерную державу наиболее опасным фактором для безопасности Израиля. По мнению израильтян, предыдущий президент, Дж. Буш-младший, не принимал решительных мер для ликвидации иранской ядерной угрозы, и Израиль остался с ней один на один. Существовало мнение, имеющее в Израиле много сторонников, что публикация в начале декабря 2007 г. доклада американского разведывательного сообщества, согласно которому Иран еще в 2003 г. свернул военную ядерную программу⁷⁴, дала Тегерану зеленый свет на продолжение ядерных разработок. Победа М. Ахмадинежада на выборах в июне 2009 г. только усилила возможности антиизраильского «крена» в региональной политике Ирана. Израильское руководство начало относиться к ядерной программе Ирана не только как к экзистенциальной угрозе своему государству. В аргументации израильского руководства появился фактор глобального характера: обладание ядерным оружием,

⁷⁴ Осенью 2003 г. Иран представил в МАГАТЭ данные о своей ядерной программе, а в декабре того же года подписал Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. – См.: Марьясов А. Г. Ядерная проблема в отношениях Ирана с Западом // Иран в мировой политике. М., 2017. С. 75.

с его точки зрения, превратит Иран в угрозу не только региональному, но и мирового масштаба⁷⁵. Угрозы безопасности своей страны со стороны Сирии, Хезболлы в Ливане и ХАМАС в Газе премьер-министр Израиля рассматривал как отражение иранского влияния и реализацию его претензий на ведущую роль на Ближнем Востоке.

Нетаньяху поставил перед собой задачу остановить ядерный проект Ирана любыми средствами, предпочтительно путем тесного сотрудничества с Соединенными Штатами. Он настаивал, что завершение Ираном 90% работ по развитию технологий производства ядерного оружия должно стать «красной линией», за которой уже понадобится военная акция⁷⁶. Международное сообщество, считал он, не имело морального права ограничивать Израиль в действиях против Ирана по достижению обозначенной «красной линии»⁷⁷. В конце 2011 г. уже начали интенсивно распространяться слухи о возможности нанесения Израилем удара по Ирану.

Начало 2012 г. прошло под знаком обострения военно-политического кризиса вокруг Ирана. Напомним, что в конце 2011 г. США и ЕС пообещали ввести эмбарго на закупки иранской нефти, на что президент М. Ахмадинежад пригрозил закрыть Ормузский пролив, через который поставляется в Европу и Соединенные Штаты более 40% ближневосточной нефти. К берегам этой страны начали прибывать новые боевые корабли США и НАТО. Накалу обстановки способствовали также выступления на международной трибуне в ООН в 2011–2012 гг. тогдашнего президента ИРИ М. Ахмадинежада. Они сопровождались настолько жесткой риторикой в адрес Израиля и США, что руководство еврейского

⁷⁵ The Jerusalem Post. 11.03.2009.

⁷⁶ Терехов А. Ядерные посиделки Обамы и Нетаньяху. Оба лидера вынуждены реагировать на изменение обстановки. URL: http://www.ng.ru/world/2010-07-08/1_obama_netaniahu.html (дата обращения: 17.11.2019).

⁷⁷ URL: <http://www.inosmi.ru/world/20120910/198889078.html#ix-zz2FK32ygVc> (дата обращения: 17.11.2019).

государства сочло необходимым готовиться к военному удару по территории Ирана. Правительство Израиля начало готовиться к войне. Но для военного удара Израилю было необходимо заручиться поддержкой США. Нетаньяху пытался вынудить Обаму пойти дальше обтекаемых заявлений вроде того, что «все опции на столе», он постарается заставить его определить «красную черту», за которой дипломатические и экономические санкции себя исчерпали и уже необходимо применить силу.

Но такие планы в Израиле разделяли отнюдь не все. Большая группа высших офицеров ЦАХАЛ и руководство израильской разведки выступили против идеи превентивных военных действий против Ирана. Эти представители генералитета обвиняли правительство Израиля в авантюризме и поверхностном взгляде на безопасность страны и предупреждали о возможности новой катастрофы. «Нападение на Иран – это самая глупая идея, которую я когда-нибудь слышал, – заявлял М. Даган перед депутатами Кнессета⁷⁸. А тогдашний президент Ш. Перес считал, что «возможность военной атаки против Ирана гораздо менее применима, чем дипломатические решения»⁷⁹. Многие противники военной атаки считали, что гораздо эффективнее введение самых жестких санкций. Справедливости ради нужно признать, что противников применения военных мер по отношению в Ирану в израильском обществе было меньшинство.

Ни США, ни Евросоюз не поддерживали идею удара по Ирану. Неприятие западных лидеров в отношении жесткой внешней политики Нетаньяху вполне понятно: США и Европе масштабный военный конфликт на Ближнем Востоке был не нужен. К тому же, по их мнению, военная операция

⁷⁸ Oren M. Ally: My Journey Across the American-Israeli Divide. Random House, 2015. P. 284.

⁷⁹ Israeli domestic debate on war with Iran. Published Friday, 23.12.2011. URL: <http://www.sacbee.com/2011/12/23/4142221/israeli-domestic-debate-on-war.html> (дата обращения: 21.12.2019).

сыграла бы на пользу радикальным антизападным силам в иранской элите и могла усилить соответствующие общественные настроения. Самим США подобное поведение Израиля грозило ухудшением и без того испорченного имиджа на ближневосточной арене. Эскалация конфликта между Тегераном и Тель-Авивом вынуждала США публично озвучивать свою произраильскую позицию. Это усиливало антиамериканские настроения в исламском обществе, где и по сей день существует устойчивое мнение, что за всеми шагами Израиля стоит Вашингтон, а значит, последнему приходится невольно разделять моральную ответственность со своим ближневосточным союзником за все его заявления.

Израильская стратегия базировалась на идее более активного принудительного сдерживания иранской ядерной программы. Его руководство считало, что, усиливая давление на Иран, можно убедить его в том, что у него нет никаких возможностей стать ядерной державой и отказаться от любых попыток в этом направлении. Израиль утверждал, что любая форма договоренности будет воспринята иранским руководством как тактическая победа и в еще большей степени поддержит его ядерные амбиции и претензии на гегемонию на региональном уровне. По мнению израильских военных экспертов, основные причины несогласия Белого дома с позициями Израиля и ряда арабских стран в отношении переговоров с Ираном лежали в области личных «оптимистических чаяний» американского президента по поводу готовящегося соглашения⁸⁰.

Вскоре после своего повторного избрания, в ноябре 2013 г., Обама пошел на первый компромисс с Ираном, подписав с группой «5+1» промежуточный документ «Совместный план действий»⁸¹. Иран обязался не обогащать уран выше

⁸⁰ Landau E. B., Stein Sh. Iran and the International Community: Moving toward a Comprehensive Deal? // Strategic Assessment for Israel 2014–2015 / Sh. Brom & A. Kurz (eds.). Tel Aviv, 2015. P. 63.

⁸¹ Совместный план действий. Неофициальный перевод с английского. URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/newsline/A40C0E9478030EFD44

5% уровня, избавиться от всех накопленных запасов 20% урана, приостановить строительство тяжеловодного реактора в Араке, не разворачивать новые центрифуги для обогащения урана и расширить доступ инспекторов Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) на свои ядерные объекты. В ответ страны «шестерки» выразили готовность разморозить 4,2 млрд долл. и смягчить санкции в отношении Тегерана.

Несмотря на то что Израиль не участвовал в процессе переговоров по иранской ядерной программе, он был информирован об их ходе. Хотя и Израиль, и Соединенные Штаты разделяли общие цели не допустить обретение Ираном ядерного оружия, их отношение к этой угрозе, а также оценки региональной роли ИРИ различались. США планировали предотвратить развитие программы ядерного оружия, а Израиль стремился не допустить саму возможность, способность Ирана производить ядерное оружие.

Израиль негативно воспринял инициативу США в ноябре 2013 г. по ослаблению санкций против Ирана в обмен на согласие последнего сесть за стол переговоров. По мнению израильского правительства, США неосмотрительно допускали перспективу создания Ираном атомной бомбы. Тем не менее на этом этапе уже было понятно, что прямое ирано-израильское военное столкновение маловероятно, а подобные шаги, наряду с агрессивной риторикой Нетаньяху, являлись средством давления на Тегеран.

Финальное соглашение между ИРИ наконец было официально подписано 14 июля 2015 г. «шестеркой» международных посредников (Россия, Китай, США, Франция, Великобритания и Германия), созданной в 2009 г. Подписание Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД)

257C2D003913CE (дата обращения: 15.05.2019). См. также: «Joint Plan of Action». Geneva. 24.11.2013 URL: http://eeas.europa.eu/statements/docs/2013/131124_03_en.pdf (дата обращения: 15.05.2019).

по иранской ядерной программе можно было считать самым большим прорывом на ближневосточном направлении.

Тель-Авив резко осудил соглашение по Ирану, охарактеризовав его как «плохую сделку». Премьер-министр и глава оборонного ведомства заявили, что речь идет об ошибке исторических масштабов. Израильское правительство опасалось, что это соглашение легитимизирует состояние «ядерного порога» Ирана⁸². Американская администрация пыталась успокоить руководство Израиля, утверждая, что сделка по иранской ядерной программе отрежет Ирану путь к бомбе. Обама лично заверил Нетаньяху в том, что это решение «позволит подлежащими проверке способами гарантировать мирный характер ядерной программы» Тегерана и что его «команда по национальной безопасности будет и впредь укреплять сотрудничество в обеспечении безопасности Израиля и оставаться бдительной в смысле противостояния угрозам, исходящим от Ирана»⁸³. Однако все эти заверения не успокоили ни израильские власти, ни общественное мнение Израиля.

В 2015 г. по «иранской проблеме» в израильско-американских отношениях разразился серьезный кризис. Нетаньяху по приглашению спикера Палаты представителей Дж. Бейнера приехал в США и выступил перед Конгрессом с речью, посвященной проблеме ядерной программы Ирана. Нетаньяху говорил об иранской угрозе, напомнив, что Исламская Республика Иран ставит своей целью уничтожение Израиля и что она по-прежнему величает США «Большим Сатаной». Нетаньяху дал понять: Израиль не допустит ядерного

⁸² Yadlin A. Possible Scenarios and Strategic Options vis-à-vis Iran. INSS Insight. No689.27.04.2015. URL: <https://www.inss.org.il/publication/possible-scenarios-and-strategic-options-vis-a-vis-iran/> (дата обращения: 21.12.2019).

⁸³ Dore Gold Only a blind person would ignore the gravity of the threat which is emerging: an interview with Dore Gold. URL: <http://fathomjournal.org/only-a-blind-person-would-ignore-the-gravity-of-the-threat-which-is-emerging-an-interview-with-dore-gold/> (дата обращения: 15.05.2019).

вооружения Ирана любой ценой, хочет того Америка или нет. Если США и Иран заключат сделку, то Израиль все равно уничтожит ядерную программу Ирана. Если Израилю придется остаться одному – он останется один⁸⁴.

Это был вызов, который израильский премьер бросил американскому президенту и всему левому американскому истеблишменту прямо на территории США, более того, в самом Конгрессе, и Белый дом этого не спустил⁸⁵. Обама счел выступление Нетаньяху оскорбительным и даже отказался от встречи с ним. Реакция на речь Нетаньяху в самом Конгрессе не была однозначной – мнения законодателей, как и ожидалось, разошлись. Большинство представителей Республиканской партии одобрили речь израильского премьер-министра⁸⁶. В итоге реакция на антииранское выступление Нетаньяху проиллюстрировала острые разногласия между демократами и республиканцами в Конгрессе. Около 50 членов Конгресса от Демократической партии вообще демонстративно отсутствовали на этом заседании в знак протеста против попытки Израиля подорвать потенциальное соглашение по Ирану⁸⁷. Правый фланг американского истеблишмента всегда представлял Обаму как «антиизраильского президента», утверждая, что он подвел израильских союзников чуть ли не на всех фронтах, и прежде всего на ядерном направлении.

⁸⁴ Diamond J., Labott E. CNN. Obama, Netanyahu spat seeps into Israeli election. 13.03.2015. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/07/150714_israel_iran_reaction (дата обращения: 17.05.2019).

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Golov A. The Long Road is the Shortest Road: Iran's Possible Routes to a Bomb // INSS Insight No. 729. 06.08.2015. URL: <http://www.inss.org.il/index.aspx?id=4538&articleid=10268> (дата обращения: 16.05.2019).

⁸⁷ Коэн А. Ближневосточная диалектика: зачем США меняют Израиль на Иран. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/282873-blizhnevostochnaya-dialektika-zachem-ssha-menyayut-izrail-na-iran> (дата обращения: 15.05.2019).

Иранское направление израильской политики тесно связано с событиями в Сирии. После начала войны в Сирии правительство Нетаньяху объявило, что, поскольку сирийская ситуация будет во все большей степени контролироваться Ираном, для Израиля эта война и против Ирана⁸⁸. Поначалу Израиль, понимая свои скромные возможности влиять на сирийскую ситуацию, предпочел тактику невмешательства. Долгое время Израиль только следил за возможными продвижениями оружия через территорию Сирии в распоряжение Хезболлы в Ливане. Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху на заседании правительства в начале февраля 2012 г. заявил, что Израиль ни под каким видом не намерен вмешиваться в сирийские события, несмотря на то что он, естественно, не может «оставаться равнодушным» в отношении кровопролития в Сирии⁸⁹.

Но с лета 2012 г. Иран из пассивного объекта американского и израильского давления превратился во влиятельного игрока на сирийском фронте. Сирия, которая всегда была тесно связана с Ираном, становилась ареной активной деятельности и связующим звеном между Ираном, ХАМАС и Хезболлой. Было очевидно, что Сирия увязла в кровопролитной гражданской войне, и это вызывало нарастающее беспокойство в Израиле. Израильская авиация начала плановые удары по караванам оружия для Хезболлы, пересекающим территорию Сирии в сторону ливанской границы. А затем удары начали наноситься и по пунктам, которые израильской стороной расценивались как опорные точки иранского присутствия в Сирии.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ The Jerusalem Post. 06.02.2012.

«Новая стратегия» Израиля в отношении Ирана при администрации Трампа

После прихода в Белый дом республиканской администрации Д. Трампа разногласия по отношению к Ирану между США и Израилем практически сошли на нет. Позиция республиканской администрации по иранской ядерной программе полностью совпала с линией правящих кругов Израиля на воспрепятствование любого договора с ИРИ, смягчающего режим санкций против этого государства. Трамп критиковал соглашение по Ирану еще во время своей предвыборной кампании и грозил разорвать «худшую сделку, которая когда-либо обсуждалась».

Президент объявил о необходимости выработки новой стратегии действий в отношении Ирана. В мае 2017 г. были опубликованы главные элементы этой стратегии. Они сводились к мерам по нейтрализации дестабилизирующего влияния правительства Ирана в регионе и сдерживанию его поддержки терроризма и боевиков⁹⁰. Вашингтон подчеркнул, что будет стремиться лишить иранский режим, в особенности Корпус стражей исламской революции (КСИР), возможности финансировать «свою пагубную деятельность». Главным принципом «новой стратегии» стала решимость США противостоять иранским угрозам использования баллистических ракет и других асимметричных видов оружия в свой адрес и адрес своих союзников, прежде всего Израиля⁹¹. Важной задачей США стала активизация традиционных американских альянсов и регионального партнерства в качестве оплота противодействия иранской подрывной деятельности для восстановления более устойчивого баланса сил в регионе. На этом

⁹⁰ President Donald J. Trump's New Strategy on Iran. Issued on: 13.10.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-new-strategy-iran/> (дата обращения: 12. 08.2019).

⁹¹ Ibid.

направлении особое значение придавалось традиционным американским партнерам – Израилю и Саудовской Аравии.

Для обоснования своего подхода Дональд Трамп, в частности, ссылаясь на некие обнародованные Израилем секретные иранские документы⁹², которые израильские спецслужбы добыли в Иране. Нетаньяху интерпретировал эти документы как свидетельство того, что у Ирана с самого начала была программа разработки ядерного оружия. Иран эти обвинения категорически отрицал. Специалисты же замечали, что в этих документах не содержалось ничего неизвестного ранее и обращение к ним было рассчитано, скорее, на поддерживающий пропагандистский эффект.

Однако одним из важных внешнеполитических мотивов для Израиля было не дать Тегерану закрепиться в Ираке и Сирии. Израильтяне хотели предотвратить такое развитие событий, при котором Иран может воспользоваться плодами своего участия в борьбе с террористическими организациями на сирийской территории и открыть военные базы неподалеку от израильской границы. Израильское руководство надеялось, что односторонний выход Трампа из «ядерной» договоренности с Ираном означал, что, когда будет необходимо, американцы могут «дать добро» своим ближневосточным союзникам на начало прямой конфронтации с Тегераном. Такое предположение, однако, не имело достаточных оснований, так как для администрации США не может быть военного решения, особенно в условиях, когда руководство Пентагона выступает против военного противостояния с Ираном, а Израиль не располагает достаточными возможностями для уничтожения всех иранских ядерных объектов⁹³.

⁹² Israel's Iran documents show nuclear deal 'was built on lies' 01.05.2018. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-43958205> (дата обращения: 13.07.2019).

⁹³ Эксперт назвал возможные последствия выхода США из ядерной сделки с Ираном. 09.05.2018. URL: <https://ria.ru/world/20180509/1520193117.html> (дата обращения: 21.03.2019).

Руководство Израиля приветствовало решение Трампа о выходе из «ядерной сделки», оценив этот шаг как историческое решение, способное противостоять террористическому режиму в Тегеране и добиться того, чтобы у «Ирана никогда не было ядерного оружия, ни сегодня, ни через 10 лет – никогда»⁹⁴. Премьер-министру вторили его сторонники, считавшие, что необходимо воспользоваться всеми преимуществами благоприятного климата, предоставляемого Израилю американским руководством, для усиления нажима на Иран. «У нас есть Болтон и Помпео – рассуждали они – где они будут через два или через четыре года? У нас есть президент, разделяющий нашу позицию. Сейчас “самое время” для решений по Ирану»⁹⁵.

Выход администрации Трампа из ядерного соглашения обозначил точку слияния сирийского конфликта и соглашения по ядерной программе в единую политическую повестку дня в Израиле. По мнению Ю. Бармина, стратегия США и Израиля по СВПД вызывает подозрение, что выход из сделки был необходим, чтобы подтолкнуть Иран к зеркальным действиям и возобновлению ядерной программы⁹⁶. Даже если это не соответствует действительности, сам факт подозрения о намерениях Ирана станет аргументом для США и его союзников, чтобы проводить более агрессивную политику по изоляции и сдерживанию ИРИ в регионе вообще и в Сирии в частности. Израиль явно рассматривался как важнейший игрок по осуществлению сдерживания

⁹⁴ Ahren R., Cortellessa E. Netanyahu hails tough new US strategy on Iran as ‘the right policy’. 21.05.2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-hails-new-us-strategy-on-iran-as-the-right-policy/> (дата обращения: 21.03.2019).

⁹⁵ For Netanyahu, Vindication and New Risk After Trump’s Iran Decision. URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/08/world/middleeast/for-netanyahu-vindication-and-new-risk-after-trumps-iran-decision.html> (дата обращения: 05.08.2018).

⁹⁶ Бармин Ю. Н. Россия и Израиль. Ближневосточное измерение отношений // Рабочая тетрадь РСМД. 2018. № 42. URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-Israel-Paper42-Rus.pdf> (дата обращения: 05.08.2018).

и способности предпринять шаги, чтобы самостоятельно уничтожить объекты инфраструктуры, связанные с иранской ядерной программой.

Не следует думать, что экспертное сообщество и общественное мнение Израиля полностью одобрило столь жесткую позицию американского и израильского руководства в отношении соглашения по Ирану. В стране серьезно обсуждался вопрос: что выгодней сейчас Израилю? Сохранение соглашения по Ирану с жестким контролем за исполнением ограничений атомной программы на базе квартальных отчетов, предоставляемых президенту, или отказ от соглашения и ужесточение санкций, если в этом случае Иран пойдет на разрыв всех обязательств и перейдет к активной фазе разработки ядерного оружия.

Высказывалось мнение, что решение США по Ирану создало новые риски для Израиля. В течение нескольких десятилетий израильскому государству не угрожала возможность межгосударственной войны, теперь такая угроза появилась сразу по нескольким направлениям. По выражению известного израильского журналиста Ари Шавита, Нетаньяху вообразил себя таким Черчиллем, который должен уговорить Рузвельта разрушить Иран. Это не сработало с Обамой, но президент Трамп дал ему такие возможности. Это породило иллюзии, что под новыми санкциями рухнет сначала иранская экономика, а затем падет правительство⁹⁷. По мнению Офера Залцберга, эксперта Международной группы изучения кризисов (International Crisis Group), права та группа экспертов, которые считают, что выход из соглашения по Ирану может привести к дальнейшему усилению позиций Ирана в Сирии, что означает реальную угрозу для Израиля.

⁹⁷ For Netanyahu, Vindication and New Risk After Trump's Iran Decision. URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/08/world/middleeast/for-netanyahu-vindication-and-new-risk-after-trumps-iran-decision.html> (дата обращения: 12.07.2019).

Высший командный состав вооруженных сил Израиля был не против того, чтобы сохранить это соглашение. Оно давало Израилю возможность некоторой передышки, чтобы укрепить свои наступательные мощности, которые в случае необходимости могли бы нанести удар по ядерной программе Ирана⁹⁸. Руководители разведывательных организаций Израиля, прекрасно осведомленные обо всех изъянах соглашения по Ирану, также принимали во внимание риски, сопряженные с решением США выйти из этого соглашения. Некоторые представители руководства израильского разведывательного сообщества больше беспокоятся о планах размещения там шиитской милиции и Хезболлы в Сирии, прежде всего вблизи израильской границы на Голанах⁹⁹.

Бывший глава военной разведки генерал А. Ядлин считал, что нельзя выходить из соглашения. Он предлагал вместо этого попытаться убедить Вашингтон пойти на компромисс – оставить возможность выхода из сделки, если Иран нарушит ее в будущем. Многие военные специалисты считали, что сосредоточиться нужно на совместных американо-израильских усилиях по блокированию иранской помощи террористам и усилить нажим на СБ ООН по противодействию созданию баллистических ракет Ирана. Бывший начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля Гади Айзенкот также выразил уверенность, что соглашение со всеми его недостатками работало и предотвращало реализацию иранских ядерных проектов на 10–15 лет вперед¹⁰⁰. В военных кругах Израиля укоренилась более прагматичная

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Harel A. With Unprecedented Chaos in Washington, Israel Sets New Red Lines Over Iranian Presence in Syria. 11.10.2017. URL: <https://www.haaretz.com/us-news/.premium-1.816730> (дата обращения: 12.07.2019).

¹⁰⁰ Iran Nuclear Deal Was “Recipe for Disaster”, Says Netanyahu after Trump Pulls US out of Agreement // Independent. 08.05.2018. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/iran-nuclear-deal-latest-trump-benjamin> (дата обращения: 12.07.2019).

позиция по СВПД: ими высказывалось мнение, что Израилю необходимо выстраивать более плотный диалог с Россией по вопросу иранской ядерной программы.

В то же время необходимо отметить, что подобные мнения не оказывают большого влияния на позиции большинства израильтян в отношении Ирана. Общественное мнение по Ирану с приходом Трампа в Израиле существенно изменилось. Во времена администрации Обамы, в 2010 г., когда Нетаньяху впервые выступил за военный удар по ИРИ, не только значительная часть израильского общества была настроена против такой позиции израильского руководства, но даже члены правительства выступили против мнения премьер-министра. В 2018 г. ситуация изменилась. Даже наиболее умеренные круги израильского руководства и большинство израильтян считали очевидными нарастающие угрозы со стороны Ирана и поддерживали самые жесткие санкции (вплоть до военной акции) в отношении его руководства¹⁰¹.

Российская позиция исходила из того, что потенциальный выход США из «ядерной сделки» с Ираном негативно скажется на ситуации с ядерными вооружениями во всем мире. Такой шаг нанесет «однозначный вред предсказуемости, безопасности, стабильности и нераспространению ядерного оружия во всем мире», может усугубить проблему «иранского ядерного досье» и привести к другим непредсказуемым последствиям¹⁰². Москва считает, что достигнутое в 2015 г. соглашение по ядерной программе Ирана – Совместный всеобъемлющий план действий – должно соблюдаться. В противном случае России придется иметь дело либо с Ираном, обладающим ядерным оружием, либо с крупномасштабной

¹⁰¹ Israel welcomes Iran sanctions. 06.11.2018. URL: <http://www.bicom.org.uk/news/israel-welcomes-iran-sanctions/> (дата обращения: 12.07.2019).

¹⁰² МИД назвал выход США из сделки по Ирану ширмой для сведения счетов. 08.05.2018. URL: <https://iz.ru/741141/2018-05-08/mid-rf-nazval-vykhod-ssha-iz-svpd-shirmoi-dlia-svedeniia-schetov-s-iranom> (дата обращения: 12.07.2019).

войной у своих южных границ. Москва восприняла американский демарш как новое подтверждение недоговороспособности Вашингтона. Решение о выходе из соглашения по Ирану является лишь ширмой для сведения с ним политических счетов, считает российское Министерство иностранных дел и добавляет, что Россия намерена и далее сотрудничать с Ираном¹⁰³.

Наиболее тревожным для Израиля по-прежнему оставался иранский фактор в Сирии. Израиль считал и считает неприемлемыми планы Ирана сохранять свое присутствие в САР. Как утверждает израильское руководство, Тегеран заинтересован не только в отправке советников в Сирию, но и в увеличении контингента вооруженных сил, включая создание авиабазы для иранских самолетов, а также военноморской базы. По данным израильтян, в Сирии насчитывалось около 80 000 солдат-шиитов из Ирана и других стран, в том числе основной состав Корпуса стражей исламской революции численностью 3 тыс. человек, а также около 8 тыс. боевиков Хезболлы и других боевиков¹⁰⁴. Присутствие иранских подразделений и боевиков Хезболлы между Дамаском и израильско-сирийской границей за последние два года существенно возросло.

Израиль опасался, что впоследствии США резко сократят свое присутствие в Сирии, ограничиваясь помощью сирийским курдам и войной с остатками ИГИЛ. А Иран и Турция, которые ждут ограничения присутствия США и РФ на конечном этапе военных действий, затем готовы активизироваться в разделе «сирийского пирога». Тогда Иран станет самой большой и влиятельной величиной в Сирии,

¹⁰³ МИД России отреагировал на выход США из ядерной сделки с Ираном. 08.05.2018. URL: www.gazeta.ru/politics/news/2018/05/08/n_11510377.shtml (дата обращения: 17.07.2019).

¹⁰⁴ Iranian Forces Deployed in Syria. URL: <https://www.idf.il/en/minisites/facts-and-figures/iran-in-syria/iranian-forces-deployed-in-syria/> (дата обращения: 12.07.2019).

что для Израиля является пределом допустимого, его «красной линией». Для Израиля риски, связанные с обстановкой в Сирии и положением многих участников, каждый из которых преследует свои собственные интересы, будут оставаться такими же высокими до тех пор, пока будет продолжаться сирийская война¹⁰⁵.

Сам Нетаньяху осознавал, что, вероятно, Иран сохранит свое присутствие в Сирии, несмотря на давление США и угрозы Израиля. Продолжающееся военное присутствие Ирана на сирийской территории было оговорено Соглашением об углублении сотрудничества в оборонной сфере между Тегераном и Дамаском, заключенным в конце августа 2018 г. В нем говорилось, что Иран «согласился помогать Сирии в разминировании различных районов страны, а также в восстановлении военной инфраструктуры Сирии и ее правительственных объектов, разрушенных в ходе войны»¹⁰⁶. Руководство Израиля восприняло это соглашение как вызов, заявив, что еврейское государство не допустит «военного самоутверждения» Ирана на сирийской территории и еврейское государство будет реагировать в Сирии со всей имеющейся в его распоряжении мощностью против иранских целей, представляющих угрозу для Израиля¹⁰⁷.

Израильские и американские политики, делая прогнозы будущего развития событий вокруг иранского присутствия в Сирии, предполагают, что непомерные расходы на региональную экспансию и жесткие санкции Запада могут

¹⁰⁵ Овед Е. Иранское присутствие в Сирии и «красные линии» Израиля. 16.03.2018. URL: <http://ru.valdaicclub.com/a/highlights/iranskoe-prisutstvie-v-sirii/> (дата обращения: 12.07.2019).

¹⁰⁶ Netanyahu Lists Two Israeli Demands on Syria He Wants to Discuss With Putin. 09/07/2018. URL: <https://sputniknews.com/middleeast/201807081066166115-netanyahu-demand-putin-syria-iran/> (дата обращения: 12.07.2019).

¹⁰⁷ Израиль посчитал «вызовом» соглашение Ирана и Сирии в оборонной сфере. 29.08.2018. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2018/08/29/izrail-poschital-vyzovom-soglashenie-irana-i-sirii-v-oboronnoy-sfere> (дата обращения: 12.01.2020).

привести Иран к серьезному экономическому и политическому кризису. Так, высказывается мнение, что этот кризис дал толчок к росту протестного движения в Иране, ослабляющего исламский режим, что, возможно, сможет привести к решению духовного лидера страны Али Хаменеи к политическим переменам. Министр обороны Израиля Н. Беннет считает, что «Сирия превратится для Ирана, несмотря на его успехи, в новый Вьетнам»¹⁰⁸. Вряд ли можно говорить о подобной угрозе, смысл которой напоминает об изматывающей войне, приведшей к фактическому поражению США во Вьетнаме, чреватому тяжелыми политическими последствиями для страны. Следует напомнить, что Иран никогда не вел таких крупных военных действий за пределами страны, которые грозили бы «вьетнамизацией». Но в настоящее время иранский режим прямо или косвенно участвует в военных действиях в Сирии, Ираке и Ливане; тратит значительные ресурсы на укрепление своих «прокси» в лице «Исламского Джихада» в Газе, поддерживает Хезболлу в Сирии и в Ираке. По данным госинспектора США, иранский контингент в Сирии недавно составлял более 3 тыс. бойцов Кодс КСИР во главе с Касемом Сулеймани¹⁰⁹.

Попытка Израиля сближения с суннитскими государствами на базе создания «антииранского фронта»

К основным проблемам, связанным с ИРИ на региональном уровне, Израиль относит проникновение Ирана в арабскую систему, то, что раньше было «закрытым клубом» арабских государств. В результате фрагментации и ослабления «арабского мира» неарабские государства на Ближнем Востоке – Иран, Турция и Израиль – стали наиболее сильными

¹⁰⁸ The Jerusalem Post. 02.01.2020.

¹⁰⁹ Ibid.

региональными игроками. События последних лет – война в Сирии, ситуация в Газе, новая администрация Д. Трампа, израильские и иорданские выборы – все это сформировало новую ситуацию в регионе. Некоторые израильские специалисты считают, что иранское влияние на арабский мир уже достигло своего предела, а теперь постепенно снижается. Это подтверждается усилением сопротивления внутри Ирана, где активизировалась оппозиция, поддерживаемая Египтом, а также некоторый отход арабских союзников Ирана – Катара и даже Хезболлы и ХАМАС, которые стали в большей степени ориентироваться на арабский лагерь.

В системе межгосударственных отношений на Ближнем Востоке после «арабской весны» начали развиваться некие подвижные альянсы ближневосточных государств, за которыми кроются более устойчивые и деятельные союзы стран «по интересам», не укладывающиеся в обычную политическую логику. Около 2013 г. взяли старт тщательно скрываемые постепенные шаги на сближение двух внешне давно враждующих государств – Израиля и Саудовской Аравии. При всей разности религиозных, культурных, политических и географических региональных интересов у этих государств совпали стратегические интересы – противостояние суннитской Саудовской Аравии и Израиля и шиитской Исламской Республики Иран. В конце 2013 г. израильские СМИ сообщали, что глава саудовской разведки принц Бандар бен Султан «на полях» женевских переговоров по иранской ядерной программе в ноябре 2013 г. встречался со многими руководителями израильских спецслужб с целью выработки линии сдерживания Ирана «всеми возможными методами»¹¹⁰. Поскольку Саудовская Аравия и страны Персидского залива стали союзниками США, которых можно было бы противопоставить

¹¹⁰ Альянс шестиконечной звезды и полумесяца: цели и перспективы. URL: http://mnenia.zahav.ru/Articles/3755/alyans_shestikonechnoi_zvezdi (дата обращения: 24.12.2013).

Ираку и Ирану, сближение с ними вошло в повестку дня региональной политики Израиля. В последние годы шло постепенное нарастание усилий Израиля по нормализации отношений с «прагматичными» арабскими государствами Персидского залива. Впервые за 22 года, в 2018 г., Б. Нетаньяху посетил султанат Оман, с которым Израиль неофициально поддерживал отношения. Осуществлялись контакты израильских министров с Саудовской Аравией, в ходе которых обсуждались возможности взаимодействия на «иранском направлении»¹¹¹.

Такая позиция Израиля полностью соответствовала идее Д. Трампа развивать совместно с израильским руководством создание регионального «антииранского фронта». В 2018 г. на базе сближения ряда «прагматично настроенных» государств Персидского залива с Израилем была сделана попытка создать некое подобие «арабского НАТО»¹¹². Администрация Трампа продвигала идею создания арабских объединенных военных сил, которые мыслились американской стороной как Ближневосточный стратегический альянс (the Middle East Strategic Alliance – MESA), уже окрещенный «арабским НАТО» со штаб-квартирой в Эр-Рияде. Ось нового альянса – Вашингтон – Эр-Рияд – была скреплена сделкой по закупке саудовцами американского вооружения на сумму в 110 млрд долл.¹¹³ Предполагаемый альянс по замыслу его создателей должен был служить препятствием для экспансионистских планов Ирана и радикального ислама. Предполагалось, что в 2019 г. в альянс войдут шесть арабских государств Персидского залива – члены ССАГПЗ, Иордания и Египет.

¹¹¹ Yoel Guzansky, Kobi Michael, Zaki Shalom. The Prime Minister's Visit to Oman // INSS Insight No. 1106. 15.11. 2018.

¹¹² Guzansky Y., Establishing an Arab NATO: Vision versus Reality // INSS Insight No. 1107. 15.11.2018. URL: http://www.inss.org.il/publication/establishing-arab-nato-vision-versus-reality/?utm_source=activetrail&utm_medium=email&utm_campaign=INSS%20Insight%20No.%201106+1107 (дата обращения: 12.07.2019).

¹¹³ Шумилина И. НАТО западное и «НАТО» арабское // Евро-Атлантика сегодня: ближневосточные вызовы. М., 2018. С. 123–124.

Планировалось, что Альянс проведет первые совместные военные учения под названием «Арабский щит-1» в Египте с участием Катара, Омана и, возможно, Ливана и Марокко, что и послужит стартом для нового военного союза¹¹⁴. Идея создания арабского блока, или альянса, не нова, хотя все эти амбициозные планы внешних акторов со времен Багдадского пакта в 1950-х гг. терпели неудачу.

С точки зрения интересов Соединенных Штатов арабская коалиция в регионе может сократить необходимость размещения американских вооруженных сил на Ближнем Востоке. Новый альянс мог бы самостоятельно бороться с иранским влиянием в регионе и Сирии, а также с его «прокси» Хезболлой. На международной арене этот так называемый военный союз мог существенно снизить политические затраты американской стороны в случае необходимости прямого вмешательства. Но и в чисто экономическом смысле этот альянс выгоден Америке, так как планирующееся финансовое участие арабской коалиции в региональных проблемах помогло бы снизить финансовые расходы США.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе Израилю нужен такой механизм межарабского объединения для противостояния росту влияния Ирана в регионе. Однако в долгосрочной перспективе, как подчеркивают израильские эксперты, такой альянс может стать очередной проблемой для Израиля. Наличие общего врага иногда не может служить солидной базой для создания союза. Единство арабских государств всегда было трудной проблемой. В таком нестабильном регионе, как Ближний Восток, возможны любые изменения в режимах арабских стран, что обычно влечет за собой изменения в приоритетах государственных интересов. Как показывает практика, это обычно ведет к усилению антиизраильских настроений и является действенным фактором

¹¹⁴ Guzansky Y., Kobi M. Op. cit.

сплочения арабских государств региона против Израиля¹¹⁵. Кроме того, политическое единство и военные возможности арабских государств далеки от того, чтобы стать значительным компонентом обеспечения безопасности для членов задуманного альянса. Значение такого союза в случае его создания, очевидно, носило бы в большей степени символический характер.

Новый виток напряженности

Новый виток напряженности между США, Израилем и Ираном имел место 29 декабря 2019 г. после того, как американская авиация нанесла удары по пяти объектам шиитской группировки «Катаиб Хезболла»¹¹⁶ в Ираке и Сирии. Американской атаке предшествовал массовый ракетный обстрел военной базы на севере Ирака, в результате которого погиб американский гражданин, а 4 военнослужащих были ранены. Затем 31 декабря была попытка нападения на американское посольство в Багдаде. В ночь со 2 на 3 января 2020 г. США ударили по колонне автомобилей у международного аэропорта Багдада. В результате удара беспилотника погибли 12 человек, среди которых было два особо важных высокопоставленных военачальника – иранский генерал Касем Сулеймани и иракский военачальник Абу Магди Аль-Мухандис, – считающихся в Вашингтоне причастными к организации нападения на американское посольство в Багдаде 31 декабря 2019 г. Глава израильского правительства похвалил Д. Трампа за решительность и подчеркнул, что он полностью поддерживает действия США и признает их право на самозащиту¹¹⁷.

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ «Катаиб Хезболла» (действует с 2014 г.) – организация шиитских группировок, действующая в интересах Ирана в Ираке и Сирии, входит в коалицию Сил народной мобилизации («Хашдаш-Шааби»).

¹¹⁷ Нетаньяху выразил поддержку США после убийства иранского генерала Сулеймани. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2822903.html> (дата обращения: 03.01.2020).

В результате у многих аналитиков возникло впечатление, что противостояние США и Израиля с Ираном и проиранскими силами в регионе вышло на качественно новый уровень. В ответ Иран объявил о выходе из СВПД, что, по мнению израильской стороны, делает иранский режим более опасным. По оценке израильских экспертов по безопасности, представивших президенту Израиля Р. Ривлину доклад о возможных последствиях острого обострения ситуации с Ираном, Иран утвердился в своем намерении как можно скорее «выйти на ядерную арену» и усилить свое присутствие в Сирии и в других частях региона, что «даст новые возможности действовать против Израиля»¹¹⁸. Убийство Сулеймани ставит новые проблемы не только для Израиля. С конца 2019 г. под эгидой Египта активность набирали переговорные контакты между израильтянами и руководством ХАМАС с целью ослабить военное напряжение между Газой и Израилем, включая израильское экономическое давление на этот сектор. В этой ситуации ХАМАС попал в трудное положение. С одной стороны, ХАМАС определяет себя как организацию сопротивления и связан с военно-стратегической поддержкой Ирана и Хезболлы. С другой стороны, проблемы спокойствия на границе, укрепления экономического положения Газы и выгодные совместные проекты с израильской стороной диктуют осторожность и сохранение хрупкого баланса в переговорном процессе с Израилем¹¹⁹. Хотя, как подчеркивали авторы доклада, пока трудно оценить все последствия американских действий в Ираке и убийства Сулеймани, обстановка явно накаляется. Израиль должен быть готов к быстрым и фундаментальным коррективам своей стратегии обеспечения безопасности (так называемая «стратегия войны между войнами» – «war between wars». – Т.К.) перед лицом новых вызовов¹²⁰.

¹¹⁸ The Jerusalem Post. 07.01.2020.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ Ibid.

По мнению Дмитрия Тренина, директора Московского Центра Карнеги, противостояние США и Ирана оказалось поединком. Другие крупные мировые державы в той или иной степени поспешили отстраниться от конфликта¹²¹. Да и сама Исламская Республика вряд ли решится ударить по Израилю. Скорее всего, наибольший риск несут американские граждане и представительства США за рубежом. По общему мнению, третьей мировой войны из-за убийства Сулеймани не произойдет: у Ирана нет союзников, способных на серьезные военные действия с США. «Возможны осуществление кибератак, одиночных терактов на американских военных базах без прямого участия иранских подразделений, боестолкновения прокси-подразделений всех мастей в Сирии и Ираке. Но не более того»¹²².

Складывается впечатление, что иранское руководство, оценив ситуацию, решило поступить рационально и стратегически. Целью Тегерана стало, с одной стороны, выставить Иран в глазах мировой общественности жертвой авантюристической политики администрации Д. Трампа, а с другой – использовать сложившуюся ситуацию для постепенного выдавливания США из Ирака и Сирии – двух важнейших для региональных интересов Ирана соседних стран¹²³. Таким образом, в новых обстоятельствах израильское руководство вновь выдвинуло на передний план в качестве первоочередной стратегической задачи продолжение активного противостояния с Ираном в качестве основной угрозы безопасности, а также постепенное вхождение в политическую систему региона на основе сближения с рядом суннитских государств. Основой для возможности такого сближения

¹²¹ Тренин Дм. Что показала военная тревога – 2020: итоги американо-иранского новогоднего обмена ударами. URL: <https://carnegie.ru/2020/01/23/ru-pub-80868> (дата обращения: 23.01. 2020).

¹²² Таскаева С. Убийство Сулеймани: причины и последствия. URL: <https://www.pravda.ru/world/1464551-ww3iran/> (дата обращения: 17.01.2020).

¹²³ Там же.

является общая с Израилем антииранская направленность внешней политики этих стран. К тактическим региональным задачам относятся вытеснение иранской «прокси» – Хезболлы и предотвращение постоянного иранского присутствия на территории Сирии.

Решение вышеуказанных стратегических и тактических задач, очевидно, должно способствовать активизации региональной политики и выдвиганию Израиля в качестве одного из основных центров силы в Ближневосточном регионе.

Литература

Алиев А. А. Национальное и религиозное в системе межгосударственных отношений Ирана и Ирака в XX веке. М., 2006.

Афшарпур Амир Хушенг. Медийная дипломатия. URL: <https://articlekz.com/article/10957> (дата обращения: 15.05.2019).

Арбатов А. Ядерное соглашение с Ираном: политика и технологии // Год планеты. Ежегодник. 2015. М., 2015.

Бармин Ю. Н. Россия и Израиль. Ближневосточное измерение отношений // Рабочая тетрадь РСМД. 2018. № 42. URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-Israel-Paper42-Rus.pdf> (дата обращения: 05.08.2018).

Бигдели Мохаммад Реза. О стратегии расширения культурной дипломатии Исламской Республики Иран (на примере сравнения Ирана и Турции) // Тезисы статей Первой международной конференции «Политические проблемы Ирана: портрет 40-летия Исламской Республики». Тегеран, 2019.

Ганиев Т., Задонский С., Карякин В. Военная мощь Исламской Республики Иран. Т. 1. М., 2019.

Глобализация и справедливость. М., 2007.

Дамиров Н. Ю. Ислам в социально-политическом развитии современного Ирана: автореф. дисс. МГИМО(У)МИД РФ. М.: Российская библиотека диссертаций, 1998. URL: <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats/avtoref71.htm>.

Диалог цивилизаций: исторический опыт и перспективы XXI века: доклады и выступления // Российско-иранский междунар. научн. симпозиум, 1–2 февраля 2002. М., 2002.

Доброщев О. Глобальный мир. Российский сценарий. Часть 1. 05.06.2014. URL: <http://www.peremenu.ru/books/osminog/9436> (дата обращения: 05.06.2019).

Дунаева Е. В. Политическая система ИРИ: вызовы либеральной модернизации // Восток (ORIENS). 2016, № 1.

Дунаева Е. В., Мамедова Н. М., Сажин В. И. Год после выхода США из ядерной сделки (новые риски для Ирана) // Восточная аналитика. 2019. Вып. 1.

Дунаева Е. В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана // Контуры глобальных трансформаций Т. 11. № 4.

Дунаева Е. В. Иран на пороге 40-летия исламской революции (Что скрывается за январскими протестами) // Азия и Африка сегодня. 2018. № 6 (731).

Евсеев В. Иранская ядерная проблема // Обозреватель (Observer). 2005. № 4.

Евсеев В. В., Сажин В. И. Иран, уран и ракеты. М., 2009.

Евсеев В. В. Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани. М., 2013.

Иран в условиях новых геополитических реалий. М., 2019.

Каменева М. С. Иран и мусульманские страны: проблемы культурного взаимодействия // Иран и исламские страны. М., 2009.

Конституция Исламской Республики Иран // Весна свободы. М.: Посольство ИРИ в РФ, 1994.

Коэн А. Ближневосточная диалектика: зачем США меняют Израиль на Иран. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/282873-blizhnevostochnaya-dialektika-zachem-ssha-menyayut-izrail-na-iran> (дата обращения: 15.05.2019).

Кулагина Л. М., Ахмедов В. М. Иран и революционные движения на Арабском Востоке // Политика РФ и ИРИ в региональном контексте (ЦА, Кавказ, Ближний Восток). М., 2011.

Кулагина Л. М. Ахмедов В. М. Внешняя политика ИРИ в условиях революционного подъема на Арабском Востоке // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М., 2014.

Курyleв К. П., Никулин М. А., Гончарова А. А. «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: «История и политические науки». 2017. № 2.

Сажин В. И. Ракетно-ядерный потенциал Исламской Республики Иран: состояние и перспективы развития. М., 2011.

Сажин В. И. Ситуация вокруг иранской ядерной программы // Санкции и их влияние на Иран. М., 2012.

Сажин В. И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т. 10, № 3.

Сажин В. И., Бондарь Ю. М. Военная мощь Исламской Республики Иран. М., 2014.

Современные российско-иранские отношения: вызовы и возможности // Рабочая тетрадь. № XIV РСМД. М., 2014.

Ядерные посиделки Обамы и Нетаньяху. Оба лидера вынуждены реагировать на изменение обстановки. URL: http://www.ng.ru/world/2010-07-08/1_obama_netaniahu.html (дата обращения: 17.11.2019).

Федорова И. Е. Политика администрации Трампа в отношении Ирана // Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока. М., 2017.

Федорова И. Е. Иран – США 2017 // Иран в мировой политике XXI века. М., 2017.

Федорова И. Е. Ирано-афганские отношения на современном этапе // Восточная аналитика. 2019. Вып. 4.

Федорова И. Е. Иран и Иракский Курдистан // Социально-политические процессы на Востоке // Труды Института востоковедения РАН. М., 2019. Вып. 26.

Хатами Мохаммад. Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001.

Хлопков А. Ядерная программа Ирана – незаконченная история // У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения. М.: Московский Центр Карнеги, 2007.

Шестаков А. П. Создание духовенством Корпуса стражей исламской революции как инструмента борьбы за безраздельное политическое господство // Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1979. С. 163–170.

Эскобар Пепе. Как Китай, Россия, Индия и Иран обкладывают Вашингтон со всех сторон. URL: <http://russia-insider.com/ru/politika/kak-kitay-rossiya-indiya-i-iran-obkladyvayut-vashington-so-vseh-storon/ri9105> (дата обращения: 13.06.2019).

Юртаев В. И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). М., 2012.

Юртаев В. И. Иран в Евразии: вызовы «исламского пробуждения» // Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. М., 2013.

Юртаев В. И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М., 2018.

Albright D., Hinderstein C. Iran, Player or Rogue? // Bulletin of the Atomic Scientists. 2003. Vol. 59. Issue 5.

Beck M. Israel. Regional Politics in a Highly Fragmented Region // Flermes D. (ed.). Regional Leadership in the Global System. Ideas, Interests and Strategies of Regional Powers. Surrey, 2010.

Calabrese J. Revolutionary Horizons: Regional Foreign Policy in Post Khomeini Iran. N.Y., 1994.

Cordesman A. H. Arms Sales to Iran: Rumour and Reality // Middle East Executive Reports, 1986, February.

Dershowitz A. The Case Against the Iran Deal: How Can We Now Stop Iran From Getting Nukes? N.-Y., 2015.

Heller M. A. Israel as a Regional Power: Prospects and Problems // Fürst H. (ed.) Regional Powers in the Middle East. The Modern Muslim World. N.Y., 2014.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. N.Y., 1997.

Kaura Vinay. India and Iran: Challenges and Opportunity. 11.09.2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/09/india-iran-relations-challenges-and-opportunity/> (дата обращения: 17.04.2019).

Landau E. B., Stein Sh. Iran and the International Community: Moving toward a Comprehensive Deal? // Strategic Assessment for Israel 2014–2015 / Sh. Brom & A. Kurz (eds.). Tel Aviv, 2015.

O'Balance E. The Gulf War. L., 1988.

The Military Balance. L., 1980, L., 1981, L., 1982. The International Institute for Strategic Studies, IISS. London.

President Donald J. Trump's New Strategy on Iran. Issued on: 13.10.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-new-strategy-iran/> (дата обращения: 12. 08.2019).

Sahriatinia Mohsen. Iran – China – US Triangle. 28.10.2011. URL: http://www.iranreview.org/content/Documents/Iran%E2%80%93China%E2%80%93US_Triangle.htm

Esnaashari Shahrads. Az doulat-e eslami ta doulat-e eslami. Tehran, 2006/07.

Bashariye Hossein. Dibacheii bar jameeshenasi-ye Iran. Doure-ye jomhuri-ye eslami. Tehran, 2008/09.

Pehlevi Mohammad Reza. Be sy-ye tamaddon-e bozorg. Tehran, 1968.

Siyasat va hokumat dar Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. Be kushesh-e Golam Reza Khajeh Sarvi. Tehran, 2011/12.

Khaghighat S. S. Se mouj-e eslahat // Shargh. 25.03.2019.

Majmu'-ye Ghavanin-e Niruha-ye Mossalah-e Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. 1996. Tehran, 1996/97.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИРИ ГЛАЗАМИ ИРАНСКИХ УЧЕНЫХ

Религиозная демократия: достижения и проблемы

Введение

У понятия «демократия» много определений. Некоторые полагают основным содержанием демократии преобразование голоса в закон руками народа¹, другие считают ее теорией либо методом. Демократия представляет собой власть народа над народом, так как это слово состоит из двух слов «demos», что значит народ, и «kratia», т.е. править, властвовать. Демократия имеет разные модели и может даже объединяться с религией. Восприятие демократии как метода или теории также обусловлено таким подходом². В ИРИ демократия сочетается с исламом. В данной статье предполагается показать, как с теоретической точки зрения демократия сочетается с исламскими убеждениями, каких успехов добилась ИРИ в этой сфере и с какими сложностями столкнулось исламское государство.

Спектральность демократии

Принято считать, что в любом обществе существует либо демократия, либо диктатура, и невозможно представить нечто среднее между ними³. Дэвид Битхэм и Кевин Бойль, напротив, в определении, представленном ими для

¹ Малекиян М. Методология в политологии. Часть II // Политические науки. 2003. № 22. S. 15–24 (на перс. яз.).

² Соруш А. Жирнее идеологии. Тегеран, 1993. S. 269 (на перс. яз.).

³ Шабестари М. М. Критика официального толкования религии. Тегеран, 2000. S. 144 (на перс. яз.).

ЮНЕСКО, правильно считают это понятие спектральным: «Наличие демократии требует реализации двух основных принципов – всеобщего наблюдения за принятием коллективных решений и наличие равенства прав для реализации этого наблюдения. Чем более эти два принципа соблюдаются при принятии решений в любом обществе, тем более это общество будет демократичным. Демократия – это не абсолютное понятие, которое может полностью существовать либо полностью отсутствовать в каком-либо обществе»⁴. Значит, правление может иметь разный уровень демократичности. Другими словами, формы правления можно подразделить на основании степени и показателей демократии.

Модели демократии

Дэвид Хелд в книге «Модели демократии» приводит девять моделей демократии⁵. Значит, демократия имеет разновидности, и на самом деле мы имеем дело с разными видами демократии. Можно назвать следующие разновидности демократии: прямая демократия, общественная демократия, промышленная демократия, христианская демократия, а также виды демократии, основанные на принципе представительства интересов и групп⁶. Некоторые виды демократии имеют лишь видимое сходство с другими. Под формальной или показательной демократией имеется в виду олигархический строй, имеющий некоторые формальные и показательные демократические органы. Когда указанные формы и структуры приобретают более сущностный характер, происходит движение в сторону квазидемократии.

⁴ Битхем Д., Бойль К. Что такое демократия. Тегеран, 2014. S. 17–18 (на перс. яз).

⁵ Хелд Д. Модели демократии. Тегеран, 1990 (на перс. яз.).

⁶ Баширие Х. Пролог к политической социологии Ирана: период Исламской Республики. Тегеран, 2002. S. 175–190 (на перс. яз.).

Критерии демократии

Лучше всего определять демократию на основе некоторых критериев. Битхем и Бойль определили два основных принципа демократии: всеобщее наблюдение за принятием коллективных решений и наличие равных прав для реализации такого наблюдения⁷. Х. Баширие предусматривает для демократии такие показатели, как гражданские права, принцип представительства, разделение власти, контроль за властью, парламентаризм и ответственность⁸. В работе С. Хагигата «Разделение власти в политической идеологии шиизма» также выделяется восемь критериев неавторитарного разделения власти: правовой позитивизм, принцип избрания руководителей, принцип голосования, принцип наличия и независимости трех ветвей власти, принцип свободы, гражданское общество, возможность деидеологизации высшего правящего органа⁹. Один из наиважнейших инструментов сдерживания власти – наличие у политического строя легитимных инструментов. Вместо закона у авторитарных режимов имеется декрет правителя или высшего органа власти, а также предусматривается использование жестокости в случае необходимости.

Возможность соединения демократии и ислама

Несомненно, имеется связь между традицией (религией) и демократией (и другими современными понятиями)¹⁰. В политической литературе мы видим, что к демократии добавляются разнообразные определения, такие

⁷ Битхем Д., Бойль К. Указ. соч. S. 17–18.

⁸ Баширие Х. Уроки демократии для всех. Тегеран, 2001. S. 105–138 (на перс. яз.).

⁹ Хагигат С. С. Разделение власти в политической идеологии шиизма. Тегеран, 2003. S. 163–170. (на перс. яз.).

¹⁰ Там же.

как «руководящая демократия» или «религиозная демократия»¹¹. Жак Маритен считает христианскую религию также совместимой с демократией¹². Встречаются и другие понятия, объединяющие религию и демократию: религиозно-демократическое общество, появившееся в результате логического разделения демократии и либерализма. Противники религиозной демократии выдвигают тезис о том, что «демократия похожа на либерализм или является ее требованием, и поэтому религиозность не совместима с демократией»¹³. Однако следует отметить, что религиозное правление обязательно является демократическим¹⁴.

На самом деле не следует ожидать, что на вопрос об отношении религии (ислама) и демократии будет найден только один ответ. Так как, с одной стороны, демократия имеет различные разновидности и, с другой стороны, существуют разные толкования религии и ислама, то отношения этих двух понятий можно изобразить в виде матрицы.

Теория избираемого вали аль-факиха имеет фундаментальные отличия от теории назначаемости¹⁵. В книге «Разделение власти в политической идеологии шиизма» показано, что теории божественно-народной легитимности представляются более демократичными, чем теории божественной легитимности¹⁶. Однако теория конституционного государства аятоллы Наини сконцентрирована на двух показателях – составлении конституции и наблюдении и контроле

¹¹ Баширие Х. История политической мысли в двадцатом веке. Т. 2. S. 22–23.

¹² Соруш Ам. Толерантность и управление. Тегеран, 1997. S. 308 (на перс. яз.).

¹³ Там же. S. 322.

¹⁴ Автор выделил двадцать различий между теориями назначения руководителя и избрания руководителя. См.: Хагигат С. С. Наднациональная ответственность в международной политике исламского государства. Тегеран: Центр стратегических исследований, 1996. S. 238–239 (на перс. яз.).

¹⁵ Хагигат С. С. Разделение власти в политической идеологии шиизма.

¹⁶ Наини М. Х. Танбият-оль-оммат ва танзият-оль-меллят. Тегеран, 1999. S. 9, 15–16 (на перс. яз.).

со стороны народных адвокатов. Опираясь на религиозную традицию и учитывая процесс модернизации общества, Наини пришел к новой организованности. В своей работе «Танбият-оль-оммат ва танзият-оль-меллят» он рассмотрел принципы демократии применительно к периоду Конституционной революции. Он разделил монархию (как форму правления) на две части – истинную и собственническую, или деспотическую – и таким образом открыл путь для демократии¹⁷. По его мнению, ограниченность власти – основная характеристика истинной монархии, а ее неограниченность – главная черта деспотической монархии. По мнению Наини, первичный принцип с точки зрения шариата – ограничение власти, и нельзя допустить, чтобы религии были безразличны к деспотизму. Составление конституции является примером практического действия в этом направлении. Когда с точки зрения легитимности две стороны будут равны, а голоса будут не равны, то не будет другого пути кроме как полагаться на голос большинства¹⁸. Он представляет определенные пути решения для утверждения демократии и ограничения власти: повышение уровня политической культуры населения, гарантия свобод, конституция, разделение власти, контроль народа за правителями и недопущение деспотизма (особенно религиозного деспотизма), создание парламента и советов.

Демократия, элитизм и теория религиозного лидерства

На победу исламской революции повлияли многочисленные факторы, однако роль религиозного лидерства имама Хомейни оценивается выше других факторов¹⁹. Поскольку

¹⁷ Там же. S. 25.

¹⁸ Там же. S. 27.

¹⁹ Хагигат С. С. Теория религиозного лидерства // Сборник статей конференции по исламской революции. Кум, 2006. Т. 1. S. 136 (на перс. яз.).

религия может соединиться с демократией, религиозное сообщество или религиозный лидер могут быть демократичными. Здесь важно то, что религиозные сообщества обычно делают акцент на высокой роли религиозных деятелей. Конечно, религиозные лидеры, которые опираются на традицию и религию, обычно харизматичны и выступают носителями определенной идеи. И конечно, божественные лидеры – это благочестивые в миру люди, и их благодать в основном исходит от их связи с Господом. Возможно, именно поэтому можно говорить о фундаментальной разнице между элитизмом в божественных религиях и элитизмом в политической философии Запада. Теория религиозного лидерства весьма совместима с элитизмом, но основной вопрос в том, что сам элитизм может также объединяться с демократией – элитической демократией.

Успехи религиозной демократии в исламском Иране

Религиозная демократия проявилась и в ходе исламской революции, приведя ее к победе, и в эпоху Исламской Республики. Основные достижения революционной демократии заключаются в:

- 1) самой победе исламской революции, что говорит о могуществе безоружного народа под предводительством имама Хомейни в ходе его противостояния с вооруженным до зубов режимом;
- 2) установлении новой системы правления – Исламской Республики в демократической форме. 98,2% голосов на всенародном референдуме было отдано этой форме правления;
- 3) широкой поддержке населения, которая проявилась и во всеобщем участии в ирано-иракской войне, и в выборных кампаниях. Это – свидетельство определенной демократичности строя Исламской

Республики. В частности, дискурс реформ (1997–2005) говорит об успехе Исламской Республики внутри страны и за рубежом. В этот период повысился уровень участия населения в принятии политических решений, и легитимность Ирана в глазах международного сообщества поднялась на новый уровень. Именно в этот период Генеральная Ассамблея ООН по предложению Исламской Республики Иран назвала 2001 год (т.е. год, когда башни-близнецы в Нью-Йорке были разрушены исламскими радикалами) «Годом диалога цивилизаций». Если представить внешнюю политику как продолжение внутренней политики, то следует признать, что в этот период внешняя политика ИРИ в целом носила позитивную направленность.

Сложности религиозной демократии в ИРИ

Любой политический строй в определенной степени демократичен (либо недемократичен). Реализация религиозной демократии в Иране, несмотря на успехи, столкнулась со следующими трудностями:

- 1) сложности в определении понятий: хотя такие понятия, как «религиозная демократия», «исламская демократия» и «реформы», определены, следует сказать, что различные авторы вкладывают в них разный смысл, поскольку нет единого и точного их определения. К примеру, понимание «соединения ислама (шиизма) и народовластия (демократии)», а также значение понятия «реформы» и их масштабы нуждаются в дополнительном разъяснении, что требует дополнительных исследований в этой области;
- 2) теоретические основы. Как отмечалось выше, в исламских теориях и взглядах с позиций фикха

существуют различные подходы. Например, есть разница между теориями назначаемости и избираемости в системе веляят-е факих. Кроме того, нет единого взгляда на вопросы демократии и правового позитивизма. Аятолла Месбах Язди прямо заявляет, что полномочия вали аль-факиха шире, чем те, которые определены в конституции: «С точки зрения нашей религии, у нас есть только одна мера повиновения – и это указ нашей религии. У нас нет обязательств перед кем-то, кроме Господа. То, что делал имам (Хомейни) в течение своей жизни и имамата, не было подчинением конституции»²⁰. Также, оценивая такое толкование, можно заключить, что выборы проводятся лишь формально, и этот демократический, по сути, инструмент поставлен в зависимость от голоса вали аль-факиха. Согласно этому предположению, народ не имеет права ограничивать срок правления вали аль-факиха²¹. Очевидно, что эта теория существенно отличается от теории аятоллы Наини и других идеологов;

- 3) практические вопросы. Каждый режим на практике может столкнуться с проблемами в отношении критериев народовластия. Такие проблемы могут возникнуть в отношении оценки действий властей, в частности в отношении органов и структур на более низких уровнях. К примеру, серийные убийства в период реформ стали одним из таких вызовов демократии, который был выявлен, правильно оценен и нейтрализован. Сложности, с которыми сталкивался исламский режим в практической

²⁰ Мохаммад Таги Месбах Язди. Права вали факиха и конституция // Иран. 23.07.2001.

²¹ Амоли А.А.Д. По вопросам откровения и лидерства. Кум, 1997. S. 168 (на перс. яз.).

сфере, не были постоянными, а носили временный характер, поэтому можно говорить о периодах взлетов и падений в развитии религиозной демократии. Весьма вероятно, что период реформ (доуре-йе эслахат) можно назвать периодом наивысшего развития демократии в Исламской Республике.

Вывод

«Религиозное народовластие» или «религиозная демократия» не являются сочетаниями двух несовместимых понятий, поскольку существуют различные толкования демократии и религии. Это не означает, что теория ислама всегда сочетается с демократией. Некоторые исламские теории могут представлять проекты такого строя, который будет более похож на формальную демократию и в конечном результате будет являться квазидемократией, а не реальной демократией. Такие проекты предусматривают возможность создания органов демократического строя в показной форме, которые будут, однако, править, представляя собой лишь кулисы для неофициальной олигархии²². Победа исламской революции в 1979 г. показала, что народовластие может соотноситься как с религиозными взглядами (ислама), так и с концепцией элитизма и теорией религиозного лидерства. Политический строй Исламской Республики Иран за четыре десятилетия достиг определенных успехов в осуществлении религиозной демократии, но в то же время столкнулся на этом пути и с рядом сложностей, в основном в теоретическом и практическом аспектах.

²² Башириех Х. Пролог к политической социологии Ирана. S. 51, 53.

Проблема социальной справедливости в современном Иране*

Введение

Социальная справедливость означает положение, свободное от дискриминации в использовании возможностей, привилегий и ресурсов в общественной жизни и является одной из целей исламской революции в Иране 1979 г. По данным статистики, в Иране в 1977 г. 43% деревенских семей и 28% городских семей жили за чертой бедности, составлявшей 2 доллара в день. То есть из населения Ирана, в тот период составлявшего 33 млн 700 тыс. человек, около трети жили за чертой бедности²³. Миллионное население, которое после 1951 г. постепенно перешло в города в рамках обширного миграционного движения, составляло слой неимущих, которые выходили на улицы и требовали устранения дискриминации²⁴.

Еще один фактор, выделяющий тему социальной справедливости в революционной идеологии, – это место и роль справедливости в исламском учении, особенно в Коране и всей идеологии шиизма. С одной стороны, в идеологии шиизма имам Али признается образцом справедливости, а с другой стороны, справедливость является неотъемлемой чертой будущего общества, которое будет создано после прихода имама Махди. Это учение превратило стремление к справедливости в одну из высоких целей шиитских движений современности. В период движения Машруте (Конституционного движения) основание дома справедливости было одной из целей, акцентированных религиозными силами. В исламской революции в речах имама Хомейни

* Перевод Посольства ИРИ в Москве.

²³ Эсфахани С. Дж. Бедность и неравенство через 25 лет после революции // Завтрашняя перспектива Ирана. 2007. № 5. S. 77 (на перс. яз.).

²⁴ Асеф Б. Политика улицы. Тегеран, 2000. S. 12–14 (на перс. яз.).

установление справедливости также рассматривалось в качестве одной из целей революции, а исламское правительство представлялось как правительство угнетенных. Эта высокая цель была учтена составителями Конституции ИРИ и отражена в ее 15 принципах.

Итак, через сорок лет после основания Исламской Республики Иран необходимо проанализировать меры, принятые для обеспечения социальной справедливости, а также оценить достигнутые успехи и существующие проблемы. Такую оценку можно провести на двух уровнях: теоретическом и практическом. Однако мы остановимся на анализе практической деятельности, рассмотрев попытки, сделанные в сфере правовых, организационных и исполнительных аспектов для реализации социальной справедливости. Рассмотрение это может проводиться на трех уровнях: сравнение с дореволюционным режимом, сравнение со странами региона и развивающимися странами и сравнение деятельности различных правительств ИРИ. Ввиду отсутствия достаточно точной и полной статистики об экономическом положении предыдущего режима, в данной статье мы будем проводить оценку и анализ, опираясь на имеющиеся исследования и статистические данные.

1. Исламская революция и теоретическое обоснование социальной справедливости

Как отмечалось выше, тема социальной справедливости начала рассматриваться в Иране с формирования левых течений и под влиянием социалистической литературы. Книга «Социальная справедливость» Сейеда Готба – один из важнейших трудов, переведенный еще до революции, много раз переиздававшийся и сыгравший решающую роль в формировании идеологии исламской революции. Религиозные новаторы и интеллигенция также начали уделять этому вопросу

внимание в своих трудах. Али Шариати (1933–1977), один из самых выдающихся религиозных интеллигентов этого периода, в своих речах и трудах рассматривал этот вопрос и приложил много усилий, чтобы предложить новому поколению толкование шиитских наставлений с точки зрения понятия справедливость под названием «Небесный шиизм». Сейед Махмуд Талегани (1911–1979) в работе под названием «Ислам и собственность» (1955) представил подход ислама к социальной справедливости, в котором использован и марксистский, и «капиталистический» подход. Мортеза Мотаххари (1921–1979) в книге «Теория исламской экономики» признал, что взгляд ислама на социальную справедливость более близок к социалистическому подходу, несмотря на существующие различия. Другие мыслители, такие как Мохаммад Багер Садр (1934–1980) и Мохаммад Хоссейни Бехешти (1928–1981), также рассматривали вопросы справедливости в своих трудах.

После революции разговор о социальной справедливости продолжился и привел к появлению авторской и переводной литературы в этой сфере. Большая часть этой литературы развивала религиозные наставления, охватывающие фундаментальные вопросы и такие темы, как бедность, права женщин, устранение неравенства и т.п. Также были проведены исследования с социологическим уклоном по теме понимания населением социальной справедливости. Появившиеся в этой области книги, диссертации и статьи немногочисленны и говорят о том, что, несмотря на значимость социальной справедливости в идеологии Исламской Республики, серьезных исследований в этой сфере не проводилось²⁵.

В целом можно отметить, что работы по проблеме социальной справедливости, во-первых, немногочисленны, а во-вторых, ощущается нехватка теоретического консенсуса

²⁵ Эсмаил М. Книга познания социальной справедливости // Исламское правление. 2001. № 22. S. 12 (на перс. яз.).

по вопросам критериев и способов реализации социальной справедливости. Первая проблема обусловлена слабостью политической философии и ее незначительным местом в современной политической мысли. Можно отметить, что в период Исламской Республики не происходило значительных диспутов по вопросу социальной справедливости. Хашеми Рафсанджани (1934–2017), понимавший необходимость такого диспута, с 1981 г. определил тематику, связанную с социальной справедливостью как необходимую для разъяснения на пятничных молитвенных проповедях. В этих проповедях рассматривались принципы социальной справедливости с точки зрения ислама, однако глубокий теоретический анализ понятия справедливости и существующих подходов ее определения отсутствовал²⁶. В целом анализ литературы этого периода в сфере справедливости явно показывает отсутствие серьезного и глубокого теоретического диспута по этой теме. Вторая проблема, т.е. отсутствие теоретического консенсуса, в каком-то смысле вытекает из первой и коренится в разногласиях по вопросу природы государства и его роли, функций и обязанностей. Эти разногласия привели к появлению различных подходов в отношении понимания социальной справедливости, которые можно свести к двум основным: на основании распределения и на основании развития.

Подход на основании распределения, который больше акцентирует реализацию справедливости, на двух временных этапах был более успешен: первый – в период ирано-иракской войны в 1981–1989 гг., когда Мир-Хоссейн Мусави занимал пост премьер-министра. Второй – в период 9-го и 10-го правительств, которые в 2005–2013 гг. работали под руководством Махмуда Ахмадинежада. Данный подход можно считать своеобразным продолжением реализации принципа

²⁶ Хашеми Рафсанджани А. А. Социальная справедливость: экономические вопросы. Тегеран, 1982 (на перс. яз.).

на основании потребностей. Таким образом, борьба с бедностью проходила в виде прямой поддержки малоимущих путем распределения ресурсов и доходов. При таком подходе поддержка неимущих слоев общества осуществляется приоритетно через денежные дотации, корзины потребления и квоты на основные товары.

Подход на основании развития, который был предложен частью иранских экономистов, превалировал при правительствах Созидания и Реформ²⁷ на протяжении 1989–2005 гг. В этот период, когда пост президента занимали Али Акбар Хахеми Рафсанджани и Сейед Мохаммад Хатами, развитие стало частью правительственной программы. И хотя при правительстве Хатами уделялось больше внимания политическому развитию, но в сфере экономики можно его считать продолжателем дела правительства Хахеми Рафсанджани. При этом подходе в приоритете стоит развитие производства, незащищенные слои поддерживаются косвенным образом, субсидии не изымаются, однако способ их распределения и назначения отличается от применяемых при первом подходе.

2. Практические шаги Исламской Республики Иран в сфере реализации социальной справедливости

На практическом уровне у Исламской Республики наработок больше, чем на теоретическом. Причиной этого можно считать необходимость реализации революционных установок, базирующихся на идеологии исламского правления, и практическую необходимость, с которой столкнулся режим с первых дней своего основания. Как поясняет А. Баят, малоимущий класс после победы революции использовал

²⁷ Правительство Созидания – 1989–1997 гг. – два срока работы правительства под руководством президента А. А. Хахеми Рафсанджани. Правительство Реформ – 1997–2005 гг. – два Кабинета, сформированных президентом М. Хатами.

все возможности для выдвижения и реализации своих требований. Режим был вынужден обеспечить их реализацию путем осуществления правовых, организационных и исполнительных мер.

2.1. Правовые меры

В правовой сфере можно указать законы, связанные с осуществлением социальной справедливости. Как уже говорилось, как минимум в 15 статьях Конституции ИРИ закреплены принципы социальной справедливости и определены ее показатели. Их кратко можно определить следующим образом:

- недопущение угнетения и господства одного человека над другими;
- устранение незаконной дискриминации и создание справедливых возможностей для всех в материальной и духовной сферах;
- создание справедливого экономического базиса;
- обеспечение справедливой судебной безопасности;
- искоренение бедности и удовлетворение человеческих потребностей;
- устранение дискриминации в сферах обеспечения потребностей человека в еде, жилище, получении работы, доступа к системам здравоохранения и социального страхования;
- создание условий для развития;
- равенство женщин и мужчин с учетом осуществления принципов ислама;
- уважение к правам женщин соответственно исламским принципам;
- бесплатное образование и дошкольное воспитание.
- обеспечение необходимых возможностей создания семьи для всех граждан;

- справедливое распределение богатства;
- защита окружающей среды;
- недопущение неравенства между регионами и остальными странами.

Реализация социальной справедливости рассматривается как важная обязанность высокопоставленных должностных лиц и глав ветвей власти, представителей меджлиса и других ответственных лиц Исламской Республики. Вышеназванные принципы показывают, что обеспечение социальной справедливости было в центре внимания составителей конституции. Хотя нельзя утверждать, что эти критерии были выработаны на основании конкретного подхода к ее реализации, однако они больше соотносятся с подходом на основе потребностей. Как было отмечено вначале, нацеленность исламской революции на справедливость требовала, чтобы решение социальных проблем было в центре внимания государства. Эта обеспокоенность привела к тому, что вопросы ликвидации бедности, искоренения дискриминации и обеспечения основных потребностей приобрели особую значимость.

Для реализации вышеназванных принципов на законодательном уровне были разработаны проекты и законопроекты, важнейший из которых – Закон о труде. Следует признать, что меры, принятые в этой сфере, недостаточны и необходимо предпринять дальнейшие усилия для искоренения бедности, улучшения системы социального обеспечения, реализации прав женщин.

При разработке пятилетних планов развития также уделялось большое внимание вопросам социальной справедливости. В программах развития страны до революции борьба с бедностью не считалась приоритетной задачей. Земельные реформы также не преследовали цель улучшения качества жизни всех земледельцев, а с развитием промышленности в городах резко вырос уровень маргинализации.

В послереволюционный период планы развития устанавливают показатели, направленные на обеспечение социальной справедливости и улучшение уровня жизни в деревне.

2.2. Организационные меры

Рассматривая организационные аспекты, связанные с реализацией социальной справедливости, надо отметить, что для обеспечения этой задачи были созданы государственные, полугосударственные и негосударственные учреждения и структуры. К ним можно отнести Фонд обездоленных (Боньяд-э Мостазафан), Комитет помощи имама Хомейни, Жилищный фонд, Движение за грамотность. Рассмотрение роли и деятельности этих учреждений в реализации социальной справедливости – весьма важная тема, однако она не входит в масштабы данной работы. Мы лишь кратко охарактеризуем эти организации. Отметим, что, опираясь на данные статистики, в целом можно оценить роль Комитета помощи имама Хомейни и Движения за грамотность как более успешные.

Фонд обездоленных – одно из крупных финансовых и экономических учреждений в Иране, которое было создано после революции по указу имама Хомейни с целью сохранения изъятого в период революции имущества и использования его для помощи неимущим. С юридической точки зрения Фонд является негосударственным и нечастным, а относится к числу учреждений, работающих напрямую под наблюдением духовного лидера. Эта структура владеет 189 компаниями, включающими банк «Сина», Фонд Алави и нефтяную компанию «Бехран».

Комитет помощи имама Хомейни был также образован в марте 1979 г. по указу имама Хомейни для поддержки неимущих и угнетенных. Эта структура функционирует также под наблюдением духовного лидера и является

некоммерческим и общественно-публичным негосударственным образованием.

Жилищный фонд исламской революции был основан в апреле 1979 г. и начал свою работу 15 мая 1979 г. Важнейшие обязанности этого фонда включают представление необходимых проектов для создания жилищных условий для бедных слоев, выполнение экспертных проектов по сельским землям, помощь в обеспечении строительными материалами.

Движение за грамотность Ирана – государственная организация, основанная в 1979 г. по указу имама Хомейни с целью обучения чтению и письму взрослых, а также детей, не имеющих доступа к школе.

В негосударственном секторе также работают благотворительные организации. Фонд поддержки и развития филантропии (CAF), подводя итоги за 2017 г., присвоил Ирану рейтинг 17, включив ИРИ в первую двадцатку стран, активно занимающихся благотворительностью. И несмотря на то что по итогам 2018 г. Иран переместился на 29-е место, это говорит о том, что организации гражданского общества в Иране с точки зрения альтруизма и благотворительности, считающиеся одними из показателей социальной справедливости, находятся в достаточно благоприятном положении.

2.3. Действия исполнительной власти по реализации социальной справедливости

Как уже отмечалось выше, деятельность исполнительной власти осуществлялась на основе двух основных подходов – по потребностям и по развитию. На первый взгляд может показаться, что первый подход более успешен для реализации социальной справедливости, но проведенные исследования и статистика говорят об обратном. В послевоенные годы и до середины 1380-х (до 2006 г.), когда проводились

экономические реформы, в целом положение с бедностью и неравенством улучшилось.

2.3.1. Ликвидация бедности

Бедность означает невозможность обеспечения основных потребностей жизни, таких как питание, одежда, жилье, средства к существованию и семья. Критерий бедности – один из тех, что вызывают разногласия. При этом начальные этапы бедности, определяемые на основе исследования индивидуальных доходов и расходов, составляют главный критерий оценки уровня бедности. Таким образом, можно определить черту бедности на основе расходов одной средней семьи, т.е. расходы, обеспечивающие минимальный ежедневный уровень калорий, необходимый для ее членов. Источник для оценки уровня бедности в Иране – это данные исследования «расходов и доходов семьи», которое ежегодно проводится Центром статистики Ирана.

Исламская революция оказала прямое влияние на улучшение положения бедных слоев населения. Изъятие и национализация собственности в пользу неимущих, проведение электричества в сельскую местность и квотирование основных товаров потребления, прямая помощь бедным через сети полугосударственных благотворительных учреждений, особенно через Комитет помощи имама Хомейни и Жилищный фонд, сразу же улучшили положение бедного населения. На основе установленной черты бедности в 2 доллара в день, уровень бедности на душу населения в сельских регионах снизился с 59% в 1977 г. до 40% в 1982 г.²⁸ Конечно, это улучшение не было устойчивым, и в условиях экономического давления военного периода и снижения нефтяного дохода его уровень снизился. Согласно исследованиям С. Пола и А. Асадзадеха,

²⁸ Эсфахани Дж. С. Указ. соч. S. 78.

уровень бедности населения в сельских регионах достиг в 1988 г. 47%, а в городских регионах в 1989 г. 40%²⁹.

По окончании войны с началом периода созидания и экономических реформ уровень жизни бедного населения повысился, хотя и отмечалось его новое снижение под влиянием политики регулирования цен и появления иностранного долга. Несмотря на это, по окончании этого периода и с ростом нефтяных доходов, положение снова стало улучшаться³⁰. Сравнение статистики за 1977 г. и 2004 г. показывает:

- революция оказала большое влияние на рост благосостояния самого бедного слоя населения. С учетом относительного равенства доходов на голову населения в эти два периода снижение уровня бедности стало результатом снижения неравенства на конце диаграммы распределения, хотя уровень снижения неравенства был ниже уровня снижения бедности;
- в 1980-е и 1990-е годы жизнь миллионов человек, особенно в сельских регионах, улучшилась. В этот период гарантированная закупка сельскохозяйственных продуктов и товаров и субсидии на основные товары сыграли роль фактора защиты от бедности;
- подход на основании развития и реформ был также эффективен для снижения бедности: в начале первого срока правительства А. А. Хашеми Рафсанджани бедность снизилась, но в конце срока его президентства по причине большого объема задолженностей уровень бедности опять повысился, и во второй срок президентства А. А. Хашеми Рафсанджани также произошло повышение рассматриваемого показателя по причине снижения доходов от нефти;

²⁹ Paul S., Assadzadeh A. Poverty, Growth, and Redistribution: A Study of Iran // Review of Development Economics. November, 8(4), 2004. P. 643–644.

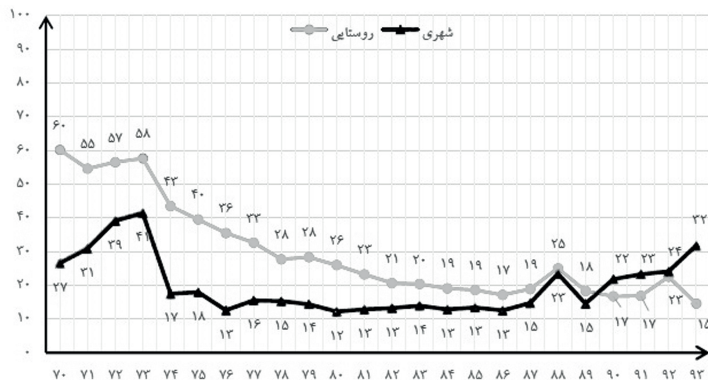
³⁰ Эсфахани Дж. С. Указ. соч. S. 78.

- доход от нефти оказал влияние на колебания уровня бедности населения. Повышение нефтяного дохода в 1990–1992 гг. и 2000–2004 гг. сопровождалось снижением уровня бедности. Данные Центра статистики Ирана говорят о том, что на протяжении 2005–2013 гг., когда нефтяной доход возрастал, уровень бедности понижался³¹.

Процесс снижения уровня бедности в сельских и городских регионах после 2004 г. продолжился. По расчетам Национального центра статистики Ирана, этот процесс в сельских регионах наблюдался вплоть до 2014 г. В городских регионах этот процесс был замечен до 2010 г., но между 2010 и 2014 гг. наблюдалось повышение. Одним из важных факторов, оказывающих влияние на этот процесс, можно считать программу целенаправленного использования субсидий. Причем с учетом отмены субсидий и денежных выплат одновременно наблюдалось повышение уровня доходов сельских семей и уровня расходов городских семей.

Рисунок 1

Индекс уровня бедности в городских и сельских регионах Ирана в 1370–1393 гг. (1991–2004)

Черный – городские регионы, серый – сельские регионы.

Источник: Расчеты автора.

³¹ Там же. S. 79.

2.3.2. Неравенство

Хотя бедность и неравенство связаны и даже взаимозависимы, однако политика, направленная на снижение бедности, необязательно приводила к сокращению неравенства. Экономическое неравенство – один из важных аспектов социального неравенства, который рассматривается с помощью двух индексов – коэффициента Джини и соотношения между самыми богатыми и самыми бедными слоями общества. На основании этих показателей после революции положение в этой сфере также улучшилось, но статистические данные говорят о различии между положением с неравенством и уровнем бедности в этот период. Это различие обусловлено сложностью процесса сокращения неравенства по отношению к искоренению бедности, особенно во время экономического роста. Согласно международной статистике, в Иране, по сравнению с развивающимися странами, уровень бедности ниже, а неравенство находится на среднем уровне.

Статистические данные показывают снижение неравенства в период после революции. Скачок в нефтяных доходах в последние годы перед революцией привел к повышению коэффициента Джини с 0,4 до 0,5 в городской местности и с 0,37 до 0,44 – в сельской местности. С победой революции коэффициент Джини снизился до 0,4 для городских и сельских регионов, что говорит об улучшении положения относительно неравенства³². На уровне хозяйств также произошли подобные изменения, и соотношение хозяйств с самым высоким доходом с хозяйствами с самым низким в городских и сельских хозяйствах снизилось с 28 до 18. И хотя позднее это соотношение изменилось, в любом случае наблюдалось улучшение положения с точки зрения неравенства³³. Такое положение изменилось в период Созидания,

³² Там же. S. 99.

³³ Там же.

в 1990–1992 гг. раскол между городом и деревней достиг максимума, и на национальном уровне неравенство достигло показателя 25³⁴.

Рисунок 2

Коэффициент Джини в 1348–1386 гг.(1968–2017)

Источник: Расчеты автора.

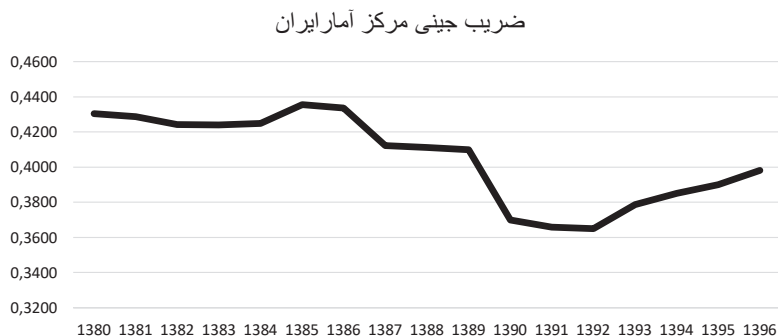
Сравнение данных по коэффициенту Джини и данных по уровню семейных хозяйств показывает, что неравенство, рассчитываемое на душу населения, меньше, чем на уровне семей. На основе данных Центра статистики за период 2001–2017 гг. в целом имело место снижение этого коэффициента с 0,43 в 2001 г. до 0,37 в 2014 г. В последующие годы наблюдался его незначительный рост. Так, в 2017 г. отмечался показатель в 0,39, который говорит о незначительном повышении. Средний коэффициент Джини на протяжении этих четырех десятилетий составил в ИРИ 0,4. Хотя этот показатель и отличается от дореволюционных, однако он остановился на определенном уровне и, несмотря на колебания в отдельные годы, особых изменений не происходило. На основании этого можно констатировать, что уровень неравенства оказался достаточно устойчивым и на него не оказали решающего воздействия ни революция, ни политические изменения в течение 40 лет. Это произошло ввиду структурности

³⁴ Там же.

и большой устойчивости неравенства. На самом деле в этот период изменения в основном касались людей, стоящих на вершине лестницы, а не самой лестницы.

Рисунок 3

Коэффициент Джини в 1380–1396 гг.(2001–2017)

Источник: Центр статистики Ирана.

В таких сферах, как всеобщее здравоохранение, образование и расширение прав женщин, показатели значительно улучшились. В сфере здравоохранения такие показатели, как продолжительность жизни, снижение смертности в результате инфекционных заболеваний, страховое покрытие, число больниц и лечебных центров, численность медицинских работников и специалистов в сфере здоровья, количество медицинских университетов, повышение уровня медицинского и лечебного оборудования, достаточность в медицинских товарах, имели количественный и качественный рост. В сфере всеобщего образования также наблюдались значительные улучшения. Так, уровень грамотности повысился до 87%, и показатели в области обучения и воспитания, такие как количество школ, учителей и учеников, имели тенденцию роста. В области гендерной ситуации, несмотря на некоторые ограничения для женщин в занятии общественных позиций, можно говорить об улучшении ряда показателей.

Вывод

Ситуация с обеспечением социальной справедливости в период Исламской Республики в сравнении с положением до победы революции, а также по сравнению со странами региона и развивающимися странами в целом говорит об ее относительном улучшении. Оно колеблется под влиянием таких факторов, как сокращение нефтяных доходов и внешнеполитическое давление. Кроме того, степень улучшения в различных сферах неравнозначна. На правовом и организационном уровнях ситуация относительно благополучна. На практическом уровне, с учетом существующих ограничений и возникающих препятствий, ситуация в целом приемлема. Несмотря на это, достигнутый уровень обеспечения социальной справедливости расходится с показателями, обозначенными в конституции, и даже духовный лидер признает, «что в сфере “справедливости” мы отстали».

Стратегия внешней политики в регионе Ближнего и Среднего Востока

Внешняя политика Ирана направлена на обеспечение безопасности страны, окруженной американскими военными базами и странами-союзниками США. Вашингтон создал коалицию против Ирана и направил в регион оружие на сотни миллионов долларов.

Основные положения внешнеполитической стратегии Ирана в регионе:

- политика Ирана направлена на укрепление безопасности и независимости стран региона. Сильные и независимые страны создают основу сильного и независимого региона;

- Иран настаивает на выводе иностранных войск из региона, поскольку они провоцируют нестабильность;
- Иран считает, что политическая зависимость и зависимость в военной области арабских стран региона от США приводит к усилению противоречий этих стран с Ираном.

Иран стремится расширять отношения со странами региона с целью формирования всеобъемлющей коллективной системы региональной безопасности. Отношения с Турцией, Ираком, Катаром и Оманом служат хорошим примером в этой области. Основу этой системы Иран видит в Резолюции № 598 Совета Безопасности ООН, в которой, в частности, говорится, что меры по обеспечению и укреплению безопасности должны приниматься в результате консультаций со всеми странами региона. Однако эта система может быть претворена в жизнь только при условии вывода американских войск, и тогда соперничество и противостояние между странами превратится в сотрудничество и партнерство. Игра с нулевой суммой здесь невозможна.

При формировании своей внешней политики Иран учитывает, что США не только имеют военные базы на сопредельных с ним территориях, но и активно вооружают своих союзников в регионе. Среди них ведущее место занимает Израиль, который неоднократно декларировал, что готов уничтожить всю ядерную инфраструктуру Ирана. Согласно последнему отчету Stockholm International Peace Research Institute, больше десяти из сорока стран, возглавляющих список импортеров оружия, расположены в непосредственной близости от Ирана. В отличие от этих стран Иран не входит в число первых сорока стран по импорту вооружения и стоит в этом рейтинге ниже Афганистана. Иран импортирует всего лишь один процент от общего импорта вооружений на Ближнем Востоке.

Политика Ирана носит оборонительный характер и нацелена на то, чтобы, используя свои внутренние резервы и возможности, свести к нулю угрозы своей безопасности. Иран, в отличие от других стран региона, не стремится обеспечить свою безопасность, создавая угрозы другим странам.

Политика Ирана – это политика «мягкой силы», а не жесткого военного давления. Для обеспечения своей безопасности Иран опирается на свои внутренние возможности. Опыт деятельности Ирана в Афганистане и Ираке свидетельствует о том, что Иран никогда не стремился создавать постоянные военные базы и не испытывает в них потребности.

Иран выступает за сильный регион, основу которого составляют независимые, самодостаточные страны, объединенные региональной культурой. Основу коллективной региональной безопасности составляет национальная безопасность. Поддержание стабильности, отсутствие конфронтации являются необходимыми предпосылками создания сильного региона. Путь достижения системы коллективной безопасности в регионе лежит через «стабильность и национальную безопасность стран», и, соответственно, необходимо укрепление независимых национальных государств. Поддержка Ираном формирования сильных правительств в Ираке, Афганистане и Сирии происходит в контексте данной парадигмы. Отсутствие сильной власти приводит к ее вакууму и ведет к формированию таких радикальных течений, как ИГИЛ и Движение Талибан.

Война Ирака против Ирана велась при поддержке членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Под давлением этих же стран произошло нападение коалиции стран Запада на Ирак. Эти же страны годами настаивают на том, чтобы Америка напала на Иран. Они прилагали большие усилия, чтобы сорвать подписание СВПД, а сейчас – чтобы подорвать это соглашение. При этом названные страны оставляют без ответа предложение

Ирана относительно проведения переговоров с целью устранения проблем.

До тех пор пока некоторые государства прилагают усилия, чтобы обеспечить свою безопасность путем вовлечения великих держав в регион, то там будет такая же ситуация, как и сейчас. Нестабильный регион и слабые страны обеспечивают условия для присутствия иностранных держав, а противоречия в регионе препятствуют формированию стабильного и мощного региона. Наша региональная политика основывается на принципе: «Сильный Иран в сильном регионе». Именно на этом основании мы верим в «усиление изнутри» и в то, что регион также должен усиливаться изнутри без присутствия несущих угрозы иностранных войск.

Иран предпринимает совместные действия с Россией для стабилизации региона. Усилия по достижению мира в Таджикистане, поддержка Северного альянса в гражданской войне в Афганистане, борьба с ИГИЛ в Сирии – вот примеры стабилизирующих регион действий Ирана и России, заслуживающие высокой оценки.

Одним из важных моментов является то, что иногда мы наблюдаем как совпадение целей Ирана и США в регионе с точки зрения безопасности, так и конфликты между ними. У Ирана и США были и есть общие враги: Движение Талибан, Саддам Хусейн, ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусра. С другой стороны, Саддам Хусейн в ходе войны с Ираном пользовался поддержкой со стороны шейхов Персидского залива, Движение Талибан получало финансовую и политическую помощь от Саудовской Аравии и было ею официально признано, а такфиристские убеждения и поддержка со стороны Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов сформировали идеологический фундамент и возможности для террористических группировок в Сирии. На самом деле постоянная поддержка США своих союзников

в регионе, которые являются источником терроризма, приводит к нестабильности в регионе.

Сдерживание и предупреждение угроз являются важнейшими направлениями иранской внешней политики. Террористические угрозы, особенно со стороны ИГИЛ, угрозы США и их союзников, направленные против Ирана, привели к тому, что в региональной политике Ирана на первый план выдвинулись сдерживание и предупреждение угроз. Предупреждение означает укрепление связей с дружественными Ирану государствами с целью заполнения вакуума безопасности, возникшего в результате войн и кризисов в регионе. Борьба с ИГИЛ в Ираке и борьба с террористическими группировками в Сирии совместно с Россией направлена на то, чтобы, уничтожив угрозу ИГИЛ, помешать США и их союзникам в регионе использовать вакуум власти. С другой стороны, основной целью выхода США из СВПД и возвращение санкций и давления на Иран (в связи с ракетной программой и политикой в регионе) является ослабление Ирана, снижение его роли в региональном балансе сил. Это свидетельствует о важности и необходимости для Ирана использовать политику сдерживания.

Мультилатерализм и региональная интеграция – важнейшие направления внешней политики Ирана. Региональные кризисы, терроризм, нехватка воды, рост числа беженцев и уничтожение инфраструктуры в ходе многочисленных войн, наркотрафик, бедность, феномен пыльных бурь требуют сотрудничества всех стран региона. Усилия одной страны не принесут необходимых результатов. В этой связи укрепление региональных связей и экономической интеграции между соседними странами является стратегией Ирана по укреплению его национальной мощи и обеспечению безопасности страны перед трансрегиональными угрозами. Геополитическое положение Ирана обеспечивает хорошие возможности для регионального сотрудничества. Развитие отношений

со странами региона на основе взаимных интересов приобрело большое значение. Это нашло выражение в укреплении сотрудничества с соседними Ирану странами в области автомобильного, железнодорожного, воздушного транспорта и финансов. Усилия Ирана, России и Индии по завершению коридора «Север – Юг» являются примером шагов, сделанных именно в этом направлении. Сегодня в контексте экономической и региональной интеграции существуют такие проекты, как подсоединение энергетической системы Ирана к России, Азербайджану, Армении и Грузии, строительство газопровода из Ирана в Пакистан и Индию, что поддерживается Россией, выход Афганистана к Персидскому заливу через Иран, соединение железнодорожного и автомобильного сообщения с Ираком и Сирией, а также двусторонняя торговля с использованием национальных валют. Подобные проекты являются выражением «взгляда на Восток» во внешней политике Исламской Республики Иран.

Иран хочет признания своего места в экономической и политической системе региона. Иран является частью региона, его географический, человеческий и природный потенциал превратили страну в мощного и важного игрока в регионе. Невнимание к этому и усилия по снижению авторитета и места Ирана в регионе вызывают естественное его противодействие. Региональная безопасность не может быть реализована без Ирана. Наш регион и его условия не позволяют ни одному игроку стать лидером, и ни один из игроков не способен навязать региону выгодную только для себя систему безопасности. Характерный пример этому мы наблюдали во время кризиса в Катаре. Со времени победы исламской революции мы были свидетелями создания таких структур, как Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, который сегодня занимается созданием «арабского НАТО», «Варшавский процесс», основной целью которого было игнорирование роли Ирана и создание

структур безопасности без него. Невозможно считать одну страну в качестве источника угрозы и одновременно ожидать формирования регионального порядка с ее участием. В то же время закончился век создания политических коалиций в своем традиционном виде, и это является одной из причин неспособности создать коалицию против Ирана.

Иранская революция дала миру новые идеи. Комментарии Запада и некоторых региональных стран по этому поводу не содержат ничего, кроме очернения и развития иранофобии. Нельзя отрицать влияние, которое иранская революция оказала на народы мира. Иран обладает «мягкой силой», которой лишены многие страны региона, а стремление некоторых стран создать экстремистские и террористические группировки – это попытки противодействовать «мягкой силе» Ирана и его влиянию в регионе. США и их союзники из-за отсутствия у них возможности для диалога с народами региона ведут его исключительно с диктаторами и поддерживают их. США усматривают свои интересы в инвестициях в союзнические страны на Ближнем Востоке, что привело к свержению М. Моссадека, поддержке иранского шаха, поддержке глав Саудовской Аравии, Хосни Мубарака, Бен Али. Стратегия Ирана имеет всеобъемлющий взгляд на народы и государства, учитывающий все их интересы. Наряду с сохранением хороших отношений с государствами Иран использует народные силы сопротивления для противодействия угрозам его безопасности, например противодействие ИГИЛ. Популярными среди населения силы, такие как Хезболла, ХАМАС и Силы народной мобилизации в Ираке, получили поддержку в регионе.

Палестинский вопрос является основной проблемой в регионе, и без ее справедливого решения мир и стабильность на Ближнем Востоке не воцарятся. Сионистский режим, США и некоторые их арабские союзники стремятся показать, что Иран представляет собой основную угрозу для региона.

Таким образом, они стремятся отвести внимание народов региона от основной проблемы – палестинского вопроса. Однако пренебрежение правами палестинского народа, особенно экстремистское поведение Д. Трампа, поддержавшего перенос столицы Израиля в Иерусалим, приведет к усилению негативного отношения к нему населения региона.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что:

- регион нуждается в сильных странах, поскольку страны-банкроты будут рассадником нестабильности и местом соперничества региональных и внерегиональных стран;
- регион нуждается в укреплении соседских отношений и связей, а также в выводе иностранных войск;
- подходы, основанные на втягивании иностранных держав в регион и желании создать внешний щит безопасности, никоим образом не принесут положительных результатов. Они приведут к войне и нестабильности;
- стратегия Ирана – это региональное развитие и создание системы региональной безопасности при участии всех стран региона, которые должны сконцентрировать свое внимание на проблемах своей собственной безопасности.

Причины противостояния Ирана и Соединенных Штатов Америки

Основная идея данной статьи заключается в анализе разногласий, существующих между США и Исламской Республикой Иран; предпринята попытка путем сопоставления фактов показать основные причины разногласий и конфликта между двумя странами. Исламская революция, выдвинув лозунги, содержащие требования предоставления

независимости и отрицание любого рода господства, создала серьезную угрозу долгосрочным американским интересам в Иране после их 25-летней безусловной поддержки во время правления последнего иранского шаха (с 1953 по 1979 г.). Хотя США, изменив тактику, пытались сначала сблизиться с такими прозападными силами, как Движение свободы и Национальный фронт, и восстановить свой прошлый статус в Иране, однако на деле, столкнувшись с решительной позицией лидера революции, они были вынуждены отказаться от этой политики и на протяжении сорока лет существования исламской республики занимаются организацией различных заговоров против нее.

До конца 70-х гг. прошлого столетия, т.е. до исламской революции 1979 г., в умах большинства революционных мыслителей существовала научная парадигма, обращавшая внимание только на революции, как, например, Французская революция 1789 г., опирающиеся на либеральные взгляды, и/или опирающиеся на марксистские взгляды – как в России в 1917 г. Конечно, в начале 60-х гг. наряду с ростом националистических тенденций возникли революционные теории, базирующиеся на них, для достижения независимости, особенно на Африканском континенте, где одним из ярких примеров стала алжирская революция.

Все три типа революционных тенденций, т.е. опирающиеся на либеральную, марксистскую и националистическую идеологию, как указывает Ханна Арендт в своей книге «Революция», имели один общий вектор – революционеры руководствовались материальными мотивами и меньше обращали внимание на духовные аспекты.

Однако исламская революция в Иране, с точки зрения ученых и мыслителей, была «удивительной революцией», поскольку победа революционного движения в Иране была одержана на основе религиозного мышления и идеологии.

Это феномен, которого до конца 70-х гг. прошлого столетия большинство мыслителей не могли себе представить.

Особенности исламской революции

Исламская революция отличается от других революций следующими тремя факторами:

1. РЕВОЛЮЦИЯ ИСЛАМА КАК РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Исламская революция сформировалась на основе религиозной идеологии, распространителем которой был имам Хомейни, и победила, что привело к изменениям в политологических теориях, изучающих возникновение революций в разных странах. Такие ученые и мыслители, как Хамид Альгар и Ширин Хантер в США, Мишель Фуко во Франции и Юрген Хабермас в Германии в результате своих объективных наблюдений пришли к выводу, что исламская революция в качестве революционного феномена с духовными корнями имеет те же особенности, которые присущи другим теориям.

2. ОПОРА НА НАРОД В ХОДЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Исламская революция опиралась не на партии и передовые революционные группы, а на народ, вышедший на улицы для проведения демонстраций и акций протестов, и смогла свергнуть зависимый от США шахский режим. Такой метод борьбы, опирающийся на помощь народа для продвижения целей революции и организованные силы в виде партий и групп, которые пошли за широкими народными массами под руководством имама Хомейни, характерен только для исламской революции.

3. БОРЬБА ПРОТИВ ВНУТРЕННЕГО ДЕСПОТИЗМА И ИНОСТРАННОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Имам Хомейни считал, что деспотический шахский режим опирался на поддержку иностранных государств,

а после 1953 г. и далее – преимущественно на США, и именно по этой причине он начал одновременную борьбу как с внутренним деспотизмом, так и иностранной зависимостью. И этот путь борьбы в самые возможно короткие сроки, т.е. в течение не более 18 месяцев, смог положить конец деспотической власти шахского режима в Иране. А захват американского посольства в Тегеране привел к устранению центра распространения американского влияния в стране.

Анализ сорокалетнего противостояния США и Исламской Республики Иран

Исламская революция, в основе которой лежат религиозные убеждения, впервые продемонстрировала мировой общественности явление, основным стержнем которого стало стремление к справедливости и борьба против иностранного господства, что проявилось в лозунге «Независимость, свобода и исламская республика».

США, утратившие с падением шахского режима в Иране свои долгосрочные интересы в регионе, сблизились с революционерами, выступавшими за контакты с США, например с Национальным фронтом и движением Свободы, которые вошли во временное правительство. Сначала они пытались изменить ход событий и направить их в то русло, когда правительство, заменившее шахский режим, достигнет с США новых договоренностей в рамках двусторонних соглашений.

Однако противодействие имама Хомейни и акцент на продолжении борьбы против иностранного засилья в Иране, прежде всего против Соединенных Штатов Америки, привели к тому, что Белый дом постепенно столкнулся с тем, что конфликт интересов Исламской Республики Иран и США стал очевиден.

Ситуация, сложившаяся особенно после захвата американского посольства в Тегеране, еще больше убедила США в том, что они не смогут достичь согласия с революционным руководством о принятии американского плана под названием «Стратегический союз». Именно с этого времени берут начало экономические санкции в различных формах.

Сравнительный анализ целей исламской революции и целей, преследуемых США

1. Исламская революция преследует цели справедливости, тогда как интересы США сосредоточены на укреплении власти капитала, и они отрицают любое стремление к справедливости, как на национальном, так и на международном уровне.
2. Исламская революция делает акцент на праве народов самим определять судьбу своих стран и на принципе независимости в принятии решений на основе национальных и исламских интересов, тогда как США акцентируют внимание на продолжении своего господства под прикрытием двустороннего сотрудничества и международных и региональных союзов. Конечно, с приходом Дональда Трампа в Белый дом с политическими установками «Прежде всего Америка» и «Все для Америки» мир лучше, чем в прошлом, осознал реальное значение целей американского господства.
3. Исламская революция базируется на вере народа в собственные силы и пытается бороться с любой иностранной зависимостью. Вместе с тем она не приемлет никакого господства над другими странами. А Соединенные Штаты Америки для осуществления своего господства смогли привлечь огромные мировые ресурсы. Начиная с прошлого столетия, США

более 120 раз прямо и/или косвенно вмешивались в дела других стран. Из 193 стран – членов ООН в 172 из них на американских военных базах размещено около 240 тыс. человек военных и персонала.

4. Исламская революция, отвергая любую изоляцию, делает акцент на продолжении взаимовыгодных связей между всеми странами мира в двустороннем или многостороннем формате. Однако она выступает против американских принципов в политике – «Все для меня» и «Кто не со мной, тот мой враг». Вместе с тем мы видим, что Дональд Трамп с легкостью пренебрегает Соглашением о свободной торговле (НАФТА) с Мексикой и Канадой и заставляет обе страны оставаться союзниками США в рамках нового соглашения. США также пренебрегают ядерными стратегическими соглашениями с Россией и односторонне вышли из Соглашения о противоракетной обороне (ПРО) и из Договора о запрете производства и испытания ракет средней и малой дальности (INF). Для США даже не важен их голос по резолюциям в Совете Безопасности, а с выходом из СВПД они просто растоптали Резолюцию 2231 Совета Безопасности, которая фиксировала это Соглашение. Аналогичным образом, официально признав Иерусалим столицей Израиля и Голанские высоты его частью, США закрыли глаза на резолюции Совета Безопасности о признании оккупации Восточного Иерусалима, Западного берега реки Иордан, Газы и Голанских высот.

Таким образом, можно сказать, что конфликт США с Исламской Республикой Иран имеет под собой базовые противоречия. До того времени, пока Исламская Республика Иран остается верной своим идеалам и/или Соединенные Штаты Америки не откажутся от своей антииранской

политики, такой конфликт будет продолжаться под различными предлогами. Однажды причиной этого конфликта стало несогласие США с мирной ядерной деятельностью Ирана, в другой раз – оборонительные ракеты Ирана (то, что они назвали причиной региональной дестабилизации), а еще раньше – утверждения о нарушении прав человека и поддержки терроризма. И все это привело к возникновению иранофобии.

Насколько продолжительным будет конфликт между США и Ираном?

Складывается впечатление, что, когда говорится об изменениях в политике Ирана и ситуации в стране, США преимущественно имеют в виду отказ правительства Исламской Республики Иран от идеалов исламской революции. Однако американцы также знают, что отказ от идеалов, формирующих сущность исламской революции, не означает ее конец. Принимая во внимание этот факт, можно предложить три следующих взгляда на будущее страны.

1. На основе модели СВПД можно достичь определенного примирения между Ираном и США. При этом Иран не будет отказываться от своих идеалов, а США одобряют или не одобряют позицию Ирана в отношении региональных и мировых изменений. С выходом США из СВПД эта точка зрения стала в Иране абсолютно не популярна, она потеряла большинство своих сторонников.

2. В противовес первому мнению некоторые сторонники прагматического подхода в Иране убеждены в том, что, несмотря на существование противостояния между США и Ираном, Иран может воздержаться от провокационных шагов в отношении США. Такая политика не означает принятия американского доминирования, но предлагает определенный вид мирного сосуществования между

Ираном и Западом. Однако при этом не учитывается фактор агрессивного поведения США по отношению к Ирану и неясно, каким образом Иран может выработать принципы внутренней политики, способствующие противодействию усиливающемуся пропагандистскому вмешательству США в дела страны.

На деле кто гарантирует, что, если Иран откажется от политики, которая по какой-либо причине провоцирует США к активности в регионе и мире, Америка, в свою очередь, откажется от своей политики по свержению Исламской Республики Иран или изменит свое поведение по привычным для нее лекалам?

США не устраивают заговоры исключительно с целью возбуждения в Иране настроений против идеалов исламской революции, а делают это ради своих собственных интересов, заключающихся в свержении исламской республики и/или в достижении компромисса с Америкой в русле диктуемой ею политики. Предполагать, что если Иран откажется от враждебной политики против США, то это однозначно приведет к изменению диктаторского поведения Америки в отношении него, а это противоречит реалиям политики Белого Дома.

3. Имам Хомейни и его преемник и последователь аятолла Хаменеи убеждены, что США никогда не откажутся от политики заговоров в отношении Исламской Республики Иран и до тех пор, пока это возможно, будут осуществлять анти-иранскую политику, чтобы лишить страну основ ее существования. Именно с этой целью Иран должен максимально прилагать усилия, чтобы как внутри, так и за пределами государства подготовить себя к сопротивлению США. При этом сопротивление доминированию Соединенных Штатов Америки не может ограничиваться исключительно границами Ирана. Поэтому Иран, насколько он может, будет бороться с США и их союзниками, в том числе и вне своих границ. То, что Иран присутствует в Сирии и Ираке по согласованию

с их легитимными правительствами, рассматривается именно в данном контексте. Кроме того, поддержка Ираном ХАМАС и «Исламского Джихада» в борьбе против израильской оккупации, поддержка Хезболлы в Ливане также лежит в данной плоскости.

Выводы

Исламская Республика Иран опирается на религиозные убеждения, стремление к справедливости и независимости, религиозное народовластие, чувство собственного достоинства и оппозицию системе международного доминирования. На протяжении сорока лет своего существования она противостояла США, которые поддерживают секуляризм, капитализм, управляемую демократию и прикладывают усилия для установления господства над другими странами, оказывая на них влияние и применяя силу в системе международных отношений.

Сущность исламской республики заключается в сопротивлении доминированию США над другими странами. На протяжении сорока лет существования Исламской Республики Иран США прилагают усилия, чтобы под различными предлогами оказывать давление на Иран и заставить его действовать согласно тому, чего требует американская система доминирования, в том числе пытается и/или оказать давление на власть в Иране через народные волнения и/или изменить ее путем военного вмешательства.

Несмотря на то что в Иране существуют различные и иногда противоречивые взгляды на характер взаимодействия с США и Западом, однако большинство народа выступает за продолжение курса имама Хомейни и аятоллы Али Хаменеи. На этом основании складывается впечатление, что возможность достижения соглашения между двумя сторонами в предстоящие годы далека от реальности.

Отношения России и ИРИ: оценки французских исследователей

В последние годы иранская проблематика не сходит с первых полос всех мировых СМИ, и особый интерес у французских исследователей вызывает российско-иранское политическое и экономическое сближение, наблюдающееся в последнюю четверть века. Эта тематика рассматривается как востоковедами, так и экспертами по России и постсоветскому пространству – политологами, аналитиками. Наиболее часто подвергаются анализу такие аспекты российско-иранского сотрудничества как, причины возникновения, сущность и возможные последствия недавно сформировавшейся российско-иранской геополитической оси, исторический контекст в российско-иранском взаимодействии, экономическое сотрудничество и, безусловно, роль и позиция России по отношению к иранской ядерной программе. В последнее время большое внимание уделяется анализу интересов России и Ирана в Сирии, перспективам их военного союза. Разумеется, многие из этих вопросов довольно дискуссионные, и позиции авторов существенно различаются. Принимая во внимание признанную в научных кругах значимость французской иранистики и французской геополитической школы, представляется, что знакомство с наиболее известными работами о российско-иранских отношениях на французском языке будет интересно российским аналитикам. Профессиональный, независимый, хотя и не всегда приятный, взгляд «со стороны» на российско-иранские связи, особенно когда он не совпадает с общепринятыми позициями российских учёных, может быть полезен для лучшего понимания российской внешней политики за рубежом.

Если в последние годы во Франции, Бельгии и Швейцарии было опубликовано немало серьёзных исследований,

касающихся непосредственно Ирана³⁵, то тема российско-иранских отношений долгое время освещалась лишь в научных статьях и затрагивалась в работах о геополитике Ирана или России.

Первое полное исследование истории современных российско-иранских отношений вышло в 2012 г. под названием «Отношения между Тегераном и Москвой начиная с 1979 года»³⁶. Его автор – Клеман Тэрм – впервые во французской литературе, по словам экспертов, рассматривает российско-иранские отношения с точки зрения иранцев.

Отношения между Ираном и СССР, Ираном и Россией представляются автору как сложная смесь сотрудничества, основанного на общих интересах, и взаимного недоверия. Автор выдвигает две рабочие гипотезы: во-первых, «внешняя политика исламского государства лишь частично отвечает его национальным интересам». Действительно, иранский режим, базирующийся на идеологии хомейнизма, не может отклоняться от его основных принципов без ущерба для его основ. Соответственно, К. Тэрм не согласен с так называемыми термидорианскими теориями, согласно которым, Иран после революционного периода вернулся к классической внешней политике, основанной на защите национальных интересов.

К. Тэрм размышляет над понятием «национальные интересы» и их спецификой применительно к ИРИ и её отношениям с Россией. Он считает, что, «несмотря на отрицание существования национальных интересов в исламской

³⁵ См.: Digard J.-P. Hourcade B. et Richard. L'Iran au XXe siècle. P., 1996; Adelman F. L'Iran, 2005; Heisbourg Fr. Iran, le choix des armes? P., 2007; Coville Th. Iran: la révolution invisible. La Découverte, 2007; Anquez M. Géopolitique de l'Iran: puissance dangereuse ou pays incompris? P., 2014; Hourcade B. Géopolitique de l'Iran: les défis d'une renaissance, (nouvelle édition), 2016; Où va l'Iran ? Regards croisés sur le régime et ses jeux d'influence (sous la direction de François Colcombet). P., 2017; Pirzadeh M. Quand l'Iran s'éveille. Éditions de La Martinière, 2016; Djalili M.-R., Kellner Th. L'Iran en 100 questions. P., 2016.

³⁶ Therme Cl. Les relations entre Téhéran et Moscou depuis 1979. P., 2012 .

доктрине Хомейни, интересы исламского режима иногда совпадают с национальными интересами Ирана. Действительно, каким бы ни был режим у власти в Иране (монархия Пехлеви или Исламская республика), в отношениях с Москвой он встаёт перед необходимостью найти *modus vivendi*»³⁷. ИРИ считает своим призванием на международном уровне продвигать идею противостояния между народами стран третьего мира, включая исламские страны, и западным «миром высокомерия». Однако в отношениях со странами, находящимися в непосредственной близости, Тегеран демонстрирует довольно сдержанную политику, стремясь сохранить стабильность в своем окружении. Таким образом, автор представляет двухвекторную картину иранской внешней политики: «В первом случае (страны-соседи) Тегеран настаивает на общности взаимных интересов и переносит свои революционные амбиции на второй план. Во втором случае (на международной арене) оппозиционная к международной системе, “мировому порядку” сущность режима заставляет идеологические прерогативы взять верх над прагматизмом». Так, ярая поддержка палестинцев, носящая идеологический характер, противоречит весьма умеренным претензиям Ирана по поводу раздела Каспийского моря.

Автор отмечает неизменность позиции Тегерана в отношениях с Москвой. «Вне зависимости от политического строя Ирана или фракции, стоящей у власти в ИРИ, главным доводом в отношениях с Россией остаётся необходимость установления “добрососедских отношений”»³⁸.

К. Тэрм приходит к выводу, что вопрос дипломатических и экономических отношений с Россией находится в непосредственной юрисдикции религиозного лидера Ирана – рахбара, и иранские президенты имеют ограниченную сферу действия

³⁷ Ibid. P. 70.

³⁸ Ibid. P. 240. Здесь и далее перевод с французского автора, курсив и пунктуация оригинала сохранены.

в этой области. Представляет интерес вывод автора о том, что российские дипломаты располагают гораздо большими возможностями поддерживать контакты с высшими инстанциями власти Исламской республики по сравнению с их коллегами из европейских стран. Причиной такой избирательности, по мнению автора, является «восприятие иранскими революционными элитами отношений с Россией не только как стратегически важных, но и определяющих выживание Исламской республики»³⁹. В то же время, как и большинство французских авторов, он считает, что российско-иранские отношения в постсоветский период нельзя характеризовать как «стратегический союз», а скорее – как «тактическое соглашение». Принимая во внимание, что Россия не желает окончательного разрыва с Соединёнными Штатами, сближение между Ираном и Россией является хрупким и находится под постоянным вопросом.

Эмпирический материал исследования представлен интервью с иранскими политиками, главным образом реформаторского толка, религиозными деятелями, жителями Тегерана и Прикаспийских провинций. Целью этих полевых изысканий было выяснить, какой образ России и русских сформировался в коллективном сознании современных иранцев. Полученные данные позволили автору сделать вывод о существовании диссонанса между официальной стратегией иранского государства на развитие сотрудничества с Россией и предпочтениями большинства населения в вопросах внешней политики. По мнению К. Тэрма, в коллективном национальном сознании иранцев образ России крайне негативен: «Большинству иранцев, и в особенности жителям северных провинций, русские представляются как “грубияны” или как жестокие воины, но при этом они также славятся большим политическим умом. Они *зеранг* (лукавы)

³⁹ Ibid. P. 62.

и вызывают у иранцев уважительное опасение»⁴⁰. Однако антироссийские выступления, имевшие место после избрания президентом М. Ахмадинежада в 2009 г., автор расценивает скорее как показатель «растущего разрыва между исламской олигархией и её предпочтениями во внутренней и внешней политике и большинством населения, ожидающим отказа от революционных лозунгов»⁴¹. Исследователь также отмечает, что большинство иранского населения не обеспокоено характером российско-иранских отношений, тогда как возможность примирения с Западом вызывает острую дискуссию в иранском обществе.

Интересен тот факт, что Тэрм приводит в своей книге беседы с некоторыми руководителями Ирана и времён Пехлеви, а также ранее неизвестные данные о проведении переговоров по ядерному сотрудничеству между Тегераном и Москвой в 1970-х гг.

К. Тэрм также рассматривает конвергенцию интересов двух стран после смерти Хомейни и распада СССР. Он исходит из того, что идеология хомейнизма, решительно отрицая атеистический марксизм и претендуя на своё моральное превосходство над капитализмом, тем не менее, определяет Москву как временного союзника в борьбе с «мировым высокомерием», олицетворением которого являются США. За исключением некоторых кризисных моментов, таких как ликвидация партии Туде в 1983 г. и двусмысленность позиции СССР в период ирано-иракской войны, отношения с Москвой никогда не были по-настоящему прерваны.

Окончание ирано-иракской войны и смерть Хомейни маркируют начало сближения между двумя странами.

⁴⁰ Ibid. P. 84. Отметим лишь, что К. Тэрм использует для перевода персидского «зеранг» французское «fourbe» (лукавый, коварный, обманщик, мошенник), что представляет собой лишь одно из значений этого персидского слова, другие его смыслы – способный, умелый, сметливый,мышлёный (см.: Персидско-русский словарь: в 2 т. М., 1985).

⁴¹ Ibid. P. 243.

«Чувство идеологической победы, преобладающее в среде исламских политических элит Тегерана, начиная с периода горбачёвской перестройки, усилило понимание необходимости развития отношений с Москвой»⁴².

Российско-иранское сближение сопровождалось развитием двухсторонней торговли, жизненно необходимой Ирану для восстановления страны после восьми лет войны. Конвергенции интересов двух стран способствовала также атмосфера нестабильности в новообразованных государствах Средней Азии и Кавказа после распада Советского Союза.

Клеман Тэрм полагает, что по своей природе режим, сформировавшийся в России на обломках Советского Союза, имеет целый ряд сходств с исламской республикой. «Несмотря на различия эволюции идеологии, российское и иранское государства относятся к одной категории: это две *“выборные автократии”*, стабильность которых во многом основана на распределении доходов от продажи нефти»⁴³. Автор видит сходство в том, как две страны используют свои энергетические ресурсы для утверждения своего регионального или международного могущества. Популистская политика иранского президента М. Ахмадинежада в газовой индустрии, по мнению автора, навеяна путинской моделью. Обе страны управляются олигархами, вращающимися вокруг или в самом государственном аппарате. Другими словами, нелегко определить, что относится к частному сектору и что к государственному, а также в силу чего экономические интересы двух стран представляются как полугосударственные. Интересные параллели проводит К. Тэрм между российскими «силовиками» и членами КСИР в Иране, подчёркивая растущую роль в экономике и политических структурах бывших членов секретных служб. Много общего

⁴² Ibid. P. 241.

⁴³ Ibid. P. 128.

наблюдает автор в бизнес-климате двух стран: фаворитизм, тяжёлое налогообложение, медлительность административной системы, сложность ведения дел для иностранных инвесторов. Разница лишь в том, что в России идеологический фактор не является первостепенным при принятии экономических решений, тогда как в Иране политизация растёт, особенно при распределении крупных энергетических контрактов.

Рассматривая российско-иранские отношения с точки зрения интересов России, автор приходит к выводу, что Россия использует Иран в качестве разменной монеты в своих переговорах с США. К. Тэрм убедительно доказывает асимметричность российско-иранских отношений, особенно заметную в энергетическом и военном сотрудничестве.

В отношении иранской ядерной программы он считает, что основным интересом России является поддержание статус-кво в конфликте между правительствами западных стран и ИРИ по этой проблеме. Эта ситуация напряжённости вдвойне выгодна России, поскольку позволяет поддерживать нефтяные цены на высоком уровне, предотвращая появление на южном фланге новых стран-экспортёров. В весьма долгосрочной перспективе Иран является потенциальным конкурентом России как на европейском, так и на азиатском рынках. Это объясняет ограниченное присутствие Газпрома в Тегеране⁴⁴. В этом контексте, подчёркивает автор, нет ничего удивительного в том, что Россия не желала ответить на многочисленные иранские инициативы с целью трансформировать это прагматичное соглашение в настоящий стратегический альянс. Наконец, неоднократное принятие Москвой западной позиции по ближневосточному вопросу вызвало в Иране острое разочарование в российско-иранских отношениях.

⁴⁴ Ibid. P. 172–173.

Автор убедительно показывает, что российско-иранские отношения никогда не были и не являются сейчас исключительно двусторонними. Треугольник Москва – Тегеран – Вашингтон, по мнению автора, заставляет Россию «жонглировать» между своими экономическими и политическими интересами в отношениях с Ираном. В силу этого перспективы российско-иранских отношений тесно связаны с внешним фактором. Полное урегулирование иранской ядерной проблемы потребует, по мнению автора, полного пересмотра принципов, которыми руководствовалась до сих пор Исламская Республика во внешней политике. Анализируя российскую позицию, автор задаётся вопросом, готова ли Россия, в свете растущего давления западных держав на иранский и сирийский режимы, «бросить» Иран или она будет продолжать лавировать между необходимостью сохранять свои отношения с США и поддерживать своих партнёров на Ближнем и Среднем Востоке.

Несмотря на то что многие положения, изложенные в книге, являются спорными, монография Клемана Тэрма остаётся на сегодняшний день самым полным и глубоким исследованием современных российско-иранских отношений на французском языке. Точки зрения других учёных также заслуживают внимания.

Стратегическое сотрудничество или брак по расчёту? Причины российско-иранского сближения

Разумеется, что для большинства специалистов сближение между Россией и Ираном, начиная с 1990-х гг., не осталось незамеченным. Однако в плане причин этого сближения, мнения существенно различаются.

Ещё в 2003 г. профессор Мишель Макински обращал внимание на то, что российско-иранские отношения оцениваются экспертами по-разному. Он, в частности, писал:

«Отношения между Ираном и Россией сегодня представляются как разношёрстный конгломерат – “образцового сотрудничества”, “стратегического партнёрства”, “гегемонистской угрозы”, “нарушения суверенных интересов”, конкуренции, борьбы за влияние, “скрытых намерений”. Нет уверенности в том, что обе стороны имеют четкое представление о своих интересах и взаимных стратегиях в этом партнёрстве, особенно если учесть то обстоятельство, что внешние игроки всячески пытаются ввести их в заблуждение»⁴⁵.

Как и другие авторы, Макински считает, что в начале 2000-х гг. Иран чётко осознавал пределы своей внешней политики: «Весьма неутешительные экономические и политические результаты заставили иранцев сложить в шкаф воспоминаний глобальные амбиции революционного ислама». Кроме того, Тегеран извлёк урок из главного стратегического землетрясения XX в. – распада Советского Союза. Иран, по мнению автора, стремится быть державой среднего уровня, региональным актором, с которым считаются. Он не преувеличивает свои возможности: «Конечно, с появлением новых республик на Кавказе на обломках Союза, Иран делал попытки вписаться в новую “Большую игру”, но он совсем не старался развести пожары, позволяя максимум нескольким муллам раздавать Кораны и четки». Причина понятна. Дестабилизация соседних государств, и в первую очередь Азербайджана, могла иметь эффект бумеранга, принимая во внимание, что этнические азербайджанцы составляют более 20% населения Ирана. Те же принципы побудили Иран встать на сторону американцев и русских в их политике стабилизации Кавказа⁴⁶.

Как одну из причин сближения с Россией Макински называет ситуацию «опасной изоляции Ирана» в 2000-х гг. Автор убедительно доказывает, что у Ирана практически

⁴⁵ Makinsky M. *Russie/Iran* / *Outre-Terre* 3. 2003 (№ 4). P. 195–208.

⁴⁶ Ibid. P. 200–201.

не осталось союзников. Приход к власти талибов в Афганистане разрушил сложившуюся ранее и очень важную для Ирана, особенно с точки зрения ядерной индустрии, ось Иран – Пакистан. Над Ираком, с которым только что были нормализованы отношения, уже был занесён топор войны. Тегеран не будет недоволен свержением С. Хусейна, но опасается его последствий. Включение Ирана в список стран «оси зла» поставило эту страну в ситуацию большой уязвимости. Попытки Ирана заручиться поддержкой арабских стран Персидского залива, в том числе и через ОПЕК, не привели к успеху, так как они не имеют возможностей противостоять США. Китай остаётся крупным игроком, который может укрепить позиции Ирана, но он не имеет достаточно привилегированных отношений с США, чтобы удержать Вашингтон от свержения режима в Тегеране. Остаётся только Россия⁴⁷.

На довольно схожую мотивацию Ирана к сотрудничеству с Россией указывает также и Фредерик Тёллие. Он пишет, что «Иран находится на перекрестке нескольких геополитических зон, которые относятся к наиболее активным на планете. Географическое положение Ирана обусловило его контакт с тремя обширными географическими регионами: Центральной Азией и постсоветским пространством, Ближним Востоком и, наконец, Персидским заливом, выходящим в Индийский океан. Иран является своего рода естественной связкой между этими самыми беспокойными зонами в мире и таким образом вовлечён в половину из 22 текущих конфликтов (согласно International crisis group). Иран не в состоянии отказаться от своей роли в этих окружающих его регионах не столько из-за возможностей, которые они ему открывают, сколько из-за угроз, которые они представляют. Геополитический фактор оказывает влияние на психологические представления, формирующие иранскую

⁴⁷ Ibid.

дипломатию, – патологический страх оказаться во вражеском окружении. Иранская обеспокоенность усиливается и тем фактом, что многие попытки посягательств на территориальную целостность опирались на этническую разнородность Ирана»⁴⁸.

При этом Ф. Тёллие с определённой долей оптимизма замечает, что «при поддержке Вашингтона Тегеран может вернуться в “Большую игру” на Ближнем Востоке. Без сомнения, сейчас имеются все условия, чтобы реализовать большую мечту о стабилизации Ближнего Востока, и все это благодаря Ирану, который, как ни парадоксально это может показаться, является рычагом этого процесса»⁴⁹.

Опасения Ирана оказаться во вражеском окружении отмечают и другие авторы. Так, Эрве Ганнад в своей книге «Идентичность и внешняя политика Ирана» высказывает мнение о том, что «отношения с Россией для Ирана – это часть его дипломатии антиизоляции»⁵⁰.

Макински также обратил внимание на то, что между Россией и Ираном наблюдается дивергенция интересов, две страны не имеют столько общих целей, как это было в прошлом, произошёл сдвиг приоритетов. Как и другие исследователи, он подчеркивает, что Иран гораздо больше нуждается в России, чем наоборот, и объясняет эту зависимость поставками российских вооружений и сотрудничеством в ядерной области.

Он отмечает, что в российско-иранских отношениях существуют две разнонаправленные тенденции – на расширение сотрудничества и на дезинтеграцию. Оба партнёра, стремясь «максимально сблизить свои стратегические цели», пытаются укрепить ирано-российскую ось. Но конфликт двух стран по поводу раздела запасов энергоносителей

⁴⁸ Tellier Fr. L'heure de l'Iran. Ellipses, coll. «Mondes réels». P., 2005. P. 99.

⁴⁹ Ibid. P. 117.

⁵⁰ Ghannad H. Identité et politique extérieure de l'Iran. P., 2013.

Каспийского моря работает на разделение. «Этот реальный конфликт, который отравляет отношения между Москвой и Тегераном, не может закончиться компромиссом в силу того, что Иран не может диктовать условия». Автор критически оценивает иранскую дипломатию в отношении Каспия: «Иран не только не смог привлечь Россию на свою сторону, но и сам оказался полностью изолированным. Тегеран недооценил российское влияние на своих каспийских партнёров и поздно понял, что для России “возврат” зоны своего влияния в бывших республиках Советского Союза является стратегическим приоритетом»⁵¹.

Макински полагает, что для Ирана и России характерны следующие общие цели и видения: 1) российские лидеры полагают, что они осознают фундаментальные цели ИРИ и считают их совместимыми или даже конвергентными с их собственными. Они понимают, что Иран чувствует себя в опасности со стороны Пакистана и Афганистана. Москва считает сотрудничество с Тегераном важным для предотвращения исламистского заражения Средней Азии и придаёт большое значение сдержанной иранской реакции на события в Чечне; 2) Иран и Россия понимают важность добычи и экспорта энергоносителей на Каспии. Их общее видение этой проблемы, первоначально размытое конкуренцией, укрепилось после поддержки США трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан, обошедшему и Иран, и Россию; 3) и, наконец, основное – Иран и Россия являются соседями, наследниками двух империй и просто обязаны находиться в ситуации конкуренции или сотрудничества. Москва и Тегеран имеют три общие цели: ограничить американскую гегемонию; поддерживать «многополярный мир»; противостоять попыткам США их изолировать или бойкотировать⁵².

⁵¹ Makinsky M. Op. cit. P. 195–208.

⁵² Ibid.

Многие исследователи отмечают, что распад Советского Союза стал определяющим в развитии современных российско-иранских отношений. Матьё Анкез в своей книге «Иранская стратегия: между могуществом и исторической памятью»⁵³ разделяет мнение вышеназванных авторов относительно взаимных интересов Ирана и России.

Сходной позиции придерживается и французский исследователь Тьерри Ковиль⁵⁴. Он называет российско-иранские отношения прагматическим союзом: «Это такой союз, в котором Иран хорошо знает Россию, и наоборот. Они прекрасно понимают, что Россия в первую очередь защищает свои региональные интересы. Но это две страны, у которых есть реальная стратегия в регионе». И этот союз, по мнению учёного, укрепляется не столько наличием общего врага – США, сколько отсутствием реальной стратегии западных стран в регионе. Относительно российско-иранского экономического сотрудничества Тьерри Ковиль отмечает, что «в какой-то мере Иран и Россия являются конкурентами по экспорту нефти и – особенно – природного газа, в том числе на европейском рынке. Очень важным мне кажется то, что Россия становится одним из главных экспортёров товаров в Иран». Это сотрудничество, и в частности использование валюты, отличной от доллара, позволит Ирану пойти в обход американских санкций, и поэтому сотрудничество с Россией представляет собой стратегический интерес для Ирана⁵⁵.

Размышляя о причинах российско-иранского сближения, французский географ и известный иранист Бернар Уркад⁵⁶ указывает на особенную роль в этом процессе ветеранов

⁵³ Matthieu A. La stratégie de l'Iran, entre puissance et mémoire. Perpignan, 2008.

⁵⁴ URL: <http://www.france24.com/fr/video/20171101-poutine-a-teheran-une-alliance-pragmatique-entre-iran-russie> (дата обращения: 01.11.2017).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Бернар Уркад – исследователь во Французской Академии наук (CNRS), руководит лабораторией «Иранский мир». Он возглавлял Французский

ирано-иракской войны⁵⁷, которые с 1990-х гг. начинают занимать ключевые посты в ИРИ и обращаются к России за помощью в перевооружении своей армии и развитии атомной энергетики⁵⁸.

В своей книге «Геополитика Ирана»⁵⁹ Бернар Уркад дает свои объяснения иранской внешней политики. Он полагает, что трём составляющим иранской идентичности (национальной, исламской и интернациональной) соответствуют три географических круга и, соответственно, три типа иранской внешней политики, направленной в сторону приграничных стран, исламских государств и остальных стран мира. По отношению к первому кругу стран (15 стран-соседей) Иран ведёт себя как государство-нация, и даже если многие из них также являются мусульманскими, политика Ирана в отношении этих стран обусловлена соседскими, иногда конфликтными отношениями больше, чем братством мусульманских народов. Связи Ирана со странами мусульманского мира основаны прежде всего на идеологии. Иран пытается утвердиться в умме как лидер географического пространства, противостоящего Израилю. И наконец, третий, огромный круг отношений Ирана обусловлен процессами глобализации. Этот круг гетерогенен, но с иранской точки зрения объединен некоторым экзотизмом. Центральное место в нём занимает Запад, вызывающий опасения, ненависть, но больше всего – восхищение. Китай, Япония, Индия и Южная Азия воспринимаются Ираном как более близкие, в то время как страны Африки или Латинской Америки обозначают новые горизонты. Уникальность России, по мнению Б. Уркада, состоит в том, что она, будучи частью круга

институт научных исследований в Иране с 1978 по 1993 г. Автор многочисленных работ об Иране.

⁵⁷ Hourcade B. Crise du nucléaire iranien. Le rôle de la Russie et des vétérans de la guerre Iraq-Iran / *Confluences Méditerranée* 2008/2 (N°65). P. 17–30.

⁵⁸ Ibid. P. 20.

⁵⁹ Hourcade B. *Géopolitique de l'Iran*. P., 2010.

стран-соседей, одновременно присутствует и на всех остальных направлениях иранской внешней политики⁶⁰. По мнению учёного, «Россия стала единственной страной в мире, располагающей настолько широким, достаточно сложным и оперативным спектром отношений с Ираном, что может иметь на него эффективное и продолжительное влияние»⁶¹.

В своей новой книге «Геополитика Ирана: задачи возрождения» Уркад посвящает отношениям Ирана с Россией отдельную главу, где он рассматривает их современную динамику. «После прихода к власти Б. Обамы Соединённые Штаты приняли к сведению “особые” отношения между Тегераном и Москвой и решили сделать Россию настоящим партнёром по иранскому досье. Вашингтон отказался от проекта размещения ракет в Восточной Европе за несколько дней до первого совещания между госсекретарём США У. Бернсом и иранской делегацией в Женеве (1 октября 2009 г.). Несмотря на внешний консенсус, Иран, как и в начале периода холодной войны, стал объектом соперничества между США и Россией, однако сейчас это происходит в новых геополитических условиях многополярного мира и с независимым Ираном, способным вести свою собственную внешнюю политику»⁶².

Оценивая российско-иранское сближение, Эрве Ганнад выделяет четыре общие для России и Ирана «геополитические причины для сотрудничества: 1) сдерживание суннизма, который *de facto* укрепился в регионе после распада Советского Союза; 2) противостояние сепаратистскому терроризму (чеченские войны беспокоили Иран ростом сепаратистских движений у своих границ); 3) желание обеих стран блокировать американское присутствие в регионе, применяя формулу “враг моего врага – мой друг”; 4) стремление

⁶⁰ Ibid. P. 167–169.

⁶¹ Ibid. P. 211.

⁶² Hourcade B. Géopolitique de l'Iran: les défis d'une renaissance. P., 2016. P. 287.

противопоставить Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива (организации, которая является в основном арабской и суннитской) Шанхайскую организацию сотрудничества, азиатской и каспийской ориентации»⁶³. По мнению автора, отношения между двумя странами имеют большое будущее. Дипломатические усилия России, направленные на решение сирийского вопроса, в котором Тегеран также сильно заинтересован, показывают возможность создания геополитической оси Иран – Россия для противостояния США и гегемонистским устремлениям Китая в Азии⁶⁴.

Как важную геополитическую ось расценивает российско-иранские отношения и Жан-Сильвестр Монгрень. Однако, по его мнению, это объединение представляет опасность для Европы⁶⁵. В своей недавней статье, навеянной сирийскими событиями, Ж.-С. Монгрень, известный своей антироссийской позицией, называет российско-иранский альянс уже «российско-шиитским фронтом»⁶⁶.

Исследователь в области международных отношений и вице-президент Центра стратегических исследований арабского мира в Париже Мохаммед Фадхель Труди в статье «Российско-иранские отношения: альянс против американского влияния»⁶⁷ задаётся вопросом, почему же Иран так важен в глазах России. Он полагает, что один из путей к осознанию сложных отношений России и Ирана – это рассмотрение их через призму растущей роли России в мусульманском мире. По его мнению, интерес России к Ирану объясняется

⁶³ Ghannad H. Op. cit.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Mongrenier J.-S. Russie-Iran: vers la constitution d'un axe géopolitique? Institut Thomas More/DAS. ed. Unicomm, 2008.

⁶⁶ Mongrenier J.-S. Le front russo-iranien: une alliance trop longtemps négligée. URL: https://www.challenges.fr/monde/moyen-orient/le-front-russo-iranien-une-alliance-trop-longtemps-negligee_514850 (дата обращения: 21.11.2017).

⁶⁷ Troudi M. F. Les relations irano-russes: vers une alliance contre l'influence américaine. Approche historique // *Géostratégie*, № 24, 2009. P. 158.

несколькими факторами. Во-первых, высокий уровень отношений между этими двумя странами сдерживает Иран в оказании своей поддержки мусульманским повстанцам, которые бросили вызов властям на юге России, главным образом в Чечне. Во-вторых, вместо конфронтации Иран и Россия могут эффективно сотрудничать в эксплуатации бассейна Каспийского моря, богатого природными ресурсами. В-третьих, в течение второго мандата Путина Россия стала более активно участвовать в делах Ближнего Востока и исламского мира в целом с целью увеличения своего политического и экономического веса в этом регионе. Она рассматривает Иран как региональную державу, которая может доминировать в регионе Персидского залива. В силу последнего России необходимо сотрудничать с Ираном. В-четвёртых, Россия и Иран стояли у истоков создания газового картеля, напоминающего ОПЕК. Альянс России со страной, обладающей вторыми в мире запасами газа, укрепляет её позиции перед лицом США. По мнению автора, Москва могла бы договориться с тремя нефтяными государствами Средней Азии о прокладке газо- и нефтепровода в Европу по своей территории, а не через Афганистан. В то же время Россия, поддерживая сохранение кризисной ситуации в Иране, ликвидировала опасность иранской конкуренции в энергетическом секторе, лишив Иран вкладов иностранных инвесторов в разработку иранских нефтяных и газовых месторождений. Автор, в частности, пишет: «Цель проводимой Россией политики – сдерживать любые попытки установления американского влияния на Иран. США заинтересованы возобновить мирные отношения с Тегераном, особенно в области эксплуатации нефтяных и газовых месторождений». В-пятых, Иран представляет значительный интерес для российской военной промышленности, а также для экспорта многих других товаров. И наконец, российские и иранские интересы совпадают по ряду вопросов, таких как региональная

безопасность, торговля обычными вооружениями, атомная энергетика, противостояние гегемонии Вашингтона на Ближнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе. Прочный союз с Ираном имеет жизненно важное значение в стратегии России, что, тем не менее, не исключает трещин в российско-иранском партнёрстве⁶⁸.

Тьерри Келлнер и Клеман Тэрм считают, что «российско-иранский альянс ограничен двухсторонним сотрудничеством в силу того, что бунтарская позиция Исламской республики на международной арене вызывает раздражение в Москве». Пересмотр Россией приоритетов своей ближневосточной политики демонстрирует, что она не хочет показаться в глазах арабских стран как «эксклюзивный партнёр» Тегерана. Авторы указывают на проблемы, существующие в отношениях между Ираном и Россией. По их мнению, недостаточная поддержка Россией кандидатуры Ирана в ШОС – показатель недоверия Москвы Тегерану. С другой стороны, они отмечают, что и иранское общественное мнение по историческим причинам остаётся весьма подозрительным к России⁶⁹.

Весьма оригинальный взгляд на российско-иранские отношения демонстрирует профессор военной Академии Сен-Сир Тома Флиши. Он и его соавторы полагают, что Иран со своими двумя стратегическими партнёрами – Россией и Китаем – может попытаться основать новую Монгольскую империю. В своей книге «Китай, Иран, Россия: новая Монгольская империя?»⁷⁰ они называют это объединение прагматическим союзом, в основе которого лежит ирано-китайская ось. «По многим причинам Китай, Иран и Россия вряд ли смогут восстановить ту древнюю Монгольскую

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Kellner T., Therme Cl. Les ententes multipolaires de l'Iran. Aspects russe et asiatiques de la politique étrangère de Téhéran // Politique étrangère. 2007. 4 Hiver. P. 875–887.

⁷⁰ Flichy Th. Chine, Iran, Russie: un nouvel empire mongol? 2013: Limoges, 2013.

империю, которая в прошлом объединяла их в своеобразную федерацию. В отличие от политического устройства империи Чингисхана, объединившего Евразию из тюркомонгольского центра, эти союзники сегодня берут в окружение тот «остров» тюркской цивилизации, которая некогда и собрала вокруг себя эти страны. Китай продолжает свою политику сдерживания тюркских меньшинств в Синьцзяне, Россия пытается контролировать алтайские народы. Иран, со своей стороны, рассматривает Турцию как своего регионального соперника»⁷¹. По мнению авторов, все три страны страдают от структурной демографической слабости, которая в долгосрочной перспективе помешает им в осуществлении своего господства. Однако эти государства могут почерпнуть из своих культур огромный потенциал инноваций. Поэтому Монгольская империя могла бы возродиться сегодня в форме прагматичного союза трёх держав, заинтересованных во взаимной поддержке. «Угроза создания такого союза является навязчивой идеей Соединённых Штатов, которые заинтересованы именно в том, чтобы эти страны как можно дольше оставались разделёнными»⁷². В качестве примера реальных шагов в создании этого трёхстороннего союза авторы приводят основание ШОС, одной из главных целей которой является «противодействие влиянию США в Центральной Азии». Это «тихое соглашение» между Ираном, Китаем и Россией проявляется пока только в областях периферийных конфликтов, например в Сирии и Северной Корее. Авторы пытаются наметить контуры этой новой Монгольской империи, которая не может рассматриваться как «мёртвая зона» на пути глобализации. «Основанный на древнем союзе между персидской и китайской цивилизациями, этот альянс опирается на общее происхождение, полагается на общие геополитические интересы и, самое главное, распространяет такое

⁷¹ Ibid. P. 36.

⁷² Ibid. P. 45.

видение мира, которое противоречит нашим собственным стереотипам». Поэтому, по мнению авторов, полное осознание конвергенции интересов этих стран является ключом к пониманию мира завтрашнего дня, часто интерпретируемого неправильно. Т. Флиши и его соавторы считают, что Китай, Россия и Иран могут извлечь из своей собственной богатой истории достаточно доводов, чтобы понять, что их существование возможно лишь в одной форме: в форме континентальной крепости, сопротивляющейся океанической глобализации⁷³.

Специалисты по России также не обходят вниманием российско-иранский союз. Элен Каррер д'Анкокс, постоянный секретарь Французкой Академии, историк и политолог, в своей книге «Россия между двумя мирами» анализирует эволюцию внешней политики России. По ее мнению, изучение отношений России со странами Ближнего и Среднего Востока обязательно должно включать в себя анализ отношений России с исламом. Автор также придерживается точки зрения об исключительном характере многовекового сосуществования в России автохтонных мусульманских и христианских народов. Автор вместе с тем категорически не принимает идею борьбы современной России с исламом. Две чеченские войны, согласно Э. д'Анкокс, это войны не против религии, а исключительно против чеченских сепаратистов. И дружественные отношения с Ираном приводятся в качестве одного из доказательств этого тезиса.

Элен Каррер д'Анкокс считает, что российско-иранский союз, основанный на конкретных энергетических проектах и выстраивании международных транспортных путей, способствующих росту торговли этих двух стран с Европой и Азией, могли бы дать их сотрудничеству новый геополитический вес⁷⁴.

⁷³ Ibid. P. 76.

⁷⁴ Carrère d'Encausse H. La Russie entre deux mondes. P., 2010. P. 237.

Автор признает, что со стороны России наблюдается редкое постоянство в строительстве привилегированных отношений с Ираном. И геополитический интерес России в этом партнёрстве не подлежит сомнению. Очевидно, что ось Москва – Тегеран способствует возвращению России на Ближний Восток, регион, который всегда являлся привлекательным направлением её внешней политики как во времена Российской империи, так и Советского Союза. Возврат России в этот регион подтверждает также её решимость идти собственным, выбранным ей курсом⁷⁵.

По мнению Изабель Факон, не менее известного французского политолога, «сближение между Ираном и Россией весьма логично, если принять во внимание основной курс российской внешней политики с начала 2000-х. Москва стремится вернуть статус великой державы. Через посредничество в урегулировании проблемы иранской ядерной программы она продемонстрировала как свой вес на международной арене, так и свою способность выдвигать решения, отличные от предлагаемых США»⁷⁶. Сближение Москвы с Тегераном тесно связано с желанием России противостоять расширению западного влияния на своё «ближнее зарубежье», главный приоритет российской дипломатии. Москва видит Иран как одну из немногих стран, которая не бросает ей вызов в постсоветском пространстве.

К этому добавляется совпадение взглядов и по ещё одному довольно чувствительному для Москвы вопросу – ситуации в Афганистане. Тегеран рассматривается Москвой как традиционный политический партнёр для России в деле сдерживания радикальных суннитских групп, в первую очередь на Северном Кавказе, но также и в Средней Азии, и на Кавказе.

⁷⁵ Ibid. P. 238.

⁷⁶ Facon I. Russie. Les relations avec l'Iran, le dessous des cartes // Grande Europe. 2009. № 8. – La Documentation française.

Изабель Факон отмечает и еще один интересный нюанс, характеризуя интересы России к Ирану. С ее точки зрения, Москва, сотрудничая с Тегераном в области атомной энергетики, надеется подать сигнал другим потенциальным клиентам, особенно на Ближнем Востоке и в Азии, что её военная и ядерная промышленности являются надёжными поставщиками, способными выполнять свои обязательства, несмотря на внешнее давление.

Иранская ядерная программа и Россия

Ядерному сотрудничеству двух стран уделяется большое внимание аналитиками российско-иранских отношений. Стоит отметить, что общий тон оценок роли России в конфликте вокруг ядерной программы ИРИ постепенно менялся от резко осуждающего в 2000-х гг. до более уравновешенного и позитивного в последние годы.

Профессор Терез Дельпеш в своей книге «Иран, бомба и отрешение наций»⁷⁷ задаётся вопросом: «Можно ли считать Россию надёжным партнёром европейцев в деле урегулирования иранской ядерной проблемы?» И отвечает на этот вопрос отрицательно.

По мнению Т. Дельпеш, в 1990-х гг. деятельность России в Иране не носила характер, способствующий нераспространению ядерного оружия. Как доказательства она приводит следующие факты: российско-иранское сотрудничество не ограничивалось исключительно строительством Бушерской АЭС, Россия обучала иранских специалистов, в частности в Курчатовском институте; российский экспорт в Иран включал в себя чувствительное оборудование, например предназначенное для лазерного обогащения. В. Михайлов, тогдашний глава Минатома, подписал Меморандум о строительстве в Иране предприятия по производству центрифуг

⁷⁷ Delpech Th. L'Iran, la bombe et la démission des nations. P., 2006.

и исследовательского реактора (проекты были аннулированы в 1998 г. под давлением США); многочисленные российские организации и исследовательские центры в то время занимались сотрудничеством с Ираном в ядерной области без должного контроля со стороны российского государства и т.д. Многие факты, как полагает автор, ещё не получили огласки и могут быть объектом шантажа со стороны Ирана. Особенно, если к этому примешиваются дела, связанные с коррупцией, как, например, дело бывшего министра по атомной энергетике Е. Адамова, обвинённого в присвоении средств, предоставленных России Министерством энергетики США в качестве помощи для улучшения безопасности на ядерных объектах. Кроме того, некоторые неосторожные шаги были сделаны в плане экспорта Украиной в Иран российских крылатых ракет, способных нести ядерные боеголовки. Хотя автор и сомневается в том, что политическое руководство России было информировано о конечных целях этого контракта. Несмотря на то что «Москва кажется действительно обеспокоенной возможным приобретением ядерного оружия Ираном, однако неоднозначность её позиции проявляется во многих областях»⁷⁸. Автор считает, что иногда, говоря о позиции Москвы, трудно разделить стратегические и коммерческие интересы от преступной деятельности. По её мнению, Москва не сомневается в военных амбициях Ирана. Особенно, принимая во внимание то, что российские специалисты в отличие от других в состоянии правильно интерпретировать попытки Ирана приобрести специальное оборудование.

Цитируемая ранее Изабель Факон замечает, что, несмотря на то что в Концепции внешней политики 2008 г. Российская Федерация выступает как последовательный защитник принципов нераспространения ядерного оружия, многим западным наблюдателям позиция РФ по отношению к ядерной

⁷⁸ Ibid. P. 51.

программе Ирана представляется двусмысленной. Однако, «если принять во внимание центральный постулат внешней политики России, а именно примат национальных интересов (экономических, политических и интересов безопасности), становится ясно, что решения, принимаемые Россией, относительно логичны, но могут эволюционировать». Профессор Факон считает, что позиция России, направленная на сдерживание санкций против Ирана, соответствует принципам «экономизации внешней политики», провозглашённой руководством страны в начале 2000-х гг. Затягивание дипломатического кризиса вокруг иранской ядерной программы в интересах России, так как даёт ей время в отсутствие западных конкурентов укрепить свои позиции в Иране в стратегических секторах – атомной, военной, авиационно-космической промышленности⁷⁹.

Наиболее полный анализ иранской ядерной проблемы даёт в своей книге «Иран, состояние кризиса» известный геополитолог Франсуа Жерэ. Будучи специалистом в области нераспространения атомного оружия (он неоднократно посещал Иран), он говорит о готовности России, как и в случае Северной Кореи, играть роль посредника в деле разрешения иранской ядерной программы. По мнению автора, это позволит восстановить утраченное Россией влияние на Ближнем Востоке. При этом автор отмечает, что «представляется преувеличением говорить о безоговорочной поддержке или даже альянсе этих двух стран. Перспектива Ирана, оснащённого ядерным оружием, не привлекательна для России. Интересы России и Ирана сходятся тактически, но стратегически разногласий значительно больше»⁸⁰.

Важность российской дипломатии в деле урегулирования иранской ядерной проблемы отмечает уже упоминавшийся Клеман Тэрм: «В действительности именно предложение

⁷⁹ Facon I. Op. cit.

⁸⁰ Géré Fir. Iran, l'état de crise. P., 2010. P. 191.

российского министра иностранных дел Сергея Лаврова летом 2011 г., так называемое “шаг за шагом” (“step by step”), стало основой для промежуточных договорённостей в ноябре 2013 г., которые вылились в ноябрьское соглашение 2014 г.». Тем не менее автор полагает, что Россия больше заинтересована в поддержании статус-кво, чем в перспективе потепления и возобновления экономических отношений между Ираном и Соединёнными Штатами⁸¹. Автор также указывает на преимущества, которые сможет получить Россия в случае решения ядерного досье. Это, во-первых, международный престиж за то, что она смогла интегрировать Иран в международное сообщество. Дело, в котором европейцы потерпели неудачу. В этом случае американский противоракетный щит в Европе против «иранской опасности» окажется ненужным. Во-вторых, региональная безопасность. Россия имеет возможность стать не просто продавцом оружия, но и непосредственным актором региональной безопасности, в частности в Персидском заливе, где находится Бушерская АЭС. Соединённые Штаты лишатся своей монополии на обеспечение безопасности нефтегазовых путей. В-третьих, контроль за движениями политического ислама в Средней Азии, хотя шиитский Иран имеет там маргинальное влияние. И наконец, контроль над международным газовым рынком⁸².

Война в Сирии и российско-иранские отношения

Большинство экспертов отмечают, что с началом сирийского кризиса военное и политическое сотрудничество между Тегераном и Москвой значительно углубилось. Однако мнения расходятся на предмет того, служит ли это укреплению их союза или наоборот. Эксперты считают, что Иран, Россия

⁸¹ Therme Cl. La Russie au Moyen-Orient : entre enjeux géopolitiques et intérêts économiques // *Géoéconomie*. 2015. Vol. 76, № 4. P. 95–108.

⁸² Ibid.

и другие участники конфликта преследуют в Сирии разные цели.

Писатель, журналист и специалист по России Пьер Лоррен полагает, что российско-иранское военное взаимодействие в Сирии вывело их отношения на качественно новый этап. Напоминая, что с 1979 г. Россия стала первой страной мира, которой власти Ирана позволили использовать свои воздушное пространство и военную базу для совместных действий в Сирии, автор пишет, что иранские лидеры делают шаги в сторону большей открытости по отношению к своим традиционным друзьям, в первую очередь российским. «Нет ничего странного в том, что Россия Владимира Путина вступает в союз с теократическим шиитским режимом, это урок Realpolitik, продиктованный конкретным контекстом. Они сражаются против одного врага, а именно экстремистских групп, которые борются против президента Башара аль Асада». По мнению эксперта, «российско-иранский альянс не основан на идеологических принципах». При этом автор имеет в виду «некоторые западные государства, считающие оправданным заключать союзы с ваххабитскими монархиями Персидского залива, которые распространяют по всему миру догматический ислам и прямо или косвенно финансируют терроризм»⁸³.

Клеман Тэрм также считает, что сирийский кризис трансформировал двусторонние отношения двух стран в сторону их большего сближения. Он укрепил общее видение Москвы и Тегерана на необходимость руководства в международных делах принципом невмешательства и сделанного ими выбора также в пользу принципа независимости от Запада. Их желание отмежеваться от Запада объясняется не только несопадением геополитических интересов, но и убежденностью

⁸³ Entre la Russie et l'Iran, «une alliance très pragmatique» doublée d'une «leçon de Realpolitik». URL: <http://www.france24.com/fr/20160818-russie-iran-alliance-syrie-poutine-rohani-diplomatie-realpolitik-assad-lorrain-interview> (дата обращения: 18.08.2016).

в том, что западные страны разжигают «цветные революции» в государствах, враждебных их интересам. И наконец, сближение России и Ирана основывается также на общем чувстве принадлежности к Евразии и общем интересе к идеям евразийства. Однако эта общность позиций заканчивается, когда речь идёт об оценке исламских движений на Ближнем Востоке. Несмотря на отношения соперничества с мусульманскими движениями, выросшими из «Братьев-мусульман», Тегеран поддерживает диалог с ними, в то время как Москва проявляет принципиальную оппозицию к захвату ими власти на Ближнем Востоке. По мнению автора, Россия в силу своего опыта борьбы против исламистских движений ваххабитского толка на Северном Кавказе не видит различий между джихадистами и «Братьями-мусульманами» и считает, что от них исходит угроза региональной стабильности⁸⁴. «Наблюдающееся укрепление партнёрских отношений между Россией и Ираном является следствием не только деградации отношений последнего с Западом, но и российской стратегии альянса с шиитскими боевиками на Ближнем Востоке против риска заражения суннитским джихадизмом постсоветского пространства»⁸⁵. Кроме того, Москва, согласно К. Тэрму, предпочитает статус-кво стратегиям смены режима, проводимой из-за границы. Этот консервативный российский подход является определяющим в сирийском кризисе.

Эволюцию взглядов официального Тегерана на события «арабской весны» и сирийского конфликта также рассматривают М.-Р. Джалили и Т. Келлнер. Они считают, что «исламское пробуждение» становится «западным заговором», как только оно начинает угрожать Сирии – единственному союзнику Ирана на Ближнем Востоке. Материальная

⁸⁴ Therme Cl. L'Iran et la Russie face aux crises du Moyen-Orient: entreconivence et divergence // *Politique étrangère* 2013/1 (Printemps). P. 131–143.

⁸⁵ Therme Cl. La Russie au Moyen-Orient : entre enjeux géopolitiques et intérêts économiques. P. 95–108.

и военная поддержка Б. Асада Ираном, «которая дорого обходится ему как в экономическом, так и в человеческом плане (м.б., гуманитарном), имеет своей основной целью сохранение оси Тегеран – Багдад – Дамаск – Хезболла, которая является самой главной дипломатической победой Ирана, позволившей ему расширить своё влияние на Восточное Средиземноморье и на Арабский Восток»⁸⁶. Авторы ставят под сомнение достоверность существования так называемой «шиитской дуги». Они напоминают, что три события, а именно иранская исламская революция, превращение ливанской Хезболлы в значимую политическую силу и приход к власти шиитов в Ираке, действительно укрепили политические позиции шиитов, вызвав тем самым опасения в суннитском лагере. Однако, по мнению авторов, «концепция же “шиитского полумесяца” или “шиитской дуги” представляет собой идею, выдвинутую суннитами с целью сплочения арабских государств против Тегерана»⁸⁷.

Говоря о причинах вовлечения Ирана в сирийский конфликт, Бернар Уркад пишет, что Иран действительно решает в Сирии задачи «сохранения своих позиций ... по отношению к Израилю и своей связи с Хезболлой. Однако его приоритетом остаётся защита своих западных границ, которым угрожают джихадистские группы, действующие в интересах нефтяных монархий»⁸⁸.

Аналитик Венсан Дуакс отмечает определённую общность задач России, Ирана и Соединённых Штатов в сирийском конфликте: «Следствием войны в Сирии и Ираке и борьбы против мирового джихада стал консенсус между Тегераном, Москвой и Вашингтоном, несмотря на их различные цели»⁸⁹.

⁸⁶ Djalili M.-R., Kellner Th. L'Iran en 100 questions. P., 2016. P. 258.

⁸⁷ Ibid. P. 261.

⁸⁸ Hourcade B. Géopolitique de l'Iran: les défis d'une renaissance. P. 208.

⁸⁹ Doix V. L'Iran, quelle place dans les relations américano-russes contemporaines? URL: <https://www.diploweb.com/L-Iran-quelle-place-dans-les.html> (дата обращения: 26.12.2016).

Они имеют общие интересы в том, что касается послевоенного состояния Сирии, в области контроля и сдерживания джихадистских групп и поддержания равновесия сил в регионе. Однако на практике средства для достижения поставленных целей существенно различаются. Так, Тегеран и Москва поддерживают сирийский режим и в меньшей степени нацелены на уничтожение «исламского государства», полагает В. Дуакс. Он также отмечает, что в отличие от России и Ирана американцы не имеют определённой стратегии в Сирии. Основной целью России в Сирии, как считает автор, является не только её стратегическое движение к тёплым морям и защита своего выхода в Средиземное море, но и в первую очередь утверждение своего лидерства в международных делах, сдерживание исламистской угрозы и выстраивание хороших отношений со странами региона. Как показатель начинающегося разлома в российско-иранских отношениях автор расценивает инцидент в Алеппо, когда в декабре 2016 г. командование иранской дивизии «Кодс» отказалось проводить эвакуацию населения из города, спланированную Москвой⁹⁰.

Махан Абедин также указывает на различия российских и иранских интересов в Сирии. По его мнению, Россия больше заинтересована в дипломатическом урегулировании конфликта, чем Иран. Исламская республика больше концентрируется на непосредственно военных операциях с целью укрепления позиций сирийского правительства, а также, что более важно, защите от последствий конфликта своего ливанского союзника Хезболлы. Иран не настаивает на территориальной целостности Сирии: «Для Ирана важно, чтобы сирийское государство осуществляло полный контроль над “нужными” территориями, такими как Дамаск, провинция Эль-Кунейтра, большая часть центральных регионов и средиземноморское побережье». Россия же, «протянув

⁹⁰ Ibid.

руку некоторым группам в сирийской оппозиционной армии, выступает за территориальную целостность Сирии и установление внутреннего статус-кво, который не может быть достигнут без нарушения идеологии Сирийского государства и его возможного выхода из регионального движения “сопротивления”, возглавляемого Ираном. Для Ирана желаемое решение конфликта – это не неуклюжий мирный процесс, угрожающий господству сирийских политических элит, а продолжительная война на истощение, которая постепенно изменит баланс сил в пользу сирийского правительства»⁹¹.

Бруно Тертрэ рассматривает совместный российско-иранский опыт военных действий в Сирии как позитивный для иранских вооружённых сил: «Опыт военных действий в Сирии позволил Ирану сделать качественный скачок с точки зрения способности выполнять сложные и продолжительные операции вдали от границ своей страны. Можно сказать, что Иран, который ранее был страной, которая опиралась главным образом на “гибридные” или “асимметричные” типы операций, превратился в подлинный центр региональной военной мощи, чего не было со времён ирано-иракской войны. Иранские силы также многому научились у своих российских коллег, в особенности что касается специальных операций, воздушных ударов и совместных операций (сухопутные войска – авиация)»⁹².

Палитра взглядов и мнений франкофонных авторов необыкновенно разнообразна. Наиболее часто специалисты задаются вопросами, являются ли российско-иранские отношения частью азиатской стратегии России или речь идёт о балансе сил в российско-американском взаимодействии,

⁹¹ Mahan Abedin. La Russie et l'Iran en désaccord sur la Syrie. URL: <http://www.middleeasteye.net/opinions/la-russie-et-l-iran-en-d-saccord-sur-la-syrie-1546636202> (дата обращения: 06.11.2019).

⁹² Tertrais B. Un pari raté : l'accord nucléaire et le comportement stratégique de l'Iran, in : Où va l'Iran ? Regards croisés sur le régime et ses jeux d'influence (sous la direction de François Colcombet). P., 2017. P. 35–48.

и в этом случае служит ли российско-иранский союз разменной монетой? Насколько солидна эта российско-иранская геополитическая ось в перспективе? Какова природа российско-иранских отношений? Представляют ли эти отношения опасность как в региональном, так и в глобальном масштабе? Каковы мотивации двух стран к сотрудничеству, и какую выгоду они надеются извлечь из этого альянса и т.п.? Как мы видели, среди экспертов нет единого мнения на российско-иранские отношения. Одни называют их стратегическим союзом, другие – тактическим соглашением, прагматическим партнёрством, браком по расчёту, российско-шиитским альянсом и даже новой Монгольской империей. Одним этот союз кажется удивительным с точки зрения идеологии, другим, наоборот, естественным и вполне логичным. Однако почти все исследователи отмечают важность этой сравнительно новой геополитической оси.

Анализируя факторы, способствующие российско-иранскому сближению, французские исследователи наиболее часто пишут об иранской изоляции, страхе оказаться в окружении вражеских держав, необходимости перевооружения иранской армии и развитии атомной энергетики.

Интересы России в российско-иранском альянсе определяются как необходимость иметь партнёра для обеспечения безопасности и борьбы с западным влиянием на юге постсоветского пространства, так и экономические причины, а также возможность иметь дополнительный «козырь» в своих отношениях с Западом и др.

Отмечается асимметрия российско-иранских отношений как в политическом, так и в экономическом аспекте. По мнению большинства экспертов, Иран больше нуждается в России, чем наоборот.

Слабым местом, тормозящим развитие российско-иранских отношений, является взаимное недоверие, причина которому, согласно экспертам, кроется в конфликтном

прошлом двух стран. За редким исключением, история российско-иранских отношений представляется с негативной точки зрения. Так, к примеру, говоря о советско-иранском договоре 1921 г., обычно цитируется только шестая его статья (о вводе войск). Многие позитивные моменты российско-иранских отношений часто замалчиваются.

Французские ученые и аналитики пишут и о том, что российско-иранские отношения не являются исключительно двусторонними, говорят о российско-иранско-американском треугольнике, о роли Израиля, Китая, а теперь и Саудовской Аравии в этих отношениях. Некоторые авторы, на наш взгляд, совершенно ошибочно полагают, что Россия заинтересована в сохранении ирано-американской конфронтации, опасается улучшения отношений Ирана с США. По их мнению, Россия прилагает усилия для сохранения кризисной ситуации с целью лишить Иран инвестиций в его нефтегазовый сектор и тем самым обезопасить себя от возможной конкуренции на мировом рынке или просто поддерживать цены на энергоносители на высоком уровне.

Сотрудничество между Ираном и Россией в атомной энергетике также по-разному оценивается французскими экспертами. Причём работы, опубликованные в 1990–2000-е гг., как правило, осуждают согласие России помогать Ирану в развитии его ядерной программы. Однако уже в 2010-е гг. авторы в целом положительно отзываються о роли России в разрешении иранской ядерной проблемы.

Практически все эксперты согласны с тем, что война в Сирии укрепила стратегические отношения между Ираном и Россией. Однако многие указывают на дивергенцию российских и иранских интересов в этом конфликте, видя в них причину будущего раскола. Некоторые эксперты стараются записать Россию в шиитский лагерь, что совершенно неверно, и отношения России с Саудовской Аравией прекрасно это доказывают. Более того, подобный исключительно

конфессиональный подход представляется нам близоруким, он не охватывает всей сложности ближневосточного конфликта.

Несмотря на высокий аналитический уровень рассмотренных работ, нам кажется, что в целом франкофонным экспертам свойственно преувеличивать степень экономической заинтересованности России в альянсе с Ираном. Возможно, такая точка зрения была близка к истине в 1990-е гг., но сейчас, когда на Иран приходится ничтожно малая доля (0,5%) российского экспорта, с этим согласиться довольно трудно. То же самое можно сказать и об идее российско-иранской конкуренции на газовом рынке. Несмотря на огромные запасы природного газа в стране и существенный уровень добычи, Иран пока не стал его значимым экспортёром. Поэтому Россия не рассматривает Иран, как, впрочем, и других экспортёров газа, в качестве конкурента, во всяком случае на среднесрочную перспективу.

Кроме того, на наш взгляд, сильно завышена способность России влиять на внешнеполитические и экономические действия Ирана. Исламская Республика проводит независимую внешнюю и внутреннюю политику. И за последние тридцать лет мы были свидетелями многих решений, принятых руководством страны, которые шли вразрез с интересами России⁹³. Однако, в любом случае, оценки франкоязычных авторов достаточно интересны, и их знание может быть полезным для исследователей и в России, и в Иране.

⁹³ К таким действиям можно отнести согласие участвовать в проекте Набукко, антиизраильская риторика, особая позиция по поводу статуса Каспийского моря, отказ Ирана от российских предложений по урегулированию ядерной проблемы и т.п.

Литература

- Аравани А. Основы политической философии Жака Маритена / Диссертация. Сообщество мудрости и философии. Тегеран, 2010 (на перс. яз.).
- Арендт Х. Революция. Тегеран, 2002 (на перс. яз.).
- Баширие Х. История политической мысли в двадцатом веке. В 2 т. Тегеран, 1999. Т. 2. (на перс. яз.).
- Баширие Х. Уроки демократии для всех. Тегеран, 2001 (на перс. яз.).
- Баширие Х. Пролог к политической социологии Ирана: период Исламской Республики. Тегеран, 2002 (на перс. яз.).
- Баят А. «Уличная политика». Тегеран, 2000 (на перс. яз.).
- Битхем Д., Бойль К. Что есть демократия? Тегеран, 2014 (на перс. яз.).
- Винсент Э. Теории государства. Тегеран, 1997 (на перс. яз.).
- Готб С. Социальная справедливость. Кум, 1963 (на перс. яз.).
- Джавади Амоли А. По вопросам откровения и лидерства. Кум, 1997 (на перс. яз.).
- Конституция Исламской Республики Иран. Тегеран, 1979 (на перс. яз.).
- Малекийан М. Методология в политологии. Часть вторая // Политические науки. 2003. № 22 (на перс. яз.).
- Моджтахед Шабестари М. Критика официального толкования религии. Тегеран, 2000 (на перс. яз.).
- Мохаммади Э. Книга познания социальной справедливости // Исламское правление. 2001. № 22 (на перс. яз.).
- Наини М. Х. Танбият-оль-оммат ва танзият-оль-меллят. Тегеран, 1999 (на перс. яз.).
- Нили М. (в соавторстве). Экономика и социальная справедливость. Тегеран, 2015 (на перс. яз.).
- Салехи Эсфахани Дж. Бедность и неравенство через 25 лет после революции // Перспективы Ирана. Тегеран, 2007 (на перс. яз.).
- Соруш А. Жирнее идеологии. Тегеран, 1993 (на перс. яз.).
- Соруш А. Толерантность и управление. Тегеран, 1997 (на перс. яз.).
- Хагигат С. С. Наднациональная ответственность в международной политике исламского государства. Тегеран, 1996 (на перс. яз.).
- Хагигат С. С. Разделение власти в политической идеологии шиизма. Тегеран, 2003 (на перс. яз.).

Хагигат С. С. Теоретические поиски в сфере религиозного лидерства // Сборник статей конференции по исламской революции. Кум, 2006. Т. 1 (на перс. яз.).

Хашеми Рафсанджани А. А. Социальная справедливость: экономические вопросы. Тегеран, 1982 (на перс. яз.).

Хелд Д. Модели демократии. Тегеран, 1990 (на перс. яз.).

Хоссейни-заде М. А. Политический ислам в Иране. Кум, 2010 (на перс. яз.).

Якуби Д. Взгляд иранцев на справедливость. Тегеран, 2009 (на перс. яз.).

Anquez M. La stratégie de l'Iran, entre puissance et mémoire. Tempora, 2008.

Carrère d'Encausse H. La Russie entre deux mondes. P., 2010.

Coville T. Tensions Russie-Occident: l'Iran, cet atout très dangereux que Poutine pourrait jouer plus vite que prévu. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/tensions-russie-occident-iran-cet-atout-tres-dangereux-que-poutine-pourrait-jouer-plus-vite-que-prevu-thierry-coville-1039459.html/page/0/1> (дата обращения: 11.04. 2014).

Delpéch Th. L'Iran, la bombe et la démission des nations. P., 2006.

Djalili M.-R., Kellner Th. L'Iran en 100 questions. P., 2016.

Facon I. Russie. Les relations avec l'Iran, le dessous des cartes. Grande Europe. 2009. № 8 – La Documentation française.

Flichy Th. Chine, Iran, Russie: un nouvel empire mongol? Limoges, 2013.

Géré Fr. Iran, l'état de crise. P., 2010.

Ghannad H. Identité et politique extérieure de l'Iran. Ed.: Studiorama, 2013.

Hampton J. Political Philosophy. Colorado and Oxford, 1997.

Heywood A. Political theory: An Introduction. Third Edition, 2004.

Hourcade B. Crise du nucléaire iranien. Le rôle de la Russie et des vétérans de la guerre Iraq-Iran, in: Confluences Méditerranée, 2008/2 (N°65).

Hourcade B. Géopolitique de l'Iran. P., 2010.

Hourcade B. Géopolitique de l'Iran: les défis d'une renaissance (nouvelle édition). P., 2016.

Kellner Th., Therme Cl. Les ententes multipolaires de l'Iran. Aspects russe et asiatiques de la politique étrangère de Téhéran // Politique étrangère, 2007/4 Hiver.

Makinsky M. «Russie/Iran», in: Outre-Terre 3/2003 (№ 4).

Miller D. The Principles of Social Justice. USA: Harvard University Press, 1999.

Mongrenier Jean-Sylvestre. Le front russo-iranien: une alliance trop longtemps négligée. URL: https://www.challenges.fr/monde/moyen-orient/le-front-russo-iranien-une-alliance-trop-longtemps-negligee_514850 (дата обращения: 21.11.2017).

Mongrenier J.-S. Russie-Iran: vers la constitution d'un axe géopolitique? Institut Thomas More/DAS ed. Unicomm, 2008.

Paul S., Assadzadeh A. Poverty, Growth, and Redistribution: A Study of Iran // Review of Development Economics. 2004. № 8(4).

Salehi-Isfahani J. Poverty and Income Inequality in the Islamic Republic of Iran // Revue internationale des études du développement, 2017.

Tellier Fr. L'heure de l'Iran, Ellipses, coll. «Mondes réels». P., 2005.

Tertrais Br. Un pari raté: l'accord nucléaire et le comportement stratégique de l'Iran, in: Où va l'Iran? Regards croisés sur le régime et ses jeux d'influence (sous la direction de François Colcombet). P., 2017.

Therme Cl. Les relations entre Téhéran et Moscou depuis 1979. Coll. The Graduate Institute, Geneva Publications. P., 2012.

Therme Cl. L'Iran et la Russie face aux crises du Moyen-Orient: entre connivence et divergence // Politique étrangère 2013/1 (Printemps).

Therme Cl. La Russie au Moyen-Orient: entre enjeux géopolitiques et intérêts économiques. / Géoeconomie. 2015. Vol. 76, № 4.

Troudi M. F. Les relations irano-russes: vers une alliance contre l'influence américaine. Approche historique// Géostratégique. 2009. № 24.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более 40 лет тому назад в Иране развернулось массовое революционное движение под антишахскими лозунгами, в результате которого была свергнута многовековая монархия. Этот революционный подъем был назван исламской революцией, поскольку во главе событий стояло шиитское духовенство, которое и предложило модель новой государственной системы, основанной на шиитской традиции «веляят-е факих» (правление праведного богослова). В Иране была создана уникальная политическая система «религиозного народовластия», которая сочетает в себе теократические и республиканские принципы.

За прошедшие десятилетия ИРИ столкнулась с различными испытаниями: ирано-иракская война, внешнее экономическое давление, политическая изоляция, внутренние протесты, экономические кризисы, острая внутривластная борьба. Однако режим выстоял и доказал устойчивость избранной 40 лет тому назад модели развития. За этот период руководство страны неоднократно проявляло прагматизм и вносило изменения в эту модель с целью упрочения социально-экономического потенциала, не отказываясь при этом от ценностей исламской революции и идеи осуществления социальной справедливости.

Анализ динамики и особенностей экономического развития ИРИ, проведенный авторами соответствующего раздела монографии, показал, что, несмотря на перипетии внутренней политики и сорок лет очень сложных отношений с мировым рынком, ИРИ удалось сохранить свой экономический потенциал, что способствовало сохранению целостности государства и повышению его роли в мировой политике. В то же время Иран не смог избавиться от влияния огромных энергетических запасов на экономику, поэтому санкции, накладываемые США на закупки иранской нефти, оказались

особенно болезненными. Усиление санкционного режима привело к постепенному выводу инвестиций западных стран из Ирана. В настоящее время для ИРИ жизненно необходимо решить проблемы взаимосвязей с мировым рынком капитала, что существенно могло бы ускорить дальнейшее развитие страны, тратящей ресурсы на преодоление последствий санкционного режима, который в Иране рассматривается как экономическая война. В настоящее время руководство ИРИ поворачивает свой взгляд на Восток, видя широкие возможности взаимодействия с Китаем, Индией и государствами ЮВА. Особое внимание уделяется развитию экономических контактов с соседними государствами и ЕАЭС.

Изучение функционирования политической системы ИРИ показало, что развитие политического процесса за 40-летний период определяло противостояние представителей консервативного фланга, стремящихся к упрочению исламских принципов в политической сфере, и сторонников религиозно-политического реформизма, продвигающих идеи демократизации. Во второй половине 90-х – начале 2000-х гг. активизировался процесс либерализации, инициатором которого стало духовенство, стремившееся реализовать идею религиозной демократии. Однако он не получил логического завершения и был приостановлен. В последнее десятилетие вследствие изменения социально-экономической ситуации и углубления процесса дифференциации общества, усиления влияния внешних факторов ИРИ переживает внутривнутриполитический кризис. Молодое поколение выражает недовольство жестким контролем духовенства над всеми сферами жизни общества и стремится усилить демократические принципы иранской государственной модели.

Огромное влияние на политическую систему ИРИ оказывают вооруженные силы: Армия и КСИР, призванные обеспечивать ее безопасность. За 40 лет они сильно эволюционировали, совершенствуясь и модернизируясь. ВС ИРИ

оснащаются современным вооружением и боевой техникой. В настоящее время вооруженные силы, в первую очередь КСИР, значительно укрепили свои позиции в экономике и политической сфере внутри страны и стали важнейшим фактором всей ближневосточной политики. И их значение с точки зрения обеспечения политических интересов Ирана в регионе возрастает.

В современном Иране тема культуры, культурной политики не является периферийной: культура рассматривается руководством страны как важный компонент ее государственно-политической и идеологической доктрины, оказывающей также большое влияние на формирование морально-этических норм повседневной жизни иранцев. Важная роль в культурной политике ИРИ на протяжении четырех десятилетий ее существования придается исламскому фактору и культурному наследию. Особое внимание в этом контексте уделяется роли теории диалога цивилизаций, предложенной М. Хатами, и изменению отношения к ней в общественном сознании иранского общества в зависимости от ситуации, складывающейся как внутри Ирана, так и вокруг него на международной арене. Тема «Иран и Запад», имеющая давнюю традицию в культурологическом дискурсе и привлекающая к себе внимание как представителей власти, так и широкой общественности, приобретает в наши дни в стране особую остроту, способствуя ее политизации. Авторы предпринимают попытку показать, что иранская культура все больше становится важным фактором внешнеполитической деятельности, способствующей укреплению позиций ИРИ на мировой арене в целом и обеспечению ее лидирующей роли в регионе, реализации идеи экспорта исламской революции и осуществления иранской культурной экспансии за пределы страны. Особое внимание уделяется персидскому языку – государственному языку ИРИ,

национальному достоянию, рассматриваемому как действенный фактор в процессах интеграции и консолидации народов страны

Военно-политическое руководство ИРИ инициировало и продолжает продвигать развитие ядерной программы, значительно осложнившей отношения Ирана с мировым сообществом. Хотя после долгих лет переговоров Ирану удалось достичь соглашения по СВПД и получить определенные преференции, администрация Д. Трампа вышла из ядерной сделки и пытается посадить Иран за стол переговоров на своих условиях, что привело к эскалации напряженности в отношениях двух стран, в последние годы балансирующих на грани военного конфликта.

Однако тот факт, что за 40 лет противостояния США и ИРИ, ведения прокси-войн им удавалось избежать открытого столкновения, укрепляет надежду на то, что не однажды проявленный со стороны иранского руководства прагматизм, а также профессионализм иранских переговорщиков, использующих различные методы и форматы в международном общении, позволит несколько снизить уровень напряженности. Этого требует ситуация, сложившаяся в регионе и внутри страны в первые месяцы 2020 г. Падение цен на нефть и развитие пандемии коронавируса, наложившись на американские санкции, поставили экономику ИРИ на грань коллапса, усугубили недовольство населения политикой властей и обострили внутривластную борьбу. В этой ситуации режим может пойти или на радикальное реформирование своей политической и экономической модели развития в рамках исламской республики или на возрождение автаркических тенденций первого послереволюционного десятилетия, что усилит его международную изоляцию и в будущем может представлять угрозу внутренней стабильности.

ОБ АВТОРАХ

Арабаджян Завен Артемович – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока. Институт востоковедения РАН, кандидат экономических наук.

Бехештипур Хасан – сотрудник Института изучения Ирана и Евразии (IRAS).

Гладкова Елена Львовна – заведующая кафедрой индоиранских и африканских языков, МГИМО (У) МИД РФ, кандидат филологических наук, доцент.

Дружиловский Сергей Борисович – профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД РФ, кандидат исторических наук.

Дунаева Елена Викторовна – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Евсеев Владимир Валерьевич – заведующий отделом, Институт стран СНГ, кандидат технических наук.

Каменева Марина Самуиловна – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, кандидат филологических наук.

Карасова Татьяна Анисимовна – ведущий научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Мамедова Нина Михайловна – ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, доцент кафедры мировой экономики МГИМО (У) РФ, кандидат экономических наук.

Моххагег Али – сотрудник Посольства Исламской Республики Иран в РФ.

Мирмусави Сейед Али – доцент, Университет Мофид, г. Кум, Исламской Республики Иран.

Обухова Анастасия Николаевна – младший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, магистр экономики.

Полищук Александр Иванович – доцент кафедры восточных языков переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет, кандидат исторических наук.

Сажин Владимир Игоревич – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Талатчян (Зотова) Юлия Александровна – преподаватель, Северо-Тегеранское отделение университета «Азад», Тегеран, Иран.

Федорова Ирина Евгеньевна – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Хагигат Сейед Садег – профессор Университета Мофид, г. Кум, Исламская Республика Иран.

Юртаев Владимир Иванович – профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, доктор исторических наук.

SUMMARY

The multi-authors monograph is the outcome of the international conference «40 years of the Islamic Republic of Iran» held by the Iranian department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences jointly with the Iranian Embassy in the Russian Federation. The monograph contains materials devoted to the foreign and domestic policy issues as well as the economic, social and cultural problems of the Islamic Republic of Iran over the forty-year period of its existence.

The monograph considers the processes occurring within the country and the problems typical of such areas as economy, politics and culture. Both general and specific trends in these areas are shown in the monograph.

A significant place is taken by Iran's relations with the outside world – Iran's policy in the region, in particular in Syria, relations with the United States, the influence of the Islamic revolution on the Islamic movements in the Near and Middle East.

Of great value are the articles written by Iranian researchers which reflect the point of view of Iranian scientists on the processes that took place in the country over the 40 years of the development of the Islamic Republic.

The monograph may be of interest not only to specialists in Iranian studies, but also to all those who are interested in the problems of the region and the world in general. Moreover, it can be used not only in scientific circles but also in the educational process as a teaching aid for students of oriental studies.

Научное издание

40 ЛЕТ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

коллективная монография

Редактор *М. С. Грикурова*
Корректор *М. Я. Колесник*
Верстка *И. В. Федулов*

Подписано 18.10.2020
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,5. Уч.-изд. л. 15,5
Тираж 500 экз. Зак. № 431.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5
Тел: 8 (495) 322 38 31

www.t8print.ru